

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

В. И. ЛЕНИН

О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

СБОРНИК

ОГИЗ ~ ГОСПОЛИТИЗДАТ ~ 1944

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В настоящий сборник вошли тезисы, доклады, речи, произнесенные В. И. Лениным на I, II, III и IV конгрессах Коммунистического Интернационала за период 1919—1922 гг. В сборник включен также ряд речей, статей и писем, характеризующих обстановку, в которой создавался III Интернационал, его всемирно-историческое значение для развития международного революционного рабочего движения.

Материал расположен в хронологическом порядке.

Текст произведений В. И. Ленина дается по третьему изданию Сочинений и третьему изданию Избранных произведений В. И. Ленина.

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ КОНГРЕССА 2 МАРТА *

По поручению Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии, открываю первый международный коммунистический конгресс¹. Прежде всего прошу всех присутствующих почтить вставанием память лучших представителей III Интернационала: Карла Либкнехта и Розы Люксембург. (*Все встают.*)

Товарищи! Наше собрание имеет великое всемирно-историческое значение. Оно доказывает крах всех иллюзий буржуазной демократии. Ведь не только в России, но и в наиболее развитых капиталистических странах Европы, как, например, в Германии, гражданская война стала фактом.

Буржуазия испытывает безумный страх перед растущим революционным движением пролетариата. Это станет понятным, если мы примем во внимание, что ход событий после империалистской войны неизбежно способствует революционному движению пролетариата, что международная мировая революция начинается и усиливается во всех странах.

Народ сознает величие и значение разыгрывающейся в настоящее время борьбы. Необходимо только найти ту практическую форму, которая даст возможность пролетариату осуществить свое господство. Такой формой является советская система с диктатурой пролетариата. Диктатура пролетариата!—до сих пор эти слова были для масс латынью. Благодаря распространению системы Советов по всему миру, эта латынь переведена на все современные языки; практическая форма диктатуры найдена рабочими массами. Она стала понятной широким массам рабочих благодаря Советской власти в России, благодаря спартаковцам в Германии и аналогичным организациям в других странах, как, например, Shop Stewards Committees** в Англии. Все это

* Произнесена В. И. Лениным на первом конгрессе Коммунистического Интернационала 2 марта 1919 г. *Ред.*

** — Комитеты фабричных старост. *Ред.*

доказывает, что революционная форма пролетарской диктатуры найдена, что пролетариат теперь в состоянии практически использовать свое господство.

Товарищи! Я думаю, что после событий в России, после январской борьбы в Германии—особенно важно отметить, что и в других странах пробивается к жизни и приобретает господство новейшая форма движения пролетариата. Сегодня, например, я читал в одной анти-социалистической газете телеграфное сообщение о том, что английское правительство приняло Бирмингамский Совет Рабочих Депутатов и высказало готовность признать Советы, как экономические организации. Советская система победила не только в отсталой России, но и в наиболее развитой стране Европы—в Германии, а также и в самой старой капиталистической стране—в Англии.

Пусть буржуазия еще свирепствует, пусть она еще убивает тысячи рабочих,—победа за нами, победа всемирной коммунистической революции обеспечена.

Товарищи! Сердечно приветствуя вас от имени Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии, предлагаю приступить к выборам президиума.

ТЕЗИСЫ И ДОКЛАД О БУРЖУАЗНОЙ
ДЕМОКРАТИИ И ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА
4 МАРТА

1. Рост революционного движения пролетариата во всех странах вызвал судорожные потуги буржуазии и ее агентов в рабочих организациях найти идейно-политические доводы для защиты господства эксплуататоров. Среди этих доводов особенно выдвигается осуждение диктатуры и защита демократии. Лживость и лицемерие такого довода, повторяемого на тысячи ладов в капиталистической печати и на конференции желтого Интернационала в феврале 1919 г. в Берне², очевидны для всех, кто не хочет изменять основным положениям социализма.

2. Прежде всего, этот довод оперирует с понятиями «демократия вообще» и «диктатура вообще», не ставя вопроса о том, о каком классе идет речь. Такая внеклассовая или надклассовая, якобы общенародная, постановка вопроса есть прямое издевательство над основным учением социализма, именно учением о классовой борьбе, которое на словах признают, а на деле забывают социалисты, перешедшие на сторону буржуазии. Ибо ни в одной цивилизованной капиталистической стране не существует «демократии вообще», а существует только буржуазная демократия, и речь идет не о «диктатуре вообще», а о диктатуре угнетенного класса, т.-е. пролетариата, над угнетателями и эксплуататорами, т.-е. буржуазией, в целях преодоления сопротивления, которое оказывают эксплуататоры в борьбе за свое господство.

3. История учит, что ни один угнетенный класс никогда не приходил к господству и не мог придти к господству, не переживая периода диктатуры, т.-е. завоевания политической власти и насильственного подавления самого отчаянного, самого бешеного, ни перед какими преступлениями не останавливающегося сопротивления, которое всегда оказывали эксплуататоры. Буржуазия, господство которой защищают теперь социалисты, говорящие против «диктатуры вообще» и распинающиеся за «демократию вообще», завоевывала власть в передовых странах ценой ряда восстаний, гражданских войн, насильственного пода-

вления королей, феодалов, рабовладельцев и их попыток реставрации. Тысячи и миллионы раз объясняли народу классовый характер этих буржуазных революций, этой буржуазной диктатуры социалисты всех стран в своих книгах, брошюрах, в резолюциях своих съездов, в своих агитационных речах. Поэтому теперешняя защита буржуазной демократии под видом речей о «демократии вообще» и теперешние вопли и крики против диктатуры пролетариата под видом криков о «диктатуре вообще» являются прямой изменой социализму, фактическим переходом на сторону буржуазии, отрицанием права пролетариата на свою, пролетарскую, революцию, защитой буржуазного реформизма как раз в такой исторический момент, когда буржуазный реформизм во всем мире потерпел крах и когда война создала революционную ситуацию.

4. Все социалисты, разъясняя классовый характер буржуазной цивилизации, буржуазной демократии, буржуазного парламентаризма, выражали ту мысль, которую с наибольшей научной точностью высказали Маркс и Энгельс словами, что наиболее демократическая буржуазная республика есть не что иное, как машина для подавления рабочего класса буржуазией, массы трудящихся горсткой капиталистов. Нет ни одного революционера, ни одного марксиста, из кричащих ныне против диктатуры и за демократию, который бы не клялся и не божился перед рабочими в том, что он признает эту основную истину социализма; а теперь, когда революционный пролетариат приходит в брожение и движение, направленное к разрушению этой машины угнетения и к завоеванию пролетарской диктатуры, эти изменники социализма изображают дело так, будто буржуазия даровала трудящимся «чистую демократию», будто буржуазия отказалась от сопротивления и готова повиноваться большинству трудящихся, будто никакой государственной машины для подавления труда капиталом в демократической республике не было и нет.

5. Парижская Коммуна, которую на словах чествуют все, желающие слыть социалистами, ибо они знают, что рабочие массы горячо и искренне сочувствуют ей, показала особенно наглядно историческую условность и ограниченную ценность буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии—учреждений, в высокой степени прогрессивных по сравнению с средневековьем, но неизбежно требующих коренной перемены в эпоху пролетарской революции. Именно Маркс, который лучше всего оценил историческое значение Коммуны, анализируя ее, показал эксплуататорский характер буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, когда угнетенные классы полу-

чают право один раз в несколько лет решать, какой представитель имущих классов будет «представлять и подавлять» (ver- und zertreten) народ в парламенте. Как раз теперь, когда советское движение, охватывая весь мир, на глазах у всех продолжает дело Коммуны, изменники социализма забывают конкретный опыт и конкретные уроки Парижской Коммуны, повторяя старый буржуазный хлам о «демократии вообще». Коммуна была не парламентским учреждением.

6. Значение Коммуны, далее, состоит в том, что она сделала попытку разбить, разрушить до основания буржуазный государственный аппарат, чиновничий, судейский, военный, полицейский, заменив его самоуправляющейся массовой организацией рабочих, которая не знала разделения законодательной и исполнительной власти. Все современные буржуазно-демократические республики, в том числе германская, которую изменники социализма в насмешку над истиной называют пролетарской, сохраняют этот государственный аппарат. Таким образом, подтверждается еще и еще раз вполне наглядно, что крики в защиту «демократии вообще» на деле представляют из себя защиту буржуазии и ее эксплуататорских привилегий.

7. «Свобода собраний» может быть взята за образец требований «чистой демократии». Всякий сознательный рабочий, не порвавший со своим классом, поймет сразу, что было бы нелепо обещать свободу собраний эксплуататорам на тот период и в той обстановке, когда эксплуататоры оказывают сопротивление их свержению и отстаивают свои привилегии. Буржуазия, когда она была революционной, ни в Англии 1649 г., ни во Франции 1793 г., не давала «свободы собраний» монархистам и дворянам, призывавшим иностранные войска и «собиравшимся» для организации попыток реставрации. Если теперешняя, давно ставшая реакционной, буржуазия требует от пролетариата, чтобы он заранее гарантировал, несмотря на то, какое сопротивление окажут капиталисты их экспроприации, «свободу собраний» для эксплуататоров, то рабочие будут только смеяться над лицемерием буржуазии.

С другой стороны, рабочие прекрасно знают, что «свобода собраний» даже и в наиболее демократической буржуазной республике есть пустая фраза, ибо богатые имеют все лучшие общественные и частные здания в своем распоряжении, а также достаточно досуга для собраний и охрану их буржуазным аппаратом власти. Пролетарии города и деревни и мелкие крестьяне, т.е. гигантское большинство населения, не имеют ни того, ни другого, ни третьего. Пока дела стоят таким образом, «равенство», т.е. «чистая демократия», есть обман. Чтобы завоевать

настоящее равенство, чтобы осуществить на деле демократию для трудящихся, надо сначала отнять у эксплуататоров все общественные и роскошные частные здания, надо сначала дать досуг трудящимся, надо, чтобы охраняли свободу их собраний вооруженные рабочие, а не дворянчики или капиталисты-офицеры с забитыми солдатами.

Только после такой перемены можно без издевательства над рабочими, над трудящимися, над бедными говорить о свободе собраний, о равенстве. А произвести такую перемену некому, кроме как авангарду трудящихся, пролетариату, свергающему эксплуататоров, буржуазию.

8. «Свобода печати» является тоже одним из главных лозунгов «чистой демократии». Опять-таки рабочие знают, и социалисты всех стран миллионы раз признавали, что эта свобода есть обман, пока лучшие типографии и крупнейшие запасы бумаги захвачены капиталистами и пока остается власть капитала над прессой, которая проявляется во всем мире тем ярче, тем резче, тем циничнее, чем развитее демократизм и республиканский строй, как, например, в Америке. Чтобы завоевать действительное равенство и настоящую демократию для трудящихся, для рабочих и крестьян, надо сначала отнять у капитала возможность нанимать писателей, покупать издательства и подкупать газеты, а для этого необходимо свергнуть иго капитала, свергнуть эксплуататоров, подавить их сопротивление. Капиталисты всегда называли «свободой» свободу наживы для богатых, свободу рабочих умирать с голоду. Капиталисты называют свободой печати свободу подкупа печати богатыми, свободу использовать богатство для фабрикации и подделки так называемого общественного мнения. Защитники «чистой демократии» опять-таки оказываются на деле защитниками самой грязной, продажной системы господства богачей над средствами просвещения масс, оказываются обманщиками народа, отвлекающими его посредством благовидных, красивых и насквозь фальшивых фраз от конкретной исторической задачи освобождения прессы от ее закабаления капиталу. Действительной свободой и равенством будет такой порядок, который строят коммунисты и в котором не будет возможности обогащаться на чужой счет, не будет объективной возможности ни прямо, ни косвенно подчинять прессу власти денег, не будет помех тому, чтобы всякий трудящийся (или группа трудящихся любой численности) имел и осуществлял равное право на пользование общественными типографиями и общественной бумагой.

9. История XIX и XX века показала нам еще до войны, чем является на деле пресловутая «чистая демократия» при капита-

лизме. Марксисты всегда говорили, что, чем развитее, чем «чище» демократия, тем обнаженнее, резче, беспощаднее становится классовая борьба, тем «чище» выступает гнет капитала и диктатура буржуазии. Дело Дрейфуса в республиканской Франции, кровавые расправы наемных отрядов, вооруженных капиталистами, со стачечниками в свободной и демократической республике Америки,—эти и тысячи подобных фактов показывают ту правду, которую тщетно пытается скрыть буржуазия, именно, что в самых демократических республиках на деле господствуют террор и диктатура буржуазии, проявляющиеся открыто всякий раз, когда эксплуататорам начинает казаться, что власть капитала колеблется.

10. Империалистская война 1914—1918 г.г. окончательно обнаружила даже перед отсталыми рабочими этот истинный характер буржуазной демократии даже в самых свободных республиках, как характер диктатуры буржуазии. Из-за обогащения немецкой или английской группы миллионеров или миллиардеров были перебиты десятки миллионов, и в самых свободных республиках установлена военная диктатура буржуазии. Эта военная диктатура продолжается и после разгрома Германии в странах Антанты. Именно война всего больше раскрыла глаза трудящимся, сорвала фальшивые цветы с буржуазной демократии, показала народу всю бездну спекуляции и наживы во время войны и по случаю войны. Во имя «свободы и равенства» вела буржуазия эту войну, во имя «свободы и равенства» неслыханно обогащались военные поставщики. Никакие усилия желтого Бернского Интернационала не скроют от масс разоблаченного теперь до конца эксплуататорского характера буржуазной свободы, буржуазного равенства, буржуазной демократии.

11. В самой развитой капиталистической стране на континенте Европы, в Германии, первые же месяцы полной республиканской свободы, принесенной разгромом империалистской Германии, показали немецким рабочим и всему миру, в чем состоит действительная классовая сущность буржуазной демократической республики. Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург является событием всемирно-исторической важности не только потому, что трагически погибли лучшие люди и вожди истинного пролетарского Коммунистического Интернационала, но и потому, что для передового европейского—можно без преувеличения сказать: для передового в мировом масштабе—государства обнажилась до конца его классовая сущность. Если арестованные, т.е. взятые государственной властью под свою охрану, люди могли быть убиты безнаказанно офицерами и капиталистами, при правительстве социал-патриотов, следовательно, демократиче-

ская республика, в которой такая вещь была возможна, есть диктатура буржуазии. Люди, которые выражают свое негодование по поводу убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но не понимают этой истины, обнаруживают этим лишь либо свое тупоумие, либо свое лицемерие. «Свобода» в одной из самых свободных и передовых республик мира, в германской республике, есть свобода безнаказанно убивать арестованных вождей пролетариата. И это не может быть иначе, пока держится капитализм, ибо развитие демократизма не притупляет, а обостряет классовую борьбу, которая, в силу всех результатов и влияния войны и ее последствий, доведена до точки кипения.

Во всем цивилизованном мире происходит теперь высылка большевиков, преследование их, заключение их в тюрьмы, как, например, в одной из свободнейших буржуазных республик, в Швейцарии, погромы против большевиков в Америке и т. п. С точки зрения «демократии вообще», или «чистой демократии», прямо смешно, что передовые, цивилизованные, демократические, вооруженные до зубов страны боятся присутствия в них нескольких десятков людей из отсталой, голодной, разоренной России, которую в десятках миллионов экземпляров буржуазные газеты называют дикой, преступной и т. д. Ясно, что общественная обстановка, которая могла породить такое вопиющее противоречие, есть на деле диктатура буржуазии.

12. При таком положении дел диктатура пролетариата является не только вполне законной, как средство свержения эксплуататоров и подавления их сопротивления, но и абсолютно необходимой для всей массы трудящихся, как единственная защита против диктатуры буржуазии, приведшей к войне и подготавливающей новые войны.

Главное, чего не понимают социалисты, и что составляет их теоретическую близорукость, их плененность буржуазными пред-рассудками и их политическую измену по отношению к пролетариату, это то, что в капиталистическом обществе, при сколько-нибудь серьезном обострении заложенной в основе его классовой борьбы, не может быть ничего среднего, кроме диктатуры буржуазии или диктатуры пролетариата. Всякая мечта о чем-либо третьем есть реакционная ламентация мелкого буржуа. Об этом свидетельствует и опыт более чем столетнего развития буржуазной демократии и рабочего движения во всех передовых странах и в особенности опыт последнего пятилетия. Об этом говорит также вся наука политической экономии, все содержание марксизма, выясняющего экономическую неизбежность при всяком товарном хозяйстве диктатуры буржуазии, которую некому сменить,

кроме класса, развиваемого, умножаемого, сплавиваемого, укрепляемого самим развитием капитализма, т.-е. класса пролетариев.

13. Другая теоретическая и политическая ошибка социалистов состоит в непонимании того, что формы демократии неизбежно сменялись в течение тысячелетий, начиная с зачатков ее в древности, по мере смены одного господствующего класса другим. В древних республиках Греции, в городах средневековья, в передовых капиталистических странах демократия имеет различные формы и различную степень применения. Величайшей нелепостью было бы думать, что самая глубокая революция в истории человечества, первый в мире переход власти от меньшинства эксплуататоров к большинству эксплуатируемых может произойти внутри старых рамок старой, буржуазной, парламентарной демократии, может произойти без самых крутых переломов, без создания новых форм демократии, новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения и т. д.

14. Диктатура пролетариата тем сходна с диктатурой других классов, что она вызвана необходимостью, как и всякая диктатура, подавить насильственно сопротивление класса, теряющего политическое господство. Коренное отличие диктатуры пролетариата от диктатуры других классов,—от диктатуры помещиков в средние века, от диктатуры буржуазии во всех цивилизованных капиталистических странах,—состоит в том, что диктатура помещиков и буржуазии была насильственным подавлением сопротивления громадного большинства населения, именно трудящихся. Напротив, диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплуататоров, т.-е. ничтожного меньшинства населения, помещиков и капиталистов.

Отсюда, в свою очередь, вытекает, что диктатура пролетариата неизбежно должна принести с собой не только изменение форм и учреждений демократии, говоря вообще, но именно такое их изменение, которое дает невиданное еще в мире расширение фактического использования демократизма со стороны угнетенных капитализмом, со стороны трудящихся классов.

И действительно, та форма диктатуры пролетариата, которая уже выработана фактически, т.-е. Советская власть в России, Räte-System* в Германии, Shop Stewards Committees и другие аналогичные советские учреждения в других странах, все они означают и осуществляют именно для трудящихся классов, т.-е. для громадного большинства населения, такую фактическую возможность пользоваться демократическими правами и свобо-

---

* — система Советов. *Ред.*

дами, которой никогда не было, даже приблизительно, в самых лучших и демократических буржуазных республиках.

Сущность Советской власти состоит в том, что постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата является массовая организация именно тех классов, которые были угнетены капитализмом, т.-е. рабочих и полупролетариев (крестьян, не эксплуатирующих чужого труда и прибегающих постоянно к продаже хотя бы части своей рабочей силы). Именно те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках, будучи равноправны по закону, на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами, привлекаются теперь к постоянному и непрерывному, притом решающему, участию в демократическом управлении государством.

15. То равенство граждан, независимо от пола, религии, расы, национальности, которое буржуазная демократия всегда и везде обещала, но нигде не провела и, в силу господства капитализма, провести не могла, Советская власть или диктатура пролетариата осуществляет сразу и полностью, ибо в состоянии сделать это только власть рабочих, не заинтересованных в частной собственности на средства производства и в борьбе за раздел и передел их.

16. Старая, т.-е. буржуазная, демократия и парламентаризм были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. Советская власть, т.-е. диктатура пролетариата, напротив, построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства и замена территориальных избирательных округов производственными единицами, каковы: завод, фабрика.

17. Войско было аппаратом угнетения не только при монархии. Оно осталось таковым и во всех буржуазных, даже наиболее демократических, республиках. Только Советская власть, как постоянная государственная организация именно угнетавшихся капитализмом классов, в состоянии разрушить подчинение войска буржуазному командованию и действительно слить пролетариат с войском, действительно осуществить вооружение пролетариата и разоружение буржуазии, без чего невозможна победа социализма.

18. Советская организация государства приспособлена к руководящей роли пролетариата, как класса, наиболее сконцентрированного и просвещенного капитализмом. Опыт всех революций

и всех движений угнетенных классов, опыт всемирного социалистического движения учит нас, что только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распыленные и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения.

19. Только советская организация государства в состоянии действительно разбить сразу и разрушить окончательно старый, т.-е. буржуазный, чиновничий и судейский аппарат, который сохранялся и неизбежно должен был сохраняться при капитализме даже в самых демократических республиках, будучи фактически наибольшей помехой проведению демократизма в жизнь для рабочих и трудящихся. Парижская Коммуна сделала **первый** всемирно-исторический шаг по этому пути, Советская власть—второй.

20. Уничтожение государственной власти есть цель, которую ставили себе все социалисты, Маркс в том числе и во главе. Без осуществления этой цели истинный демократизм, т.-е. равенство и свобода, неосуществим. А к этой цели ведет практически только советская или пролетарская демократия, ибо, привлекая к постоянному и неперемennomu участию в управлении государством массовые организации трудящихся, она начинает немедленно готовить полное отмирание всякого государства.

21. Полное банкротство социалистов, собравшихся в Берне, полное непонимание ими новой, т.-е. пролетарской, демократии видно особенно из следующего. 10 февраля 1919 г. Брантинг закрыл в Берне Международную конференцию желтого Интернационала. 11 февраля 1919 г. в Берлине, в газете его участников «Die Freiheit»*, напечатано обращение партии «независимых» к пролетариату. В этом обращении признается буржуазный характер правительства Шейдемана, ему ставится в упрек желание отменить Советы, которые называются Träger und Schützer der Revolution—носителями и хранителями революции, и делается предложение легализовать Советы, дать им государственные права, дать им право приостанавливать решения Национального Собрания, с передачей дела на всенародное голосование.

Такое предложение есть полный идейный крах теоретиков, защищавших демократию и не понимавших ее буржуазного характера. Смехотворная попытка соединить систему Советов, т.-е. диктатуру пролетариата, с Национальным Собранием, т.-е. с диктатурой буржуазии, разоблачает до конца и убожество мысли желтых социалистов и социал-демократов, и их политическую реакционность мелких буржуа, и их трусливые уступки неудержимо растущей силе новой, пролетарской, демократии.

* — «Свобода». *Ред.*

22. Осуждая большевизм, большинство желтого Интернационала в Берне, которое не решилось формально голосовать соответствующей резолюции из боязни рабочих масс, поступало правильно с классовой точки зрения. Именно это большинство вполне солидарно с русскими меньшевиками и социалистами-революционерами и Шейдеманом в Германии. Русские меньшевики и социалисты-революционеры, жалуясь на преследования со стороны большевиков, пытаются скрыть тот факт, что преследования эти вызваны участием меньшевиков и социалистов-революционеров в гражданской войне на стороне буржуазии против пролетариата. Точно так же Шейдеман и их партия уже доказали в Германии такое же свое участие в гражданской войне на стороне буржуазии против рабочих.

Вполне естественно поэтому, что большинство участников Бернского желтого Интернационала высказалось за осуждение большевиков. В этом выразилась не защита «чистой демократии», а самозащита людей, которые знают и чувствуют, что в гражданской войне они стоят на стороне буржуазии против пролетариата.

Вот почему, с классовой точки зрения, нельзя не признать правильным решение большинства желтого Интернационала. Пролетариат должен, не боясь правды, посмотреть ей прямо в лицо и сделать отсюда все политические выводы.

Товарищи! Мне хотелось бы прибавить еще кое-что к последним двум пунктам. Я думаю, что товарищи, которые должны нам сделать доклад о Бернской конференции, расскажут нам об этом подробнее.

В течение всей Бернской конференции не было сказано ни одного слова о значении Советской власти. Уже в течение двух лет мы обсуждаем этот вопрос в России. В апреле 1917 г. на партийной конференции нами был уже теоретически и политически поставлен вопрос: «Что такое Советская власть, каково ее содержание, в чем ее историческое значение?». Уже почти два года обсуждаем мы этот вопрос, и на нашем партийном съезде примем резолюцию по поводу него.

Берлинская «Freiheit» напечатала 11 февраля воззвание к немецкому пролетариату, подписанное не только вождями независимых социал-демократов Германии, но и всеми членами фракции независимых. В августе 1918 г. крупнейший теоретик этих независимых, Каутский, писал в своей брошюре «Диктатура пролетариата», что он сторонник демократии и советских органов, но что Советы должны иметь лишь хозяйственное значение и отнюдь не признаваться в качестве государственных организаций. Каутский повторяет то же самое в номерах «Freiheit» от 11 ноября

и 12 января. 9 февраля появляется статья Рудольфа Гильфердинга, который считается также одним из крупнейших авторитетных теоретиков II Интернационала. Он уже предлагает юридически, путем государственного законодательства, объединить систему Советов с Национальным Собранием. Это было 9 февраля. 11-го это предложение принимается всей партией независимых и публикуется в виде воззвания.

Несмотря на то, что Национальное Собрание уже существует, даже после того, как «чистая демократия» воплотилась в действительность, после того, как самые крупные теоретики независимых социал-демократов объявили, что советские организации не должны быть государственными организациями, несмотря на все это—опять колебание! Это доказывает, что эти господа действительно ничего не поняли в новом движении и в условиях его борьбы. Но это доказывает еще и другое, а именно: должны быть условия, причины, вызывающие это колебание! После всех этих событий, после этой почти двухлетней победоносной революции в России, когда нам предлагают такие резолюции, как принятые на Бернской конференции, в которых ничего не говорится о Советах и их значении, на которой ни один делегат не обмолвился об этом ни единым словом, мы можем с полным правом утверждать, что все эти господа, как социалисты и теоретики, умерли для нас.

Но практически, с точки зрения политики, это, товарищи, доказательство того, что среди масс происходит большой сдвиг,—раз эти независимые, бывшие теоретически и принципиально против этих государственных организаций, вдруг предлагают такую глупость, как «мирное» соединение Национального Собрания с системой Советов, т.е. соединение диктатуры буржуазии с диктатурой пролетариата. Мы видим, как все они обанкротились в социалистическом и теоретическом отношениях, и какая огромная перемена происходит в массах. Отсталые массы немецкого пролетариата идут к нам, пришли к нам! Значение Независимой партии германских социал-демократов, лучшей части Бернской конференции, с теоретической и социалистической точек зрения, таким образом, равно нулю; некоторое значение, однако, за ней остается, и оно состоит в том, что эти колеблющиеся элементы служат нам показателем настроения отсталых частей пролетариата. В этом, по моему убеждению, и заключается величайшее историческое значение этой конференции. Нечто подобное мы пережили в нашей революции. Наши меньшевики прошли почти в точности тот же путь развития, что и теоретики независимых в Германии. Сначала, когда они имели в Советах большинство, они были за Советы. Тогда только и слышно было: «Да здравствуют Советы!», «За Советы!», «Советы—революционная демократия!».

Когда же большинство в Советах получили мы, большевики, тогда запели они другие песни: Советы не должны существовать на ряду с Учредительным Собранием; а различные меньшевистские теоретики делали почти такие же предложения, вроде соединения системы Советов с Учредительным Собранием и включения их в государственную организацию. Здесь еще раз обнаруживается, что общий ход пролетарской революции одинаков во всем мире. Сначала стихийное образование Советов, затем их распространение и развитие, далее появление на практике вопроса: Советы или Национальное Собрание, или Учредительное Собрание, или буржуазный парламентаризм; полнейшая растерянность среди вожаков и, наконец,—пролетарская революция. Но я полагаю, что после почти двух лет революции мы не должны так ставить вопрос, а должны выносить конкретные решения, так как распространение системы Советов является для нас, и в особенности для большинства западно-европейских стран, важнейшей задачей.

Мне хотелось бы привести здесь только одну резолюцию меньшевиков. Я просил тов. Оболенского перевести ее на немецкий язык. Он мне обещал это сделать, но, к сожалению, его здесь нет. Я постараюсь воспроизвести ее по памяти, так как полного текста этой резолюции у меня нет.

Иностранцу, ничего не слышавшему про большевизм, весьма трудно составить себе собственное мнение о наших спорных вопросах. Все, что утверждают большевики, оспаривают меньшевики, и наоборот. Конечно, во время борьбы и не может быть иначе, поэтому-то весьма важно, что последняя конференция партии меньшевиков в декабре 1918 г. приняла длинную, подробную резолюцию, которая была напечатана полностью в меньшевистской «Газете Печатников». В этой резолюции меньшевики сами вкратце излагают историю классовой борьбы и гражданской войны. В резолюции говорится, что они осуждают те группы своей партии, которые находятся в союзе с имущими классами на Урале, на юге, в Крыму и в Грузии,—и перечисляют все эти области. Те группы меньшевистской партии, которые в союзе с имущими классами шли против Советской власти, осуждаются теперь в резолюции, а последний пункт осуждает и тех, кто перешел к коммунистам. Отсюда следует: меньшевики вынуждены признать, что в их партии нет единства, и что они стоят или на стороне буржуазии, или на стороне пролетариата. Большая часть меньшевиков перешла на сторону буржуазии и во время гражданской войны боролась против нас. Мы, конечно, преследуем меньшевиков, мы их даже расстреливаем, когда они в войне против нас борются против нашей Красной армии и расстреливают на-

ших красных командиров. На войну буржуазии мы ответили войной пролетариата,—другого исхода быть не может. Таким образом, с политической точки зрения все это—лишь меньшевистское лицемерие. Исторически непонятно, каким образом на Бернской конференции люди, официально не объявленные сумасшедшими, могли, по поручению меньшевиков и эс-эров, говорить о борьбе большевиков с ними, но умолчать о своей борьбе в союзе с буржуазией против пролетариата.

Все они с ожесточением выступают против нас, так как мы их преследуем. Это верно. Но они не говорят ни словечка о том, какое участие они сами принимали в гражданской войне! Я думаю, что я должен буду предоставить для протокола полный текст резолюции, а иностранных товарищей попрошу обратить внимание на эту резолюцию, так как она представляет собой исторический документ, в котором вопрос ставится правильно и который дает лучший материал для оценки спора «социалистических» направлений в России между собой. Между пролетариатом и буржуазией существует еще класс людей, склоняющихся то в одну, то в другую сторону; так было всегда и во всех революциях, и абсолютно невозможно, чтобы в капиталистическом обществе, где пролетариат и буржуазия образуют два враждебных лагеря, не существовало между ними промежуточных слоев. Существование этих колеблющихся элементов исторически неизбежно, и, к сожалению, такие элементы, которые сами не знают, на чьей стороне они завтра станут бороться, будут еще довольно долго существовать.

Я хочу сделать практическое предложение, заключающееся в том, чтобы принять резолюцию, в которой должны быть специально отмечены три пункта.

Во-первых: одна из самых важных задач для товарищей из западно-европейских стран состоит в разъяснении массам значения, важности и необходимости системы Советов. В этом вопросе наблюдается недостаточное понимание. Если Каутский и Гильфердинг, как теоретики, и обанкротились, то последние статьи в «Freiheit» все же доказывают, что они правильно изображают настроение отсталых частей немецкого пролетариата. И у нас происходило то же самое: в первые восемь месяцев русской революции вопрос о советской организации очень много обсуждался, и рабочим было неясно, в чем состоит новая система, и можно ли из Советов создать государственный аппарат. В нашей революции мы продвигались вперед не теоретическим путем, а практическим. Например, вопрос об Учредительном Собрании мы раньше теоретически не выставляли и не говорили, что не признаем Учредительного Собрания. Лишь позднее, когда советские организации

распространились по всей стране и завоевали политическую власть, лишь тогда мы решили разогнать Учредительное Собрание. Теперь мы видим, что в Венгрии и в Швейцарии вопрос стоит гораздо острее. С одной стороны, это очень хорошо: мы черпаем отсюда твердую уверенность в том, что революция в западноевропейских государствах движется быстрее и принесет нам большие победы. С другой же стороны, в этом кроется известная опасность, а именно та, что борьба будет столь стремительна, что сознание рабочих масс не будет поспевать за таким развитием. Значение системы Советов и теперь еще не ясно для больших масс политически образованных немецких рабочих, так как они воспитаны в духе парламентаризма и в буржуазных предрассудках.

Во-вторых: о распространении системы Советов. Когда мы слышим, как быстро распространяется идея Советов в Германии и даже в Англии, для нас это является важнейшим доказательством того, что пролетарская революция победит. Задержать ход ее можно только на короткое время. Другое дело, когда товарищи Альберт и Платтен нам заявляют, что у них в деревнях среди сельских рабочих и мелкого крестьянства почти не существует Советов. Я прочел в «Rote Fahne»* статью против крестьянских Советов, но, совершенно правильно, за Советы батрацкие и деревенской бедноты. Буржуазия и ее лакеи, как Шейдеман и К⁰, уже выставили лозунг: крестьянские Советы. Но нам нужны лишь Советы батрацкие и деревенской бедноты. К сожалению, из докладов товарищей Альберта и Платтена и других мы усматриваем, что, за исключением Венгрии, для распространения советской системы в деревне делается весьма мало. В этом, быть может, и заключается еще практическая и довольно большая опасность для достижения верной победы германским пролетариатом. Победа может считаться обеспеченной лишь тогда, когда будут организованы не только городские рабочие, но и сельские пролетарии, и притом организованы не так, как прежде,—в профсоюзы и кооперативы,—а в Советы. Нам победа далась легче потому, что в октябре 1917 г. мы шли с крестьянством, со всем крестьянством. В этом смысле наша революция тогда была буржуазной. Первый шаг нашего пролетарского правительства заключался в том, что старые требования всего крестьянства, выраженные еще при Керенском крестьянскими советами и сходами, были признаны в законе, изданном нашим правительством 26 октября (старого стиля) 1917 г., на другой день после революции. В этом заключалась наша сила, поэтому-то нам так легко было завоевать

* — «Красное Знамя». Ред.

подавляющее большинство. Для деревни наша революция еще продолжала быть буржуазной, и лишь позже, через полгода, мы были вынуждены в рамках государственной организации положить в деревнях начало классовой борьбе, учреждать в каждой деревне комитеты бедноты, полупролетариев, и систематически бороться с деревенской буржуазией. У нас это было неизбежно благодаря отсталости России. В Западной Европе дело произойдет иначе, поэтому мы и должны подчеркнуть, что распространение системы Советов и на сельское население в соответствующих, быть может новых, формах абсолютно необходимо.

В-третьих: мы должны сказать, что завоевание коммунистического большинства в Советах составляет главную задачу во всех странах, где Советская власть еще не победила. Наша комиссия резолюций вчера обсуждала этот вопрос. Быть может, другие товарищи еще выскажутся об этом, но я хотел бы предложить принять эти три пункта, как особую резолюцию. Мы не в состоянии, конечно, предписывать путь развитию. Весьма вероятно, что во многих западно-европейских странах революция наступит очень скоро, но мы, в качестве организованной части рабочего класса, в качестве партии, стремимся и должны стремиться получить большинство в Советах. Тогда наша победа обеспечена, и никакая сила не в состоянии будет что-либо предпринять против коммунистической революции. Иначе победа достанется не так легко и не будет долговечна. Итак, я хотел бы предложить принять эти три пункта в виде специальной резолюции.

Соч., т. XXIV, стр. 7—20.

РЕЗОЛЮЦИЯ
ПО ДОКЛАДУ О БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ
И ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Тезисы тов. Ленина, касающиеся принципиального отношения Коммунистического Интернационала к вопросу о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре, передать в Бюро Интернационала для самого широкого распространения.

На основании этих тезисов и докладов делегатов различных стран, конгресс Коммунистического Интернационала заявляет, что главная задача коммунистических партий во всех странах, где еще не существует Советской власти, заключается в следующем:

1) Выяснение широким массам рабочего класса исторического значения политической и исторической необходимости новой, пролетарской, демократии, которая должна быть поставлена на место буржуазной демократии и парламентаризма.

2) Распространение и организация Советов среди рабочих всех отраслей промышленности и среди солдат армии и флота, а также среди батраков и бедных крестьян.

3) Основание внутри Советов прочного коммунистического большинства.

«Правда» № 54, 11 марта 1919 г.

Соч., т. XXIV, стр. 21.

ЗАВОЕВАННОЕ И ЗАПИСАННОЕ

Прочно только то в революции, что завоевано массами пролетариата. Записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано.

Основание III, Коммунистического Интернационала в Москве 2 марта 1919 г. было записью того, что завоевали не только русские, не только российские, но и германские, австрийские, венгерские, финляндские, швейцарские,—одним словом, международные пролетарские массы.

И именно поэтому основание III, Коммунистического Интернационала есть дело прочное.

Всего четыре месяца тому назад нельзя еще было сказать, что Советская власть, советская форма государства есть завоевание международное. В ней было нечто, и притом существенное, принадлежащее не только России, но и всем капиталистическим странам. Но нельзя еще было сказать, до проверки на деле, какие изменения, какой глубины, какой важности принесет дальнейшее развитие мировой революции.

Германская революция дала эту проверку. Передовая капиталистическая страна—после одной из самых отсталых—показала всему миру за короткий срок, за какую-нибудь сотню с небольшим дней, не только те же основные силы революции, не только то же основное направление ее, но и ту же основную форму новой, пролетарской, демократии: Советы.

А на ряду с этим в Англии, в стране-победительнице, в стране, самой богатой колониями, в стране, всего дольше бывшей и сльвшей образцом «социального мира», в стране самого старого капитализма, мы видим широкий, неудержимый, кипучий и могучий рост Советов и новых советских форм массовой пролетарской борьбы,—«Shop Stewards Committees», комитетов фабричных старост.

В Америке, в самой сильной и самой молодой капиталистической стране—громадное сочувствие рабочих масс к Советам.

Лед тронулся.

Советы победили во всем мире.

Они победили прежде всего и больше всего в том отношении, что завоевали себе сочувствие пролетарских масс. Это—самое главное. Этому завоеванию никакие зверства империалистской буржуазии, никакие преследования и убийства большевиков не в силах отнять у масс. Чем больше будет свирепствовать «демократическая» буржуазия, тем прочнее будут эти завоевания в душе пролетарских масс, в их настроении, в их сознании, в их героической готовности к борьбе.

Лед тронулся.

И поэтому так легко, так гладко, с такой спокойной и твердой решимостью шла работа Московской международной конференции коммунистов, основавшей III Интернационал.

Мы записывали то, что уже завоевано. Мы заносили на бумагу то, что уже было прочно в сознании масс. Все знали,—мало того: все видели, чувствовали, осязали, каждый на опыте своей страны, что закипело новое, невиданное в мире по силе и глубине, пролетарское движение, что оно не укладывается ни в какие старые рамки, что его не удержать великим мастерам мелкого политиканства, ни всемирно-опытным, всемирно-искусным Ллойд-Джорджам и Вильсонам англо-американского «демократического» капитализма, ни прошедшим огонь, воду и медные трубы Хендерсонам, Реноделям, Брантингам и всем прочим героям социал-шовинизма.

Новое движение идет к диктатуре пролетариата, идет, несмотря на все колебания, несмотря на отчаянные поражения, несмотря на неслыханный и невероятный «русский» хаос (если судить по внешности, со стороны),—идет к *Советской власти* с силой все сметающего с пути потока миллионов и десятков миллионов пролетариев.

Мы это записали. В наших резолюциях, тезисах, докладах и речах запечатлено уже завоеванное.

Теория марксизма, освещенная ярким светом нового, всемирно-богатого, опыта революционных рабочих, помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира яснее сознать цели своей борьбы, тверже идти по наметившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и закреплять победу.

Основание III, Коммунистического Интернационала есть преддверие интернациональной республики Советов, международной победы коммунизма.

5 марта 1919 г.

Избр. произв., изд. 3, т. II, стр. 381—382.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ
ПРИ ЗАКРЫТИИ КОНГРЕССА 6 МАРТА

Если нам удалось собраться, несмотря на все полицейские затруднения и преследования, если нам удалось без существенных разногласий в короткое время вынести важные решения по всем животрепещущим вопросам современной революционной эпохи, то это благодаря тому, что пролетарские массы всего мира практически поставили все эти вопросы в порядок дня своими выступлениями и начали их практически решать.

Нам пришлось здесь записать лишь то, что массы уже завоевали в своей революционной борьбе.

Не только в восточно-европейских, но и в западно-европейских странах, не только в странах побежденных, но и в странах победительницах,—как, например, в Англии,—все дальше и дальше распространяется движение в пользу Советов, и это движение есть не что иное, как движение с целью создания новой, пролетарской, демократии,—оно самый значительный шаг вперед к диктатуре пролетариата, к полной победе коммунизма.

Пусть буржуазия всего мира продолжает неистовствовать, пусть она изгоняет, сажает в тюрьмы, даже убивает спартаковцев и большевиков,—все это ей больше не поможет. Это послужит лишь к просвещению масс, к освобождению их от старых буржуазно-демократических предрассудков и к закаленности их в борьбе. Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание Международной Советской республики. *(Бурные аплодисменты.)*

ОБ ОСНОВАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

*Речь на торжественном соединенном заседании В.Ц.И.К.,
Московского Совета Р. и Кр. Д., М.К.Р.К.П.(Б.), В.Ц.С.П.С.,
профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы
в день чествования открытия Коммунистического Интернационала
6 марта 1919 г.*

Товарищи, нам не удалось собрать на I съезд Коммунистического Интернационала представителей всех стран, где есть вернейшие друзья этой организации, где есть рабочие, всецело сочувствующие нам. Позвольте мне поэтому начать небольшой цитатой, которая покажет вам, насколько действительно больше у нас друзей, чем мы видим, чем мы знаем и чем мы могли собрать здесь, в Москве, вопреки всем преследованиям, вопреки всему объединению кажущейся всемогущей буржуазии всего мира. Эти преследования дошли до того, что нас пытались окружить точно китайской стеной, и что большевиков высылают десятками и дюжинами из самых свободных республик мира, точно боясь, что десяток или дюжина большевиков способны заразить весь мир, — но мы-то знаем, что эта боязнь смешна, ибо они уже заразили весь мир, ибо борьба русских рабочих сделала уже то, что рабочие массы всех стран знают, что здесь, в России, решается судьба общей всемирной революции.

Товарищи, вот у меня в руках газета «L'Humanité» * 3, французская газета, по направлению соответствующая больше всего нашим меньшевикам или правым эс-эрам. Во время войны эта газета травила людей, которые стояли на нашей точке зрения, самым беспощадным образом. Сейчас эта газета отстаивает тех, кто во время войны шел с буржуазией «своей» страны. И вот эта газета, в номере от 13 января 1919 г., рассказывает, что в Париже было громадное, как признает сама газета, собрание рабочих и членов партии синдикалистов Сенской федерации, т.-е. ближайшего к Парижу округа, центра пролетарского движения, центра всей политической жизни Франции. На этом собрании выступил прежде всего Брак, — социалист, который в течение всей войны стоял на точке зрения наших меньшевиков и правых оборонцев. Он держался теперь тише воды, ниже травы. Ни слова ни об од-

* — «Человечество». Ред.

ном больном вопросе! Закончил тем, что он—против вмешательства правительства своей страны в борьбу пролетариата других стран. Слова покрыты рукоплесканиями. Дальше выступил один из его единомышленников, некий Пьер Лаваль. Речь идет о демобилизации, самом больном вопросе теперешней Франции, страны, которая понесла, пожалуй, больше жертв в этой преступной войне, чем какая-либо другая. И эта страна видит теперь, что демобилизация затягивается, тормозится, нет желания ее выполнить, и что готовится новая война, явно возлагающая на французских рабочих новые жертвы из-за того, сколько добычи получают еще французские или английские капиталисты. И вот газета заявляет, что оратора Пьера Лавалья толпа слушала, но его заявления, враждебные большевизму, вызывают такие протесты, наступает такое возбуждение, что собрание не может продолжаться. После этого гражданин Пьер Рендель не может получить слова, и собрание заканчивается коротким вмешательством гражданина Перика. Это—один из тех немногих представителей французского рабочего движения, который в основном солидарен с нами. Итак, газета вынуждена признать, что собрание не дало говорить оратору, как только он заговорил против большевиков.

Товарищи, мы не могли в настоящее время непосредственно из Франции получить сюда ни одного делегата, и с большим трудом пробрался сюда только один из французов—тов. Гильбо. (*Бурные аплодисменты.*) Он будет говорить сегодня. Он месяцы просидел в тюрьмах Швейцарии, в этой свободной республике, и его обвиняли в том, что он находится в сношениях с Лениным и подготавливает революцию в Швейцарии. Через Германию его везли в сопровождении жандармов и офицеров, боясь, очевидно, как бы он не обронил спички, которая зажгла бы Германию. Но Германия горит и без такой спички. И во Франции, как мы видим, имеются сочувствующие большевистскому движению. Французские массы, это, может быть, одни из самых опытных, политически самых воспитанных, самых живых и отзывчивых масс. Они не позволяют оратору на народном собрании взять ни одной фальшивой ноты,—его останавливают. Хорошо еще, что, при французском темпераменте, его не стащили с трибуны! Поэтому, когда газета, враждебная нам, признает, что происходило на этом большом собрании, мы говорим: французский пролетариат за нас.

Я приведу еще одну коротенькую цитату из итальянской газеты. Нас настолько пытаются отрезать от всего мира, что мы номера социалистических газет из других стран получаем, как великую редкость. Как редкость, пришел к нам один номер итальян-

янской газеты «Avanti!»*, органа Итальянской социалистической партии, которая участвовала в Циммервальде, боролась против войны и которая теперь постановила, что на съезд желтых в Берне, на съезд старого Интернационала, где участвуют люди, вместе со своими правительствами помогавшие затягивать эту преступную войну, она идти отказывается. До сих пор газета «Avanti!» выходит под строгой цензурой. Но вот в этом номере, случайно попавшем к нам, я читаю корреспонденцию из партийной жизни какого-то местечка Кавриаго,—должно быть большого захолустья, потому что его нельзя найти на карте,—и оказывается, что собравшиеся там рабочие принимают резолюцию, выражающую сочувствие их газете за ее непримиримость, и заявляют, что они одобряют немецких спартаковцев,—а дальше идут слова, которые, хотя написаны по-итальянски, но понятны во всем мире: «Sovietisti russi»,—приветствуют русских «советистов» и выражают пожелания, чтобы программа русских и немецких революционеров была принята во всем мире и послужила к тому, чтобы довести до конца борьбу против буржуазии и военного господства. И вот, когда читаешь такую резолюцию из какого-то итальянского Пошехонья, тогда можешь с полным правом сказать себе: итальянские массы за нас, итальянские массы поняли, что такое русские «советисты», что такое программа русских «советистов» и германских спартаковцев. А у нас тогда и не было такой программы! У нас не было никакой общей программы с германскими спартаковцами, а итальянские рабочие отбрасывают все то, что они видели в своей буржуазной прессе, которая в миллионах экземпляров, подкупленная миллионерами и миллиардерами, распространяет про нас клевету. Итальянских рабочих она не обманула. Итальянские рабочие поняли, что такое спартаковцы и «советисты», и сказали, что они сочувствуют их программе,—когда этой программы совершенно еще не было. Вот почему так легка была наша задача на этом конгрессе. Нам нужно было только записать, как программу, то, что уже запечатлелось в сознании и в сердцах даже запрятанных в каком-то захолустье рабочих, отрезанных от нас полицейскими и военными кордонами. Вот почему так легко, с таким полным единодушием добились мы того, что по всем главным вопросам мы пришли к единодушному решению, и мы имеем полную уверенность, что эти решения встретят могучий отклик в пролетариате всех стран.

Советское движение, товарищи, вот та форма, которая в России была завоевана, которая теперь во всем мире распространяется, которая одним своим названием дает рабочим целую

* — «Вперед!». Ред.

программу. Товарищи, я надеюсь, что мы, которым досталось большое счастье развить советскую форму до победы, что мы не попадем в положение людей, про которых можно было бы сказать, что они зазнались.

Товарищи, мы очень хорошо знаем, что нам пришлось первым принять участие в советской пролетарской революции не потому, что мы были одинаково подготовлены, или лучше подготовлены, чем другие рабочие, а потому, что мы были хуже подготовлены. Именно это обстоятельство обусловило то, что перед нами стоял самый дикий, самый гнилой враг, именно это обстоятельство вызвало внешний размах революции. Но мы знаем также, что Советы существуют у нас и до сего времени, что они борются с гигантскими трудностями, которые обусловлены недостаточным культурным уровнем и тяжестью, павшей в течение более чем года на нас, стоящих на своем посту в одиночестве, когда нас окружают со всех сторон враги и когда, вы превосходно это знаете, невероятные муки, тяжести голода и зверские страдания обрушились на нас.

Товарищи, те люди, которые прямо или косвенно становятся на сторону буржуазии, нередко пытаются обращаться к рабочим и вызвать негодование их, указывая на то, какие тяжелые страдания причиняются теперь рабочим. А мы говорим им: да, эти страдания тяжелы, и мы их не скрываем от вас. Так мы говорим рабочим, и они знают это твердо на своем собственном опыте. Вы видите, что мы боремся не только за победу социализма для нас, не только за то, чтобы дети наши вспоминали о капиталистах и помещиках, как о доисторических чудовищах,—мы боремся за то, чтобы рабочие всего мира победили вместе с нами.

И этот I съезд Коммунистического Интернационала, который установил, что Советы во всем мире завоевывают себе сочувствие рабочих, показывает нам, что дело победы международной коммунистической революции обеспечено. (*Аплодисменты.*) Буржуазия будет еще неистовствовать в ряде стран, там буржуазия только начинает готовить гибель лучших людей, лучших представителей социализма, как это показывает зверское убийство белогвардейцами Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Такие жертвы неизбежны. Мы не ищем с буржуазией соглашения, мы идем на последний и решительный бой с ней; но мы знаем, что после мучений, терзаний и бедствий войны, когда массы во всем мире борются за демобилизацию, чувствуют себя обманутыми, понимают, как невероятны тяжести налогов, взваленных на них капиталистами, убившими десятки миллионов людей из-за того, кто больше получит барышей,—что час господства этих разбойников прошел!

Теперь, когда слово «Совет» стало понятным для всех, победа коммунистической революции обеспечена. Товарищи, присутствующие в этом зале, видели, как основалась первая Советская республика, они видят теперь, как основался III, Коммунистический Интернационал (*Аплодисменты*), они увидят все, как будет основана Всемирная Федеративная Республика Советов. (*Аплодисменты.*)

Соч., т. XXIV, стр. 27—31.

III, КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Речь, записанная на граммофонной пластинке

В марте текущего, 919-го года, в Москве состоялся международный съезд коммунистов. Этот съезд основал III, Коммунистический Интернационал—Союз рабочих всего мира, стремящихся к установлению Советской власти во всех странах.

Первый Интернационал, основанный Марксом, существовал с 64-го по 72-ой год. Поражение героических парижских рабочих—знаменитой Парижской Коммуны—означало конец этого Интернационала. Он незабываем, он вечен в истории борьбы рабочих за свое освобождение. Он заложил фундамент того здания всемирной социалистической республики, которое мы имеем теперь счастье строить.

Второй Интернационал существовал с 89-го по 914-ый г., до войны. Это время было временем наиболее спокойного и мирного развития капитализма, временем без великих революций. Рабочее движение окрепло и возмужало за это время в ряде стран. Но вожди рабочих в большинстве партий, привыкнув к мирному времени, потеряли способность к революционной борьбе. Когда началась в 914-ом г. война, залившая землю кровью в течение четырех лет, война между капиталистами из-за дележа прибылей, из-за власти над малыми и слабыми народами, эти социалисты перешли на сторону своих правительств. Они изменили рабочим, они помогли затянуть бойню, они стали врагами социализма, они перешли на сторону капиталистов. Массы рабочих отвернулись от этих изменников социализма. Во всем мире начался поворот к революционной борьбе. Война показала, что капитализм погиб. Ему на смену идет новый порядок. Старое слово «социализм» опозорили изменники социализма.

Теперь рабочие, оставшиеся верными делу свержения ига капитала, называют себя коммунистами. Во всем мире растет союз коммунистов. В ряде стран победила уже Советская власть. Еще недолго, и мы увидим победу коммунизма во всем мире, мы увидим основание Всемирной Федеративной Республики Советов.

ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ

Империалисты стран «Согласия» блокируют Россию, стремясь отрезать Советскую республику, как очаг заразы, от капиталистического мира. Эти люди, хвастающиеся «демократизмом» своих учреждений, до того ослеплены ненавистью к Советской республике, что не замечают, как они сами себя делают смешными. Подумать только: передовые, наиболее цивилизованные и «демократические» страны, вооруженные до зубов, господствующие в военном отношении безраздельно над всей землей, боятся, как огня, *идейной* заразы, идущей от разоренной, голодной, отсталой, по их уверению—даже полудикой, страны!

Одно уже это противоречие открывает глаза трудящимся массам всех стран и помогает разоблачать лицемерие империалистов Клемансо, Ллойд-Джорджа, Вильсона и их правительства.

Но не только ослепление капиталистов их ненавистью к Советам, а также и их грызня между собой помогают нам, побуждая их ставить подножки друг другу. Они заключили между собой настоящий заговор молчания, боясь пуще всего распространения правдивых известий о Советской республике вообще, официальных ее документов в особенности. Однако главный орган французской буржуазии «Время» («Le Temps») напечатал сообщение об основании в Москве III, Коммунистического Интернационала.

Мы приносим за это главному органу французской буржуазии, этому вождю французского шовинизма и империализма, нашу почтительнейшую благодарность. Мы готовы послать газете «Время» торжественный адрес в изъявление нашей признательности за то, что она так удачно и так умело нам помогает.

Из того, каким образом газета «Время» составила свое сообщение на основании нашего радио, видны с полной ясностью мотивы, руководившие этим органом денежного мешка. Ему хотелось подпустить шпильку Вильсону, уколоть его: смотрите, дескать, каковы те, с кем вы допускаете переговоры! Мудрецы, пишущие по заказу денежного мешка, не замечают, как их запугивание

Вильсона большевиками превращается, в глазах трудящихся масс, в рекламу для большевиков. Еще раз: наша почтительнейшая благодарность органу французских миллионеров!

Основание III Интернационала произошло в такой мировой обстановке, что никакие запрещения, никакие мелкие и мизерные уловки империалистов «Согласия» или лакеев капитализма, как Шейдеманн в Германии, Реннер в Австрии, не способны помешать распространению в рабочем классе всего мира вести об этом Интернационале и сочувствия к нему. Обстановку эту создала явно растущая всюду, не по дням, а по часам, пролетарская революция. Обстановку эту создало *советское* движение среди трудящихся масс, которое достигло уже такой силы, что стало действительно *международным*.

Первый Интернационал (1864—1872) заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал. Второй Интернационал (1889—1914) был международной организацией пролетарского движения, рост которого пошел *вширь*, что не обошлось без временного понижения высоты революционного уровня, без временного усиления оппортунизма, приведшего в конце концов к позорному краху этого Интернационала.

Третий Интернационал фактически создан в 1918 г., когда многолетний процесс борьбы с оппортунизмом и социал-шовинизмом, особенно во время войны, привел к образованию коммунистических партий в ряде наций. Формально III Интернационал основан на его первом съезде, в марте 1919 г., в Москве. И характернейшая черта этого Интернационала, его призвание: выполнить, провести в жизнь заветы марксизма и осуществить вековые идеалы социализма и рабочего движения,—эта характернейшая черта III Интернационала сразу проявила себя тем, что новое, третье, «Международное Общество Рабочих» стало *уже теперь совпадать*, в известной мере, с *Союзом Советских Социалистических Республик*.

Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм.

Второй Интернационал был эпохой подготовки почвы для широкого, массового распространения движения в ряде стран.

Третий Интернационал воспринял плоды работ II Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистскую, буржуазную и мелкобуржуазную скверну и *начал осуществлять* диктатуру пролетариата.

Международный союз партий, руководящих самым революционным движением в мире, движением пролетариата к свержению ига капитала, имеет теперь под собой невиданную по проч-

ности базу: несколько *Советских республик*, которые в международном масштабе воплощают в жизнь диктатуру пролетариата, его победу над капитализмом.

Всемирно-историческое значение III, Коммунистического Интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием: диктатура пролетариата.

Это гениальное предвидение, эта гениальная теория становится действительностью.

Эти латинские слова переведены теперь на все народные языки современной Европы,—мало того: на все языки мира.

Началась новая эпоха всемирной истории.

Человечество сбрасывает с себя последнюю форму рабства: капиталистическое или наемное рабство.

Освобождаясь от рабства, человечество впервые переходит к настоящей свободе.

Как могло случиться, что первой страной, которая осуществила диктатуру пролетариата, организовала Советскую республику, оказалась одна из наиболее отсталых европейских стран? Мы едва ли ошибемся, если скажем, что именно это противоречие между отсталостью России и ее «скачком» к высшей форме демократизма, через буржуазную демократию к советской или пролетарской демократии, именно это противоречие было одной из причин (помимо гнета над большинством вождей социализма оппортунистических привычек и филистерских предрассудков), которая особенно затруднила или замедлила понимание роли Советов на Западе.

Рабочие массы инстинктом уловили, во всем мире, значение Советов, как орудия борьбы пролетариата и как формы пролетарского государства. Но испорченные оппортунизмом «водители» продолжали и продолжают молиться на буржуазную демократию, называя ее «демократией» вообще.

Удивительно ли, что осуществление диктатуры пролетариата показало прежде всего «противоречие» между отсталостью России и ее «скачком» *через* буржуазную демократию? Удивительно было бы, если бы осуществление *новой* формы демократии история подарила нам *без* ряда противоречий.

Любой марксист, даже любой человек, знакомый с современной наукой вообще, если ему поставить вопрос: «Вероятен ли равномерный или гармонически-пропорциональный переход разных капиталистических стран к диктатуре пролетариата?»,—ответит на этот вопрос, несомненно, отрицательно. Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире

капитализма никогда не было и быть не могло. Каждая страна развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону или черту, или группу свойств капитализма и рабочего движения. Процесс развития шел неравномерно.

Когда Франция проделывала свою великую буржуазную революцию, пробуждая к исторически новой жизни весь континент Европы, Англия оказалась во главе контр-революционной коалиции, будучи в то же время капиталистически гораздо более развитой, чем Франция. А английское рабочее движение той эпохи гениально предвосхищает многое из будущего марксизма.

Когда Англия дала миру первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение, чартизм, на континенте Европы происходили в большинстве случаев слабые буржуазные революции, а во Франции вспыхнула первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией. Буржуазия разбила различные национальные отряды пролетариата поодиночке и по-разному в разных странах.

Англия дала образец страны, в которой, по выражению Энгельса, буржуазия рядом с обуржуазившейся аристократией создала наиболее обуржуазившуюся верхушку пролетариата. Передовая капиталистическая страна на несколько десятилетий оказалась отсталой в смысле революционной борьбы пролетариата. Франция как бы исчерпала силы пролетариата на два героических, давших необычайно много во всемирно-историческом смысле, восстания рабочего класса против буржуазии в 1848 и в 1871 годах. Гегемония в Интернационале рабочего движения перешла затем к Германии, с 70-х г.г. XIX века, когда Германия была экономически позади и Англии и Франции. А, когда Германия обогнала экономически обе эти страны, т.е. ко второму десятилетию XX века, тогда во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной, продавшейся капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контр-революционной буржуазии.

Всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями.

Когда Карл Каутский был еще марксистом, а не тем ренегатом марксизма, каким он стал в качестве борца за единство с Шейдеманом и за буржуазную демократию против советской или пролетарской, он писал в самом начале XX века статью: «Славяне и революция». В этой статье он излагал те истори-

ческие условия, которые намечали возможность перехода к славянам гегемонии в международном революционном движении.

Так вышло. На время—само собою разумеется, лишь на короткое время—гегемония в революционном пролетарском Интернационале перешла к русским, как она была в различные периоды XIX века у англичан, потом у французов, потом у немцев.

Мне приходилось говорить уже не раз: по сравнению с передовыми странами русским было легче *начать* великую пролетарскую революцию, но им труднее будет *продолжать* ее и довести до окончательной победы, в смысле полной организации социалистического общества.

Нам легче было начать, во-первых, потому, что необычная—для Европы XX века—политическая отсталость царской монархии вызывала необычную силу революционного натиска масс. Во-вторых, отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков. Мы с этого начали в Октябре 1917 г., и мы не победили бы тогда так легко, если бы мы не начали с этого. Маркс еще в 1856 г. указывал, говоря о Пруссии, на возможность своеобразного сочетания пролетарской революции с крестьянской войной. Большевики с начала 1905 г. отстаивали идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В-третьих, революция 1905 г. чрезвычайно много сделала для политического обучения масс рабочих и крестьян как в смысле ознакомления их авангарда с «последним словом» социализма на Западе, так и в смысле революционного *действия* масс. Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 г., революции в 1917 г., как буржуазная, Февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны. В-четвертых, географические условия России позволяли ей дольше, чем другим странам, держаться против внешнего перевеса капиталистических, передовых стран. В-пятых, своеобразное отношение пролетариата к крестьянству облегчало переход от буржуазной революции к социалистической, облегчало влияние пролетариев города на полупролетарские, беднейшие слои трудящихся в деревне. В-шестых, долгая школа стачечной борьбы и опыт европейского массового рабочего движения облегчали возникновение, при глубокой и быстро обостряющейся революционной ситуации, такой своеобразной формы пролетарской революционной организации, как *Советы*.

Этот перечень, конечно, не полон. Но им можно пока ограничиться.

Советская или пролетарская демократия родилась в России.

По сравнению с Парижской Коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг. Пролетарски-крестьянская Советская республика оказалась первой в мире устойчивой социалистической республикой. Она не может уже умереть, как *новый тип государства*. Она стоит уже теперь не одиноко.

Для продолжения работы строительства социализма, для доведения ее до конца требуется еще очень и очень многое. Советские республики стран более культурных, с большим весом и влиянием пролетариата, имеют все шансы обогнать Россию, раз они встанут на путь диктатуры пролетариата.

Обанкротившийся II Интернационал умирает теперь и разлагается заживо. Он играет фактически роль прислужника международной буржуазии. Это настоящий желтый Интернационал. Его крупнейшие идейные вожди, вроде Каутского, провозглашают *буржуазную демократию*, называя ее «демократией» вообще или—что еще глупее и еще грубее—«чистой демократией».

Буржуазная демократия отжила, как отжил и II Интернационал, делавший исторически-необходимую, полезную работу, когда на очереди дня стояла подготовка рабочих масс в рамках этой буржуазной демократии.

Самая демократическая буржуазная республика не была никогда и не могла быть ничем иным, как машиной для подавления трудящихся капиталом, как орудием политической власти капитала, диктатурой буржуазии. Демократическая буржуазная республика обещала власть большинству, провозглашала ее, но никогда не могла осуществить ее, пока существовала частная собственность на землю и прочие средства производства.

«Свобода» в буржуазной демократической республике была на деле свободой *для богатых*. Пролетарии и трудящиеся крестьяне могли и должны были использовать ее для подготовки своих сил к свержению капитала, к преодолению буржуазной демократии, но *фактически* пользоваться демократией при капитализме трудящиеся массы, по общему правилу, не могли.

Впервые в мире советская или пролетарская демократия создала *демократию* для масс, для трудящихся, для рабочих и мелких крестьян.

Никогда еще не было в мире такой государственной власти *большинства* населения, власти этого большинства *на деле*, как Советская власть.

Она подавляет «свободу» эксплуататоров и их пособников, она отнимает у них «свободу» эксплуатировать, «свободу» наслаждаться на голоде, «свободу» борьбы за восстановление власти капитала, «свободу» соглашения с иноземной буржуазией против отечественных рабочих и крестьян.

Пусть Каутские защищают такую свободу. Для этого надо быть ренегатом марксизма, ренегатом социализма.

Ни в чем крах идейных вождей II Интернационала, таких, как Гильфердинг и Каутский, не выразился так ярко, как в их полной неспособности понять значение советской или пролетарской демократии, ее отношения к Парижской Коммуне, ее исторического места, ее необходимости, как формы диктатуры пролетариата.

В № 74 газеты «Свобода» («Die Freiheit»), органе «независимой» (читай: мещанской, филистерской, мелко-буржуазной) германской социал-демократии, помещено 11 февраля 1919 г. воззвание: «К революционному пролетариату Германии».

Это воззвание подписано правлением партии и всей ее фракцией в «Национальном Собрании», в германской «учредилке».

Это воззвание обвиняет Шейдеманов в стремлении устранить *Советы* и предлагает—не шутите!—*сочетать* Советы с учредилкой, дать Советам известные государственные права, известное место в конституции.

Помирить, объединить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата! Как это просто! Какая это гениально-филистерская идея!

Жаль только, что ее уже испытали при Керенском в России объединенные меньшевики и социалисты-революционеры, эти мелко-буржуазные демократы, мнящие себя социалистами.

Кто не понял, читая Маркса, что в капиталистическом обществе, при каждом остром моменте, при каждом серьезном столкновении классов возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата, тот ничего не понял ни в экономическом, ни в политическом учении Маркса.

Но гениально-филистерская идея Гильфердинга, Каутского и К⁰ о мирном соединении диктатуры буржуазии и диктатуры пролетариата требует особого разбора, если хотеть исчерпать экономические и политические нелепости, сгруженные в этом замечательнейшем и комичнейшем воззвании от 11 февраля. Приходится отложить это до другой статьи*.

Написано 15 апреля 1919 г.

Избр. прозв., изд. 3, т. II, стр. 415—420.

* См. Соч., т. XXIV, стр. 317—324. *Ред.*

О ЗАДАЧАХ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Рамсэй Макдональд о III Интернационале

В № 5475 французской социал-шовинистской газеты «L'Humanité» («Человечество»), от 14 апреля 1919 г., помещена передовая статья известного вождя британской так называемой «Независимой рабочей партии»—на деле это всегда зависевшая от буржуазии оппортунистическая партия—Рамсэя Макдональда. Статья эта так типична для позиции того *течения*, которое принято называть «центром» и которое назвал таким именем I конгресс Коммунистического Интернационала в Москве, что мы приводим ее *целиком* вместе с вступительными строками редакции «L'Humanité».

ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Наш друг Рамсэй Макдональд до войны был популярным лидером Рабочей партии в Палате Общин. В качестве убежденного социалиста и убежденного человека он счел своей обязанностью осудить эту войну, как империалистскую, в противоположность тем, кто приветствовал ее, как войну за право. Вследствие этого он после 4-го августа отказался от роли руководителя «Рабочей партии» (Labour Party) и вместе со своими товарищами из «Independent» («Независимой рабочей партии»), вместе с Кейр-Гарди, которым все мы восхищались, не побоялся объявить войну войне.

На это требовалось не мало изо дня в день повторяющегося героизма.

Макдональд на собственном примере показал, что мужество, говоря словами Жореса, «заключается в том, чтобы не подчиняться закону торжествующей лжи и не служить отголоском для аплодисментов дураков и шиканья фанатиков».

На выборах «по команде»* в конце ноября Макдональд был побежден Ллойд-Джорджем. Мы можем быть спокойны,—Макдональд возьмет реванш, и в самом недалеком будущем.

Возникновение сепаратистских тенденций в национальной и в интернациональной политике социализма было несчастьем для всего социалистического движения.

* Буквально «хаки»: так прозвали их солдаты, которым приказано было голосовать за правительственных кандидатов.

Нет, конечно, никакой беды в том, что внутри социализма имеются оттенки в мнениях и различия в методах. Наш социализм находится ведь еще в стадии экспериментов.

Его основные принципы установлены, но способ наилучшего их применения, комбинации, которые принесут торжество революции, организация социалистического государства— все это вопросы, которые подлежат обсуждению и относительно которых еще не сказано последнее слово. Только углубленное изучение всех этих вопросов может привести нас к более высокой истине.

Крайности могут сталкиваться друг с другом, и такая борьба может содействовать укреплению социалистических взглядов, но зло начинается, когда каждый смотрит на своего противника, как на предателя, как на верующего, который лишился благодати и пред которым должны быть захлопнуты врата партийного рая.

Когда социалистами овладевает дух догматизма, вроде того, какой некогда в христианстве разжигал гражданскую войну во славу божью и ради сокрушения дьявола, буржуазия может спать спокойно, ибо период ее господства еще не завершился, как бы велики ни были местные и интернациональные успехи, достигнутые социализмом.

В настоящий момент наше движение встречает на своем пути, к несчастью, новое препятствие. В Москве основан новый Интернационал.

Меня лично этот факт глубоко огорчает,—ведь социалистический Интернационал в настоящее время достаточно открыт для всех видов социалистической мысли, и, несмотря на все теоретические и практические несогласия, порожденные в нем большевизмом, я не вижу причины, почему левое крыло его должно отделиться от центра и образовать самостоятельную группу.

Прежде всего нужно помнить, что мы переживаем еще период родов революции. Формы правления, выросшие из политических и социальных опустошений, произведенных войной, еще не выдержали испытаний и не могут считаться установленными окончательно.

Новая метла сначала метет удивительно хорошо, но, как она будет работать под конец—об этом нельзя с уверенностью судить заранее.

Россия—не Венгрия, Венгрия—не Франция и Франция—не Англия, и потому, кто вносит раскол в Интернационал, руководствуясь опытом какой-либо одной нации, обнаруживает преступную ограниченность ума.

Чего на самом деле стоит опыт России? Кто на это ответит? Союзные правительства боятся дать нам возможность полного осведомления. Но есть две вещи, которые мы знаем.

Прежде всего мы знаем, что революция совершена нынешним русским правительством не по заранее составленному плану. Она развернулась в связи с ходом событий. Начав борьбу с Керенским, Ленин требовал созыва Учредительного Собрания. События привели его к разгону этого Собрания. Когда в России вспыхнула социалистическая революция, никто не подозревал, что Советы займут в правительстве то место, которое они заняли.

Затем, Ленин совершенно справедливо убеждал венгерцев не копировать рабски Россию, а предоставить венгерской революции развиваться свободно, согласно ее собственному духу.

Развитие и колебания тех опытов, при которых мы присутствуем, ни в коем случае не должны были вызывать раскол внутри Интернационала.

Все социалистические правительства нуждаются в помощи и в советах Интернационала. Интернационалу надлежит следить за их опытами внимательным и критическим оком.

Я только что слышал от одного друга, недавно видевшего Ленина, что никто не подвергает советское правительство более свободной критике, чем сам Ленин.

* * *

Если послевоенные беспорядки и революции не оправдывают раскола, то не находит ли последний оправдания в той позиции, которую заняли некоторые социалистические фракции во время войны? Признаюсь откровенно, что тут можно было бы найти более разумную причину. Но если, действительно, и имеется кое-какой предлог для раскола в Интернационале, то во всяком случае на Московской конференции вопрос этот был поставлен самым неудачным образом.

Я принадлежу к числу сторонников того взгляда, что прения на Бернской конференции по вопросу об ответственности за войну *были только уступкой общественному мнению несоциалистических кругов.*

На Бернской конференции не только не было возможности вынести по этому вопросу такое решение, которое имело бы какую-нибудь историческую ценность (хотя оно могло иметь кое-какую ценность политическую), но и самый вопрос не был поставлен надлежащим образом.

Осуждение германского большинства (осуждение, которое было вполне заслужено германским большинством, и к которому я с удовольствием присоединился) не могло быть изложением причин войны.

Бернские дебаты не сопровождались откровенными обсуждениями той позиции, которую заняли другие социалисты по отношению к войне.

Они не дали никакой формулы поведения, обязательного для социалистов во время войны. Все, сказанное Интернационалом до того времени, заключалось в том, что, когда война носит характер национальной обороны, социалисты должны объединиться с другими партиями.

Кого же при таких условиях станем мы осуждать?

Некоторые из нас знали, что эти решения Интернационала не имели значения и не годились для дела в качестве практического руководства.

Мы знали, что эта война должна закончиться победой империализма, и, не будучи в обычном смысле слова ни нацифистами, ни антинацифистами, мы примкнули к политике, по нашему мнению, единственно совместимой с интернационализмом. Но Интернационал никогда не предписывал нам подобной линии поведения.

Вот почему в момент, когда началась война, Интернационал

потерпел крах. Он утратил свой авторитет и не издал ни одного постановления, на основании которого мы имели бы право ныне осуждать тех, кто честно выполнял резолюции международных съездов.

В виду этого в настоящее время нужно отстаивать такую точку зрения: вместо того, чтобы расходиться из-за разногласия по поводу событий прошлого, будем создавать Интернационал действительно активный и помогающий социалистическому движению в тот период революции и строительства, в который мы вступили.

Необходимо восстановить наши социалистические принципы. Необходимо положить прочные основы интернациональному социалистическому поведению.

Если же окажется, что мы существенно расходимся в этих принципах, если мы не придем к соглашению по вопросу о свободе и демократии, если наши взгляды насчет условий, при которых пролетариат может взять власть в свои руки, окончательно разойдутся, если, наконец, выяснится, что война отравила ядом империализма некоторые секции Интернационала,—тогда раскол возможен.

Но я не думаю, чтобы случилось такое несчастье.

И потому меня огорчил Московский манифест, как, по меньшей мере, преждевременный и, конечно, бесполезный; и я надеюсь, что мои французские товарищи, на которых в течение последних четырех злополучных лет сыпалось столько и клевет, и напастей, не поддадутся порыву нетерпения и не будут со своей стороны содействовать разрыву интернациональной солидарности.

Иначе их детям пришлось бы вновь восстанавливать эту солидарность, если пролетариату суждено когда-нибудь управлять миром.

ДЖ. РАМСЭЙ МАКДОНАЛЬД.

Автор этой статьи, как видит читатель, старается доказать ненужность раскола. Напротив, именно его неизбежность вытекает из того, как рассуждает Рамсэй Макдональд, этот типичный представитель II Интернационала, достойный соратник Шейдемана и Каутского, Вандервельда и Брантинга и т. д. и т. п.

Статья Рамсэя Макдональда есть лучший образчик тех гладких, благозвучных, шаблонных фраз, повидимому, социалистических, которые во всех передовых капиталистических странах издавна служат для прикрытия буржуазной политики внутри рабочего движения.

I

Начнем с наименее важного, но особенно характерного. Автор, подобно Каутскому (в его брошюре «Диктатура пролетариата»), повторяет буржуазную ложь, будто в России никто не предвидел заранее роли Советов, будто я и большевики начали борьбу с Керенским только во имя Учредительного Собрания.

Это—буржуазная ложь. На самом деле я уже 4 апреля 1917 г.,

в первый же день своего приезда в Петроград, выставил «тезисы» с требованием *Советской* республики, а не *буржуазно-парламентарной**. Я повторял это много раз при Керенском в печати и на собраниях. Партия большевиков торжественно и официально заявила это в решениях своей конференции 29 апреля 1917 года. Не знать этого—значит *не хотеть* знать правды о социалистической революции в России. Не хотеть понять, что буржуазно-парламентарная республика с Учредительным Собранием есть шаг вперед против такой же республики без Учредительного Собрания, а *Советская* республика есть два шага вперед по сравнению с ней, значит закрывать глаза на разницу между буржуазией и пролетариатом.

Называть себя социалистом и не видеть этой разницы два года спустя после постановки вопроса в России, полтора года спустя после победы советской революции в России, это значит упорно оставаться в полном плену у «общественного мнения несоциалистических кругов», *т. е.* у идей и политики буржуазии.

С такими людьми раскол необходим и неизбежен, ибо нельзя совершать социалистической революции рука об руку с теми, кто тянет сторону буржуазии.

И если люди, подобные Рамсэю Макдональду или Каутскому и т. п., не захотели преодолеть даже той совсем маленькой «трудности», которой было бы для этих «вождей» ознакомление с *документами* об отношении большевиков к Советской власти, о постановке этого вопроса до и после 25 октября (7 ноября) 1917 г., то не смешно ли было бы ждать от таких людей готовности и способности преодолеть несравненно большие трудности настоящей борьбы за социалистическую революцию?

Хуже всякого глухого тот, кто не хочет слышать.

II

Перейдем ко второй неправде (из бесчисленных неправд, которыми полным-полна вся статья Рамсэя Макдональда, ибо в этой статье, пожалуй, неправд больше, чем слов). Это—неправда едва ли не самая важная.

Дж. Р. Макдональд утверждает, будто Интернационал до войны 1914—1918 г.г. сказал только то, что «когда война носит характер национальной обороны, социалисты должны объединиться с другими партиями».

* См. Соч., т. XX, стр. 87—90. *Ред.*

Это чудовищное, вопиющее уклонение от истины.

Всем известно, что Базельский манифест 1912 г. единогласно принят всеми социалистами и что он один только из всех документов Интернационала относится как раз к той именно войне между английской и германской группой империалистских хищников, которая в 1912 г. явно для всех подготавливалась и которая в 1914 г. разразилась. Именно про эту войну Базельский манифест сказал три вещи, умалчивая о которых теперь, Макдональд совершает величайшее преступление против социализма и доказывает, что с людьми вроде Макдональда необходим раскол, ибо они служат на деле буржуазии, а не пролетариату.

Эти три вещи следующие:

война, которая грозит, не может быть оправдана ни тенью интересов национальной свободы;

со стороны рабочих было бы преступлением в этой войне стрелять друг в друга;

война ведет к пролетарской революции.

Вот—те три основные, коренные истины, «забывая» которые (хотя он подписал их до войны), Макдональд *на деле* переходит на сторону буржуазии против пролетариата и доказывает этим, что раскол необходим.

Коммунистический Интернационал не пойдет на единство с партиями, не желающими признать этой истины и не способными своими *делами* доказать свою решимость, готовность и умение проводить в сознание масс эти истины.

Версальский мир доказал даже глупцам и слепцам, даже массе близоруких людей, что Антанта была и осталась таким же кровавым и грязным империалистским хищником, как и Германия. Не видеть этого могли либо лицемеры и лгуны, проводящие сознательно буржуазную политику в рабочем движении, прямые агенты и приказчики буржуазии (*labor lieutenants of the capitalist class*, рабочие офицера на службе у класса капиталистов, как говорят американские социалисты), либо настолько поддавшиеся буржуазным идеям и буржуазному влиянию люди, которые на словах только социалисты, а на деле мелкие буржуа, филистеры, подпевалы капиталистов. Разница между первой и второй категорией важна с точки зрения личностей, т.е. для оценки Ивана или Петра из социал-шовинистов всех стран. Для политика, т.е. с точки зрения отношений между миллионами людей, между классами, эта разница не существенна.

Те социалисты, кои во время войны 1914—1918 г.г. не поняли, что это война преступная, реакционная, грабительская,

империалистская с обеих сторон, суть социал-шовинисты, т. е. социалисты на словах, шовинисты на деле; друзья рабочего класса на словах, а на деле лакеи «своей» национальной буржуазии, помогающие ей обманывать народ, изображая «национальной», «освободительной», «оборонительной», «справедливой» и т. п. войну между английской и германской группой империалистов хищников, *равно* грязных, корыстных, кровавых, преступных, реакционных.

Единство с социал-шовинистами есть предательство революции, предательство пролетариата, предательство социализма, переход на сторону буржуазии, ибо это есть «единство» с *национальной буржуазией* «своей» страны *против* единства интернационального революционного пролетариата, есть единство с буржуазией *против* пролетариата.

Война 1914—1918 г.г. окончательно доказала это. Кто этого не понял, тот пусть остается в желтом Бернском Интернационале социал-предателей.

III

Рамсэй Макдональд с забавной наивностью «салонного» социалиста, который бросает слова на ветер, совершенно не понимая их серьезного значения, совершенно не думая о том, что *слова обязывают к делам*, заявляет: в Берне была сделана «уступка общественному мнению несоциалистических кругов».

Вот именно! Весь Бернский Интернационал мы считаем желтым, предательским, изменническим, ибо *вся* его политика есть «уступка» буржуазии.

Рамсэй Макдональд великолепно знает, что мы построили III Интернационал и безоговорочно порвали с II, ибо убедились в его безнадежности, в его неискоренимости, в его роли слуги империализма, проводника буржуазного влияния, буржуазной лжи и буржуазного разврата в рабочем движении. Если Рамсэй Макдональд, желая рассуждать о III Интернационале, обходит суть дела, ходит кругом да около, говорит пустые фразы и не говорит о том, о чем надо говорить, это его вина и его преступление. Ибо пролетариат нуждается в правде, и нет ничего вреднее для его дела, как благовидная, благоприличная, обывательская ложь.

Вопрос об империализме и о *его* связи с оппортунизмом в рабочем движении, с предательством рабочего дела рабочими вождями, поставлен давно, очень давно.

Маркс и Энгельс в течение *сорока* лет, с 1852 по 1892 г., постоянно указывали на *обуржуазение* верхушек рабочего класса Англии вследствие ее экономических особенностей (колонии;

монополия на всемирном рынке и т. д.). Маркс завоевал себе в 70-х годах прошлого века почетную ненависть подлых героев тогдашнего «Бернского» интернационального направления, оппортунистов и реформистов, за то, что заклеил многих вождей английских трэд-юнионов, как людей, продавшихся буржуазии или оплачиваемых ею за услуги *ее* классу, оказываемые *и з н у т р и* рабочего движения.

Во время англо-бурской войны англо-саксонская пресса поставила уже вполне ясно вопрос об империализме, как новейшей (*и последней*) стадии капитализма. Если память мне не изменяет, то не кто иной, как Рамсэй Макдональд, вышел тогда из «Фабрианского общества»⁴, этого прообраза «Бернского» Интернационала, этого рассадника и образца оппортунизма, охарактеризованного Энгельсом с гениальной силой, яркостью и правдой в переписке с Зорге. «Фабрианский империализм» — таково было тогда ходячее выражение в английской социалистической литературе.

Если Рамсэй Макдональд забыл об этом, тем хуже для него.

«Фабрианский империализм» и «социал-империализм», это одно и то же: социализм на словах, империализм на деле, *перерастание оппортунизма в империализм*. Это явление стало теперь, во время войны 1914—1918 г.г. и после нее, *всемирным* фактом. Непонимание его есть величайшая слепота «Бернского», желтого, Интернационала и величайшее преступление его. Оппортунизм или реформизм неизбежно должны были перерасти в имеющий всемирно-историческое значение *социалистический империализм* или социал-шовинизм, ибо империализм выделил горстку богатейших, передовых наций, грабящих весь мир, и тем самым позволил буржуазии этих стран *подкупать* на счет своей монополистической сверхприбыли (империализм есть монополистический капитализм) *верхушки рабочего класса* этих стран.

Не видеть экономической неизбежности этого факта при империализме могут либо круглые невежды, либо лицемеры, которые обманывают рабочих, повторяя *общие места* о капитализме и заслоняя таким образом горькую правду о переходе *целого течения в социализме* на сторону империалистской буржуазии.

А из этого факта вытекают два бесспорных вывода:

Вывод первый: «Бернский» Интернационал есть фактически, по его действительной исторической и политической роли, независимо от доброй воли и невинных пожеланий тех или других из его членов, *организация агентов международного импе-*

риализма, действующих внутри рабочего движения, проводящих в нем буржуазное влияние, буржуазные идеи, буржуазную ложь и буржуазный разврат.

В странах с давней демократически-парламентской культурой буржуазия великолепно научилась действовать не только насилем, но и обманом, подкупом, лестью, вплоть до самых утонченных форм этих приемов. «Завтраки» английских «рабочих вождей» (т.е. приказчиков буржуазии по части надувания рабочих) недаром приобрели известность, и об них говорил еще Энгельс. Того же порядка факт есть «обворожительный» прием господином Клемансо социал-предателя Мергейма, любезные приемы министрами Антанты вождей «Бернского» Интернационала и прочее и тому подобное. «Вы их обучите, а мы их купим»—говорила одна умная английская капиталистка господину социал-империалисту Гайндману, который рассказал в своих мемуарах, как эта госпожа—более догадливая, чем все вожди «Бернского» Интернационала, вместе взятые,—оценивала «труды» социалистов-интеллигентов по обучению социалистических вождей из рабочих.

Во время войны, когда Вандервельды, Брантинги и вся эта банда предателей устраивала «международные» конференции, французские буржуазные газеты смеялись очень ядовито и очень верно: «У этих Вандервельдов нечто вроде тика. Как люди, страдающие тиком, не могут сказать двух фраз без странного подергивания мышц лица, так Вандервельды не могут выступать политически, не повторяя попугайски слов: интернационализм, социализм, международная солидарность рабочих, революция пролетариата и т. п. Пускай повторяют какие-угодно сакраментальные формулы, лишь бы они помогали водить за нос рабочих и служили службу нам, капиталистам, при ведении империалистской войны и при закабалении рабочих».

Английские и французские буржуа бывают иногда очень умны и превосходно оценивают лакейскую роль «Бернского» Интернационала.

Мартов писал где-то: «Вы, большевики, понесите Бернский Интернационал, но в нем состоит «ваш» же друг, Лорио».

Это—довод мошенника. Ибо всем известно, что Лорио борется за III Интернационал открыто, честно, геройски. Когда Зубатов устраивал в Москве в 1902 г. собрания рабочих в целях одурачения их «полицейским социализмом», рабочий Бабушкин, которого я знал с 1894 г., когда он был в моем рабочем кружке в Питере, один из лучших, преданнейших рабочих-«искровцев», вождей революционного пролетариата, расстрелянный в 1906 г. Ренненкампом в Сибири, *ходил на*

зубатовские собрания, чтобы бороться с зубатовщиной и вылавливать рабочих из ее лап. Бабушкин так же мало был «зубатовцем», как Лорно «бернцем».

IV

Вывод второй: III, Коммунистический, Интернационал для того и основан, чтобы не позволять «социалистам» отделяться тем *словесным* признанием революции, образцы которого дает Рамсэй Макдональд в своей статье. Словесное признание революции, на деле прикрывавшее насквозь оппортунистическую, реформистскую, националистическую, мелко-буржуазную политику, было основным грехом II Интернационала, и с этим злом мы ведем войну не на живот, а на смерть.

Когда говорят: II Интернационал умер, потерпев позорное банкротство, это надо уметь понимать. Это значит: обанкротился и умер оппортунизм, реформизм, мелко-буржуазный социализм. Ибо у II Интернационала есть историческая заслуга, есть завоевание *еіс азі* (на всегда), от которого сознательный рабочий никогда не отречется, именно: создание массовых рабочих организаций, кооперативных, профессиональных и политических, использование буржуазного парламентаризма, как и всех вообще учреждений буржуазной демократии и т. п.

Чтобы на деле победить оппортунизм, приведший к позорной смерти II Интернационала, чтобы на деле помогать революции, приближение которой вынужден признать *даже* Рамсэй Макдональд, надо:

Во-первых, всю пропаганду и агитацию вести с точки зрения революции, в противоположность реформам, систематически разъясняя массам эту противоположность и теоретически, и практически, на каждом шагу парламентской, профессиональной, кооперативной и т. д. работы. Ни в каком случае не отказываться (за исключением особых случаев, в виде изъятия) от использования парламентаризма и всех «свобод» буржуазной демократии, не отказываться от реформ, но рассматривать их *только*, как *побочный результат* революционной классовой борьбы пролетариата. Ни одна из партий «Бернского» Интернационала не удовлетворяет этому требованию. Ни одна не обнаруживает даже понимания того, как надо вести *всю* пропаганду и агитацию, разъясняя *различие* реформ от революции, как надо *неуклонно* воспитывать и партию, и массы *к революции*.

Во-вторых, надо соединять легальную и *нелегальную* работу. Этому учили большевики всегда и особенно настойчиво во время войны 1914—1918 годов. Над этим смеялись герои подлого

оппортунизма, самодовольно превознося «законность», «демократию», «свободу» западно-европейских стран, республик и пр. Теперь уже только прямые мошенники, обманывающие рабочих фразами, могут отрицать, что большевики оказались правы. Нет ни одной страны в мире, самой передовой и самой «свободной» из буржуазных республик, где бы не царил террор буржуазии, где бы не запрещалась свобода агитации за социалистическую революцию, пропаганды и организационной работы в этом именно направлении. Партия, которая доньше не признала этого при господстве буржуазии и не ведет систематической, всесторонней *нелегальной* работы, вопреки законам буржуазии и буржуазных парламентов, есть партия предателей и негодяев, которая словесным признанием революции обманывает народ. Таким партиям место в желтом, «Бернском» Интернационале. В Коммунистическом Интернационале их не будет.

В-третьих, необходима неуклонная и беспощадная война за полное изгнание из рабочего движения тех оппортунистических вождей, которые зарекомендовали себя и до войны и особенно во время войны как в сфере политики, так и в особенности в профессиональных союзах и в кооперативах. Теория «нейтральности» есть лживая и подлая увертка, которая помогла буржуазии овладеть массами в 1914—1918 годах. Партии, которые на словах стоят за революцию, а на деле не ведут неуклонной работы за влияние именно революционной, только революционной партии во всех и всякого рода массовых рабочих организациях, суть партии предателей.

В-четвертых, нельзя мириться с тем, что на словах осуждают империализм, а на деле не ведут революционной борьбы за освобождение колоний (и зависимых наций) от *своей* империалистской буржуазии. Это лицемерие. Это политика агентов буржуазии в рабочем движении (*labor lieutenants of the capitalist class*). Та английская, французская, голландская, бельгийская и т. п. партия, которая на словах враждебна империализму, а на деле не ведет революционной борьбы внутри «своих» колоний за *свержение* «своей» буржуазии, не помогает систематически повсюду начавшейся уже *революционной* работе в колониях, не ввозит в них оружия и литературы для революционных партий в колониях, есть партия негодяев и предателей.

В-пятых, величайшим лицемерием является типичное для партий «Бернского» Интернационала явление: на словах признавать революцию и щеголять перед рабочими пышными фразами насчет признания ими революции, на деле же относиться чисто-реформистски к тем начаткам, росткам, проявлениям

роста революции, каковыми являются всякие выступления масс, ломающих буржуазные законы, выходящих из всякой легальности, например—массовые стачки, уличные демонстрации, протесты солдат, митинги в войске, распространение листовок в казармах и в лагерях и т. п.

Если спросить любого героя «Бернского» Интернационала, ведет ли его партия такую систематическую работу, он ответит вам либо уклончивыми фразами, прикрывающими отсутствие такой работы: неимение организаций и аппарата для нее, неспособность его партии вести ее, либо декламацией против «путшизма» (вспышкопускательства), «анархизма» и т. п. А в этом и состоит измена рабочему классу со стороны Бернского Интернационала, его фактический переход в лагерь буржуазии.

Все негодяи-вожди Бернского Интернационала распинаятся, заявляя о своем «сочувствии» к революции вообще, к русской революции в частности. Но только лицемеры или дурачки могут не понимать, что особенно быстрые успехи революции в России *связаны* с долголетней работой революционной партии в указанном направлении, когда годами создавался систематический нелегальный аппарат для руководства демонстрациями и стачками, для работы в войсках, изучались детально приемы, создавалась нелегальная литература, подводившая итоги опыта и воспитывавшая всю партию в мысли о необходимости революции, вырабатывались вожди масс для подобных случаев и т. д. и т. п.

V

Самыми глубокими коренными разногласиями, которые подытоживают все указанное выше и объясняют неизбежность непримиримой теоретической и практически-политической борьбы революционного пролетариата с «Бернским» Интернационалом, являются вопросы о превращении империалистской войны в гражданскую и о диктатуре пролетариата.

Пленение «Бернского» Интернационала буржуазной идеологией более всего обнаруживается в том, что, не поняв (или: не пожелав понять, или: прикидываясь непонимающим) империалистского характера войны 1914—1918 г.г., он не понял неотвратимости ее превращения в войну гражданскую между пролетариатом и буржуазией всех передовых стран.

Когда большевики еще в ноябре 1914 г. указали на эту неотвратимость, филистеры всех стран отвечали тупоумными насмешками, и к числу этих филистеров принадлежали все вожди «Бернского» Интернационала. Теперь превращение империалистской войны в войну гражданскую стало фактом в це-

лом ряде стран, не только в России, но и в Финляндии, в Венгрии, в Германии, даже в нейтральной Швейцарии, а нарастание гражданской войны наблюдается, чувствуется, осязается во всех без исключения передовых странах.

Теперь обходить этот вопрос молчанием (как делает Рамсэй Макдональд) или *отговариваться* от неизбежной гражданской войны сладенькими примирительными фразами (как делают господа Каутский и К⁰) равносильно прямой измене пролетариату, равносильно фактическому переходу на сторону буржуазии. Ибо настоящие политические вожди буржуазии давно поняли неизбежность гражданской войны и великолепно, обдуманно, систематически проводят подготовку ее, укрепление своих позиций для нее.

Буржуазия всего мира изо всех сил, с громадной энергией, умом, решительностью, не останавливаясь ни перед какими преступлениями, осуждая на голод и на поголовное истребление целые страны, готовит подавление пролетариата в надвигающейся гражданской войне. А герои «Бернского» Интернационала, как дурачки или лицемерные попки, или педанты профессора, тянут старую, избитую, истасканную реформистскую песенку! Нет зрелища более отвратительного, более омерзительного!

Каутские и Макдональды продолжают *пугать* капиталистов революцией, *стращать* буржуазию гражданской войной, чтобы добиться от них уступок, согласия на реформистский путь. К этому сводятся все писания, вся философия, вся политика всего «Бернского» Интернационала.

Этот жалкий прием лакеев мы наблюдали в России в 1905 г. со стороны либералов (кадетов), в 1917—1919 г.г. со стороны меньшевиков и «социалистов-революционеров». О том, чтобы *воспитывать* массы в сознании неизбежности и необходимости *победить* буржуазию в гражданской войне, о том, чтобы всю политику вести под углом этой цели, все вопросы освещать, ставить и решать с этой и только с этой точки зрения, — об этом лакейские души Бернского Интернационала и не помышляют. И потому наша цель должна состоять только в том, чтобы окончательно столкнуть неисправимых реформистов, т. е. девять десятых вождей Бернского Интернационала, в помойную яму прислужников буржуазии.

Буржуазии *нужны* такие прислужники, которым бы доверяла часть рабочего класса и которые бы прихорашивали, подкрашивали буржуазию разговорами о возможности реформистского пути, засоряли народу глаза этими разговорами, *отвлекали* народ от революции размалевыванием прелестей и возможностей реформистского пути.

Все писания Каутских, как и наших меньшевиков и эс-эров, сводятся к такому размалевыванию, к хныканию трусливого мещанина, боящегося революции.

Здесь мы не имеем возможности подробно повторять, какие основные экономические причины сделали неизбежным именно революционный путь и только революционный путь, сделали невозможным иное решение вопросов, поставленных на очередь дня историей, кроме как гражданской войной. Об этом должно писать и об этом будут написаны томы. Если господа Каутские и прочие вожди «Бернского» Интернационала этого не поняли, то остается только сказать: невежество менее удалено от истины, чем предрассудок.

Ибо невежественные, но искренние люди труда и сторонники трудящихся легче понимают теперь, после войны, неизбежность революции, гражданской войны и диктатуры пролетариата, чем напичканные ученышими реформистскими предрассудками господа Каутские, Макдональды, Вандервельды, Брантинги, Турати и tutti quanti*.

Одним из особенно наглядных подтверждений повсюду наблюдаемого, массового явления роста революционного сознания в массах можно признать романы Анри Барбюсса: «Le feu» («В огне») и «Clarté» («Ясность»). Первый переведен уже на все языки и распространен во Франции в числе 230.000 экземпляров. Превращение совершенно невежественного, целиком подавленного идеями и предрассудками, обывателя и массовика в революционера именно под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво.

Массы пролетариев и полупролетариев за нас и переходят к нам не по дням, а по часам. «Бернский» Интернационал— штаб без армии, который развалится, как картонный домик, если разоблачить его перед массами до конца.

Имя Карла Либкнехта во всей буржуазной прессе Антанты во время войны употреблялось для обмана масс: чтобы выставить разбойников и грабителей французского и английского империализма сочувствующими этому герою, этому «единственно честному немцу», как они говорили.

Теперь герои Бернского Интернационала сидят в одной организации с Шейдеманами, которые подстраивали убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург, с Шейдеманами, которые исполняли роль палачей из рабочих, оказывающих палаческие услуги буржуазии. На словах—лицемерные попытки «осудить» Шейде-

---

* — все прочие. *Ред.*

манов (точно от «осуждения» дело изменится!), на деле пребывание в одной организации с убийцами.

Покойный Харри Квелч в 1907 г. был выслан германским правительством из Штутгарта за то, что он назвал «собранием воров» заседание европейских дипломатов. Вожди «Бернского» Интернационала—не только собрание воров, они—собрание подлых убийц.

От суда революционных рабочих им не спастись.

VI

От вопроса о диктатуре пролетариата Рамсэй Макдональд отделяется парой слов, как от предмета для дискуссии о свободе и демократии.

Нет. Пора действовать. Дискуссии опоздали.

Самое опасное со стороны «Бернского» Интернационала, это—словесное признание диктатуры пролетариата. Эти люди способны все признать, все подписать, лишь бы остаться во главе рабочего движения. Каутский говорит уже теперь, что он не против диктатуры пролетариата! Французские социал-шовинисты и «центристы» подписываются под резолюцией за диктатуру пролетариата!

Доверия они не заслуживают ни на волос.

Не словесное признание нужно, а полный разрыв *на деле* с политикой реформизма, с предрассудками буржуазной свободы и буржуазной демократии, проведение на деле политики революционной классовой борьбы.

Диктатуру пролетариата пытаются признать на словах, чтобы тайком протащить рядом с ней «волю большинства», «всеобщее голосование» (так именно делает Каутский), буржуазный парламентаризм, отказ от полного уничтожения, взрывания, сламывания до конца всего буржуазного государственного аппарата. Этих новых уверток, новых лазеек реформизма надо бояться больше всего.

Диктатура пролетариата была бы невозможна, если бы большинство населения не состояло из пролетариев и полупролетариев. Эту истину Каутский и К⁰ пытаются фальсифицировать так, что де нужно «голосование большинства», дабы признать «правильною» диктатуру пролетариата.

Комичные педанты! Они не поняли, что голосование в рамках, в учреждениях, в обычаях буржуазного парламентаризма есть *часть* буржуазного государственного аппарата, который должен быть разбит и сломан сверху донизу *для* осуществле-

ния диктатуры пролетариата, для перехода от буржуазной демократии к демократии пролетарской.

Они не поняли, что вообще не голосованиями, а гражданской войной решаются *все* серьезные вопросы политики, когда в порядок дня поставлена историей диктатура пролетариата.

Они не поняли, что диктатура пролетариата есть власть *одного* класса, берущего в свои руки *весь* аппарат новой государственности, *побеждающего* буржуазию и *нейтрализующего* всю мелкую буржуазию, крестьянство, обывательщину, интеллигенцию.

Каутские и Макдональды признают на словах классовую борьбу, чтобы на деле забыть о ней в самый решительный момент истории—борьбы за освобождение пролетариата: в момент, когда, взяв государственную власть и поддерживаемый полупролетариатом, пролетариат при помощи этой власти *продолжает* классовую борьбу, доводя ее до *уничтожения классов*.

Как настоящие филистеры, вожди «Бернского» Интернационала повторяют буржуазно-демократические словечки о свободе и равенстве и демократии, не видя, что они повторяют обломки идей о свободном и равном *товаровладельце*, не понимая, что пролетариату нужно государство не для «свободы», а для *подавления* своего врага, эксплуататора, капиталиста.

Свобода и равенство *товаровладельца* умерли, как умер капитализм. Не Каутским и Макдональдам воскресить его.

Пролетариату нужно уничтожение классов—вот *реальное* содержание пролетарской демократии, пролетарской свободы (свободы *от* капиталиста, от товарообмена), пролетарского равенства (не равенства *классов*—на эту пошлость сбиваются Каутские и Вандервельды и Макдональды,—а равенство трудящихся, которые *свергают* капитал и капитализм).

Пока есть классы, свобода и равенство классов есть буржуазный обман. Пролетариат берет власть, становится *господствующим* классом, ломает буржуазный парламентаризм и буржуазную демократию, подавляет буржуазию, подавляет *все* попытки *всех* других классов вернуться к капитализму, дает *настоящую* свободу и равенство трудящимся (что осуществимо лишь при *отмене* частной собственности на средства производства), дает им не «права» только, а *реальное* пользование тем, *что отнято* у буржуазии.

Кто не понял *этого* содержания диктатуры пролетариата (или, что то же, Советской власти или демократии пролетарской), тот всеу приемлет это слово.

Я не могу здесь развивать подробнее эти мысли, изложенные мною в «Государстве и революции»* и в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский»**. Я могу закончить, посвящая эти заметки делегатам на Люцернском конгрессе, 10 августа 1919 г., Бернского Интернационала.

14 июля 1919 г.

Соч., т. XXIV, стр. 382—399.

---

* См. Соч., т. XXI, стр. 365—455. *Ред.*

** См. Соч., т. XXIII, стр. 331—412. *Ред.*

РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ
МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ПОСВЯЩЕННОМ
ГОДОВЩИНЕ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА,
6 МАРТА 1920 г.

Товарищи, со времени основания Коммунистического Интернационала прошел год. В течение этого года Коммунистический Интернационал достиг таких побед, которых нельзя было ожидать, и можно смело сказать, что никто не ожидал таких громадных успехов при его основании.

В первое время революции у многих была надежда, что в Западной Европе начнется социалистическая революция с момента, непосредственно связанного с окончанием империалистской войны, ибо в тот момент, когда массы были вооружены, революция могла пройти с наибольшим успехом и в некоторых странах Запада. Это могло бы произойти, если бы не оказалось, что в Западной Европе более глубокий раскол среди пролетариата, больше предательства бывших социалистических вождей.

Мы до сих пор точно не знаем, как прошла демобилизация и как происходит ликвидация войны. Мы не знаем, напр., что было в Голландии, и только из одной статьи, в которой рассказывалось о речи голландского коммуниста,—из одной статьи, случайно,—много статей таких было,—мне довелось узнать, что в Голландии, стране нейтральной, которая была меньше замешана в империалистской войне, революционное движение приняло такие размеры, что уже было приступлено к образованию Советов, и Трульстра, одна из важнейших фигур оппортунистической голландской социал-демократии, признал, что рабочие могли бы взять власть в свои руки.

Если бы Интернационал не был в руках предателей, которые спасали буржуазию в критический момент, то много шансов было бы за то, что во многих воюющих странах непосредственно с окончанием войны, а также в некоторых нейтральных странах, где был вооружен народ, революция могла бы произойти быстро, и тогда исход был бы иным.

Оказалось, что это не удалось, революция в таком скором

темпе не удалась, и приходится проделывать весь путь развития, который нам пришлось начать еще до первой революции, до 1905 года, и только благодаря тому, что более десяти лет прошло до 1917 года, мы оказались способными руководить пролетариатом.

В 1905 году была, так сказать, репетиция революции, и отчасти благодаря этому в России удалось использовать момент краха империалистской войны, который дал власть пролетариату. В силу исторических событий, в силу полной гнилости самодержавия нам удалось легко начать революцию, но, чем легче удалось начать ее, тем тяжелее этой одинокой стране пришлось ее продолжать, и за этот пережитый год мы можем себе сказать, что в других странах, где рабочие более развиты, где более промышленности, где рабочие гораздо более многочисленны, развитие революции пошло путем более медленным. Оно пошло по нашему пути, но пошло гораздо медленнее.

Этот медленный путь рабочие продолжают, прокладывая дорогу победе пролетариата, которая надвигается с несомненно большею стойкостью, чем это довелось нам, ибо когда помотришь на III Интернационал, то удивляешься быстроте, с которой распространялся III Интернационал, идя от победы к победе.

Посмотрите, как распространяются во всем мире наши уродливые слова, вроде слова «большевизм». Несмотря на то, что мы называемся партией коммунистической, что название «коммунист» является научным, общеевропейским, оно в Европе и других странах меньше распространено, чем слово «большевик». Наше русское слово «Совет»—одно из самых распространенных, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски.

Несмотря на ложь буржуазной прессы, несмотря на бешеное сопротивление, которое оказала вся буржуазия, несмотря на это, симпатии рабочих масс оказались на стороне Советов, Советской власти и большевизма. Чем больше буржуазия лгала, тем больше помогала она на весь мир распространить опыт, который мы проделали с Керенским.

Часть большевиков, приехавших из Германии, была встречена у нас нападками и травлей, организованной в «демократической республике» чисто на американский манер, и этой травле Керенский, эс-эры и меньшевики всемерно помогали. Таким образом, они всколыхнули слон пролетариата и заставили их думать, что, если так травят большевиков, значит, это что-нибудь хорошее.

И когда время от времени получаешь отрывочные сведения

из-за границы, когда, не имея возможности следить за всей прессой, прочитаешь, например, номер самой богатой английской газеты «Таймс», когда читаешь, как там приводят большевистские слова, чтобы доказать, что большевики уже во время войны проповедывали гражданскую войну, то приходишь к заключению, что даже умнейшие представители буржуазии совершенно потеряли голову. Если английская газета отмечает книгу «Против течения», рекомендует ее английским читателям и приводит цитаты, чтобы показать, что большевики худшие из худших людей, которые говорят о преступности империалистической войны и проповедают гражданскую войну, то убеждаешься, что вся ненавидящая нас буржуазия нам помогает,—кланяемся и благодарим.

У нас нет ежедневной прессы ни в Европе, ни в Америке, информация о нашей работе очень скудна, наших товарищей преследуют ожесточеннейшим образом. Но, когда видишь, что богатейшая империалистическая пресса союзников, из которой почерпают свои сведения сотни тысяч других газет, потеряла до такой степени чувство меры, что она, желая поразить большевиков, приводит обильные цитаты из сочинений большевиков, выкапывая их из печатавшихся во время войны изданий, чтобы доказать, что мы говорили о преступности войны и стремились превратить ее в гражданскую войну,—это значит, что они станут, эти умнейшие господа, такими же глупыми, как наш Керенский и его товарищи. Поэтому, мы можем ручаться, что эти люди, руководители английского империализма, сделают свое дело помощи коммунистической революции чисто и прочно.

Товарищи, до войны казалось, что главное деление в рабочем движении—это деление на социалистов и анархистов. Это не только казалось, но и было так. В продолжительную эпоху до империалистической войны и революции—объективно революционного положения в громадном большинстве европейских стран не было. Задача состояла в том, чтобы использовать эту медленную работу для революционной подготовки. Социалисты начали это дело, анархисты не понимали этой задачи. Война создала революционное положение, и это старое деление оказалось изживающим себя. С одной стороны, верхушки анархизма и социализма сделались шовинистами, они показали, что значит защищать своих буржуазных грабителей против других грабителей буржуазии, из-за которых война погубила миллионы людей. С другой стороны, в низах старых партий зародились новые течения—против войны, против империализма, за социальную революцию. Таким образом, глубочайший кризис создан из-за войны, и анархисты и социалисты раскололись,

потому что верхушки парламентских вождей социалистов оказались на фланге шовинистов, а в низах все растущее меньшинство отходило от них и стало переходить на сторону революции.

Таким образом, рабочее движение всех стран пошло по новой линии, не по линии анархистов и социалистов, а по линии, способной привести к диктатуре пролетариата. Этот раскол во всем мире наметился и начался до существования III Интернационала.

Если мы имели успех, то потому, что мы пришли—тогда, когда положение было революционным и когда рабочее движение было уже во всех странах, и поэтому мы видим теперь, что внутри социализма и анархизма произошел раскол. Это приводит во всем мире к участию коммунистических рабочих в создании новых организаций и к их объединению в III Интернационале. Такой подход является наиболее правильным.

Если снова поднимаются разногласия; напр., об использовании парламентаризма, то после опыта русской революции и гражданской войны, после того как пред всем миром встала фигура Либкнехта и выяснились его роль и значение между представителями парламентаризма, нелепо отрицать революционное использование парламентаризма. Представителям старого толка ясно стало, что по-старому ставить вопрос о государстве нельзя, вместо старой, книжной постановки этого вопроса явилась на свет в силу революционного движения постановка новая, практическая.

Всей объединенной и централизованной силе буржуазии необходимо противопоставить объединенную и централизованную силу пролетариата. Теперь, таким образом, вопрос о государстве встал на другие рельсы, старое разногласие стало терять смысл. Вместо старого деления рабочего движения, возникли новые, во главу угла встало отношение к Советской власти и диктатуре пролетариата.

Советская конституция показала наглядно, что выработала русская революция. На нашем опыте, на изучении его получилось, что все группировки старых задач сводятся к одной: за Советскую власть или против,—либо за буржуазную власть, за демократию, за те нормы демократии, которые, обещая равенство сытых и голодных, равенство капиталиста и рабочего в подаче избирательных бюллетеней, эксплуататоров и эксплуатируемых, скрывали капиталистическое рабство, либо—за власть пролетарскую, за беспощадное подавление эксплуататоров, за советское государство.

За буржуазную демократию могут стоять только сторонники капиталистического рабства. Мы видим это на белогвардейской

литературе Колчака и Деникина. После очистки многих русских городов от этой нечисти, собрана их литература и перевозится в Москву. Можно просмотреть писания русских интеллигентов вроде Чирикова или буржуазных мыслителей вроде Е. Трубецкого, и любопытно посмотреть, как они, помогая Деникину, рассуждают об Учредительном собрании, о равенстве и т. д. Эти суждения об учредилровке оказывают нам помощь; когда они с такой агитацией проводились в белогвардейских массах, они помогали нам вместе со всем ходом гражданской войны, ходом событий. Своими аргументами они сами доказывали, что за Советскую власть стоят искренние революционеры, сочувствующие борьбе против капиталистов. Это в ходе гражданской войны получает полную отчеканенность.

Возражать против необходимости центральной власти, диктатуры и единства воли для того, чтобы пролетариат передовой части сплывался, развивал и ставил старое государство на новую ногу, держа твердо власть в руках, и писать рассуждения на эту тему—становится невозможным после проделанного опыта, после того, что было в России, в Финляндии и в Венгрии, после годовичного опыта в демократических республиках, в Германии. Демократия сама разоблачила себя окончательно; вот почему во всех странах в самых различных формах многочисленные признаки усиления коммунистического движения за Советскую власть, за диктатуру пролетариата выросли неудержимо.

Этот рост дошел до того, что такие партии, как немецкие независимцы и французская социалистическая партия, в которых господствуют вожди старого типа, не понявшие ни новой агитации, ни новых условий, которые парламентской деятельности нисколько не изменили, а превращают ее в средство отболтаться от важных задач и парламентскими прениями занять рабочих,—даже эти вожди вынуждены признать диктатуру пролетариата и власть Советов. Это потому, что масса рабочих, которая дает себя знать, заставила их это сделать.

Вы знаете из речей других товарищей, что это отпадение немецкой партии независимцев, это признание диктатуры пролетариата и Советской власти было последним решительным ударом, нанесенным II Интернационалу. Учитывая положение дел, можно сказать, что II Интернационал убит, и массы рабочих в Германии, Англии и Франции переходят на сторону коммунистов. В Англии мы также имеем партию независимцев, которая продолжает стоять на точке зрения легальности и осуждать насилия большевиков. Недавно в их газете появился отдел дискуссии. Дискуссия, это—значит обсуждение. И вот там об-

суждается вопрос о Советах, и рядом со статьей, которая в английских рабочих газетах напечатана, мы видим статью англичанина, который не желает считаться с теорией социализма, а сохраняет прежнее глупое пренебрежение к теории, но, учитывая условия английской жизни, приходит к определенному выводу и говорит: мы не можем осуждать Советы, а должны быть за них.

Это признак того, что даже в отсталых слоях рабочих, в таких странах, как Англия, начался сдвиг, и можно сказать, что старые формы социализма убиты навсегда.

Европа идет к революции не так, как мы пришли, но Европа, по существу, продельвает то же самое. Каждая страна по-своему должна продельвать и начала продельвать внутреннюю борьбу и против своих меньшевиков, и против своего оппортунизма и эс-эрства, которое существует под другим названием и в большей или меньшей степени во всех странах.

И именно потому, что они самостоятельно переживают этот опыт, можно ручаться, что победа коммунистической революции во всех странах неминуема, и, чем больше колебаний в рядах врагов и неуверенности, выражающейся в том, что они заявляют, что большевики это преступники и что они никогда не заключат с нами мира,—тем лучше для нас.

Теперь они говорят: если торговать, то не признавая большевиков. Мы ничего против не имеем: пожалуй, попробуйте, господа. Что касается того, что вы не признаете нас, мы это понимаем. Мы считали бы ошибкой с вашей стороны, если бы вы нас признали. Но, если вы так запутались, что сначала объявляете большевиков нарушителями всех законов божеских и человеческих, объявляете, что не будете с ними разговаривать и мириться, и потом говорите, что будете приступать к обмену, не признавая нашей политики,—это такая победа для нас, которая в народных массах каждой страны подтолкнет коммунистическое движение и углубит его. Оно так глубоко, что кроме тех, кто примыкает официально к III Интернационалу, наметился целый ряд движений в передовых странах, которые, не примыкая ни к социализму, ни к коммунизму, продолжают осуждать большевизм, вместе с тем подходя к нему силою событий.

Война в XX веке в цивилизованной стране заставляет правительства разоблачать самих себя. Во французской газете опубликовывались документы бывшего австрийского императора Карла, который в 1916 году предлагал Франции заключить мир. Теперь его письмо опубликовано, и рабочие обращаются к лидеру социалистов, к Альберу Тома, и спрашивают: вы были тогда в правительстве, и вашему правительству предлагали мир. Что

вы тогда делали? Когда спросили об этом Альбера Тома, он промолчал.

Эти разоблачения только теперь начались. Народные массы грамотны, и относиться к войне по-старому они в Европе и в Америке не могут. Они спрашивают: из-за чего 10 миллионов людей было убито и 20 миллионов искалечено? Поставить этот вопрос, значит заставить народные массы повернуть к диктатуре пролетариата. Поставить этот вопрос, значит ответить на него: из-за того перебили 10 милл. человек и сделали 20 милл. калеками, чтобы решить вопрос, кто больше наживется—немецкие ли капиталисты или английские? Это правда, и как ее ни скрывали, она пробивает себе дорогу.

Крах капиталистических правительств неминуем. Ибо все видят, что новая такая же война неизбежна, если у власти останутся империалисты и буржуазия. Между Японией и Америкой вырастают новые споры и конфликты. Они подготовлены десятилетиями дипломатической истории обеих стран. Войны неизбежны на почве частной собственности. Война между Англией, которая награбила колоний, и Францией, которая считает себя обойденной, неизбежна. Никто не знает того, где и как она прорвется, но все видят и знают и говорят о том, что война неизбежна и готовится снова.

Это положение в XX веке в странах поголовной грамотности обеспечивает нам то, что о старом реформизме и анархизме не может быть речи. Они убиты войной. Говорить о том, чтобы реформами переделать капиталистическое общество, которое сотни миллиардов рублей отдало на войну, говорить о том, чтобы переделать это общество без революционной власти и насилий, без величайших потрясений,—так говорить нельзя. Тот, кто говорит и думает так, теряет всякое значение.

Коммунистический Интернационал силен тем, что опирается на уроки всемирной империалистической бойни. В каждой стране из опытов миллионов людей подтверждается правильность его позиции все больше и больше, и движение к Коммунистическому Интернационалу теперь в сто раз шире и глубже, чем было до сих пор. Оно дало в срок одного года полный крах II Интернационала.

Нет ни одной страны в мире—даже самой неразвитой, где бы все мыслящие рабочие не присоединялись к Коммунистическому Интернационалу, не примыкали к нему идейно. В этом полная гарантия того, что победа Коммунистического Интернационала во всем мире в срок, не чрезмерно далекий—эта победа обеспечена.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ

Для второго съезда Коммунистического Интернационала ⁵

Тов. Мархлевский в своей статье превосходно развил причины, почему Второй, ставший ныне желтым, Интернационал не мог не только определить тактики революционного пролетариата в аграрном вопросе, но даже не мог поставить этого вопроса как следует. Затем тов. Мархлевский дал теоретические основы коммунистической аграрной программы III Интернационала.

На этих основах может (и, мне кажется, должна) быть выработана общая резолюция предстоящего 15. VII. 1920 г. съезда Коминтерна по аграрному вопросу.

Нижеследующее является первоначальным наброском такой резолюции.

1. Только городской и промышленный пролетариат, руководимый коммунистической партией, может избавить трудящиеся массы деревни от гнета капитала и крупного помещичьего землевладения, от разрухи и от империалистских войн, неизбежных снова и снова при сохранении капиталистического строя. Трудящимся массам деревни нет спасения иначе, как в союзе с коммунистическим пролетариатом, в беззаветной поддержке его революционной борьбы за свержение ига помещиков (крупных землевладельцев) и буржуазии.

С другой стороны, промышленные рабочие не могут выполнить своей всемирно-исторической миссии освобождения человечества от гнета капитала и от войн, если эти рабочие будут замыкаться в узко-цеховые, узко-профессиональные интересы и самодовольно ограничиваться заботами, хлопотами об улучшении своего иногда сносно-мещанского положения.

Именно так бывает во многих передовых странах с «рабочей аристократией», которая является основой якобы социалистических партий II Интернационала, представляя на деле злейших врагов социализма, предателей его, мещанских шовинистов, агентов буржуазии внутри рабочего движения. Действительно революционным, действительно социалистически действующим

классом пролетариат является лишь при условии, что он выступает и поступает, как авангард всех трудящихся и эксплуатируемых, как вождь их в борьбе за свержение эксплуататоров, а это невыполнимо без внесения классовой борьбы в деревню, без объединения трудящихся масс деревни вокруг коммунистической партии городского пролетариата, без воспитания первых последним.

2. Трудящиеся и эксплуатируемые массы в деревне, которые должен повести на борьбу или во всяком случае привлечь на свою сторону городской пролетариат, представлены во всех капиталистических странах следующими классами:

Во-1-х, сельскохозяйственным пролетариатом, наемными рабочими (годовыми, сроковыми, поденными), снискивающими себе средства к жизни работой по найму в капиталистических сельскохозяйственных предприятиях. Самостоятельная, отдельная от других групп сельского населения, организация этого класса (и политическая, и военная, и профессиональная, и кооперативная, и культурно-просветительная и т. д.), усиленная пропаганда и агитация среди него, привлечение его на сторону Советской власти и диктатуры пролетариата является *основной* задачей коммунистических партий во всех странах.

Во-2-х, полупролетариями или парцелльными крестьянами, т.-е. теми, кто снискивает себе средства к жизни частью наемной работой в сельскохозяйственных и промышленных капиталистических предприятиях, частью—трудясь на собственном или арендуемом клочке земли, дающем лишь некоторую долю продуктов питания для его семьи. Эта группа сельского трудящегося населения весьма многочисленна во всех капиталистических странах, ее существование и ее особое положение затушевывают представители буржуазии и желтые, принадлежащие ко II Интернационалу, «социалисты», частью сознательно обманывая рабочих, частью поддаваясь слепо рутине обывательских воззрений и смешивая ее с общей массой «крестьянства» вообще. Такой прием буржуазного одурачивания рабочих наиболее замечается в Германии и во Франции, затем в Америке и других странах. При правильной постановке работы коммунистической партией, эта группа явится обеспеченной сторонницей ее, ибо положение таких полупролетариев очень тяжело, и выигрыш для них от Советской власти и от диктатуры пролетариата гигантский и немедленный.

Во-3-х, мелкое крестьянство, т.-е. мелкие земледельцы, владеющие, на праве собственности или аренды, такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей

силы. Этот слой, как слой, безусловно выигрывает от победы пролетариата, которая дает ему сразу и полностью: а) избавление от платежа арендной платы или польской доли урожая (напр., métayers, издольщики, во Франции, тоже в Италии и пр.) крупным землевладельцам; б) избавление от ипотечных долгов; в) избавление от многообразных форм гнета и зависимости от крупных землевладельцев (лесные угодья и пользование ими и т. п.); г) немедленную помощь в их хозяйстве со стороны пролетарской государственной власти (доступность пользования сельскохозяйственными орудиями и частью постройками на экспроприруемых пролетариатом крупных капиталистических хозяйствах, немедленное превращение государственной пролетарской властью сельских кооперативов и сельскохозяйственных товариществ из таких организаций, которые больше всего служили при капитализме богатым и средним крестьянам, в такие, которые будут оказывать помощь в первую голову бедноте, т. е. пролетариям, полупролетариям и мелким крестьянам и т. п.) и мн. др.

В то же время коммунистическая партия должна ясно сознать, что в переходный период от капитализма к коммунизму, т. е. во время диктатуры пролетариата, среди этого слоя неизбежны, по крайней мере отчасти, колебания в сторону ничем не ограниченной свободы торговли и свободы использования прав частной собственности, ибо этот слой, являясь уже (хотя и в небольшой мере) продавцом предметов потребления, развращен спекуляцией и собственническими привычками. Однако, при твердой пролетарской политике, при вполне решительной расправе победившего пролетариата с крупными землевладельцами и крупными крестьянами, колебания данного слоя не могут быть значительны и не способны изменить того факта, что в общем и целом он будет на стороне пролетарского переворота.

3. Взятые вместе, три указанные выше группы деревенского населения составляют во всех капиталистических странах большинство его. Поэтому успех пролетарского переворота не только в городах, но и в деревне обеспечен полностью. Обратное мнение является широко распространенным, но держится лишь, во-первых, систематическим обманом буржуазной науки и статистики, всеми средствами затушевывающими глубокую пропасть между указанными классами в деревне и эксплуататорами, помещиками и капиталистами, а равно между полупролетариями и мелкими крестьянами, с одной стороны, и крупными крестьянами, с другой; во-вторых, оно держится в силу неумения и нежелания героев желтого, Второго Интернационала и развращенной империалистскими привилегиями «рабочей аристократии» пере-

довых стран вести действительно пролетарски-революционную работу пропаганды, агитации, организации среди деревенской бедноты; все внимание оппортунистов обращалось и обращается на придумывание теоретического и практического соглашения с буржуазией, в том числе с крупным и средним крестьянством (о них смотри ниже), а не на революционное свержение пролетариатом буржуазного правительства и буржуазии; в-третьих, оно держится в силу упорного, обладающего уже прочностью предрассудка (связанного со всеми буржуазно-демократическими и парламентскими предрассудками), непонимания той истины, которая вполне доказана теоретическим марксизмом и вполне подтверждена опытом пролетарской революции в России, именно: что неслыханно забытое, раздробленное, придавленное, осужденное во всех, самых передовых, странах на полуварварские условия жизни, сельское население всех трех указанных выше категорий, будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, способно решительно поддержать революционный пролетариат лишь *после* завоевания им политической власти, лишь *после* решительной расправы его с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь *после того*, как эти задавленные люди увидят на практике, что у них есть организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания верного пути.

4. Под «средним крестьянством» в экономическом смысле следует понимать мелких земледельцев, которые владеют, на праве собственности или аренды, тоже небольшими участками земли, но все же такими, которые, во-1-х, дают при капитализме, по общему правилу, не только скудное содержание семьи хозяйства, но и возможность получать известный излишек, способный, по крайней мере в лучшие годы, превращаться в капитал, и которые, во-2-х, прибегают довольно часто (например, в одном хозяйстве из двух или из трех) к найму чужой рабочей силы. Конкретным примером среднего крестьянства в передовой капиталистической стране может служить в Германии, по переписи 1907 года, группа с хозяйством от 5 до 10 гектаров, в которой число нанятых сельскохозяйственных наемных рабочих составляет около трети всего числа хозяйств этой группы*. Во Фран-

* Вот точные цифры: число хозяйств с 5—10 гект.—652.798 (из 5.736.082); у них наемных рабочих всякого рода 487.704 при 2.003.633 семейных рабочих (Familienangehörige). В Австрии по переписи 1902 г. (в печатном тексте: «1910 г.». *Ред.*) в этой группе было 383.331 хозяйство, из них 126.136 с употреблением наемного труда; наемных рабочих 146.044, семейных—1.265.969. Все число хозяйств в Австрии 2.856.349.

ции, где более развиты специальные культуры, например, виноградарство, требующее особенно большого приложения труда к земле, соответствующая группа, вероятно, еще несколько в более широких размерах пользуется чужой наемной рабочей силой.

Революционный пролетариат не может ставить своей задачей,—по крайней мере для ближайшего будущего и для начала периода диктатуры пролетариата,—привлечь этот слой на свою сторону, а должен ограничиться задачей нейтрализовать его, т.-е. сделать нейтральным в борьбе между пролетариатом и буржуазией. Колебания этого слоя между той и другой силой неизбежны, и в начале новой эпохи преобладающая его тенденция, в развитых капиталистических странах, будет за буржуазию. Ибо миросозерцание и настроения собственников здесь преобладают; заинтересованность в спекуляции, в «свободе» торговли и собственности непосредственная; антагонизм к наемным рабочим прямой. Победивший пролетариат даст ему непосредственное улучшение его положения, уничтожая арендную плату и ипотеки. Немедленную полную отмену частной собственности пролетарская власть в большинстве капиталистических государств отнюдь не должна производить, и во всяком случае она гарантирует и мелкому и среднему крестьянству не только сохранение за ними их земельных участков, но и увеличение их до размеров всей обычно арендуемой ими площади (отмена арендной платы).

Соединение мер этого рода с беспощадной борьбой против буржуазии вполне гарантирует успех политики нейтрализации. Переход к коллективному земледелию пролетарская государственная власть должна осуществлять лишь с громадной осторожностью и постепенностью, силой примера, без всякого насилия над средним крестьянством.

5. Крупным крестьянством («Grossbauern») являются капиталистические предприниматели в земледелии, хозяйничающие по общему правилу с несколькими наемными рабочими, связанные с «крестьянством» лишь невысоким культурным уровнем, обиходом жизни, личной физической работой в своем хозяйстве. Это—самый многочисленный из буржуазных слоев, являющихся прямыми и решительными врагами революционного пролетариата. На борьбу с этим слоем, на освобождение трудящегося и эксплуатируемого большинства сельского населения из-под идейного и политического влияния этих эксплуататоров и т. п. должно быть обращено главное внимание во всей работе коммунистических партий в деревне.

После победы пролетариата в городах совершенно неизбежны

со стороны этого слоя всевозможные проявления сопротивления, саботажа и прямые вооруженные выступления контр-революционного характера. Поэтому революционный пролетариат немедленно должен начать идейную и организационную подготовку необходимых сил для того, чтобы поголовно разоружить этот слой и, наряду со свержением капиталистов в промышленности, нанести ему при первом же проявлении сопротивления самый решительный, беспощадный, уничтожающий удар, вооружая для этого сельский пролетариат и организуя в деревне Советы, в коих эксплуататорам не может быть места, а преобладание должно быть обеспечено за пролетариями и полупролетариями.

Однако, экспроприация даже крупных крестьян никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата, ибо для обобществления таковых хозяйств нет еще налицо материальных, в частности технических, а затем и социальных условий. В отдельных, вероятно исключительных, случаях будут конфискованы те части их земельных участков, которые сдаются в мелкую аренду или являются особо необходимыми для окружающего мелкокрестьянского населения; этому последнему следует также гарантировать бесплатное пользование, на известных условиях, частью сельскохозяйственных машин крупного крестьянина и т. п. По общему же правилу пролетарская государственная власть должна сохранить за крупными крестьянами их земли, конфискуя их лишь в случае сопротивления власти трудящихся и эксплуатируемых. Опыт российской пролетарской революции, в которой борьба против крупного крестьянства усложнилась и затянулась в силу ряда особых условий, показал все же, что, получив хороший урок за малейшие попытки сопротивления, этот слой способен лояльно выполнять задания пролетарского государства и начинает даже проникаться, хотя и с чрезвычайной медленностью, уважением к власти, защищающей всякого труженика и беспощадной к тунеядцам-богачам.

Особые условия, усложнившие и замедлившие борьбу победившего буржуазно-пролетариата с крупным крестьянством в России, сводится главным образом к тому, что русская революция после переворота 25. X (7. XI) 1917 г. проходила через стадию «обще-демократической», т.-е. в основе своей буржуазно-демократической, борьбы всего крестьянства в целом против помещиков; затем—к культурной и численной слабости городского пролетариата; наконец, к громадным расстояниям и крайне плохим путям сообщения. Поскольку в передовых странах нет этих задерживающих условий, постольку революционный пролетариат Европы и Америки должен энергичнее подготовить

и гораздо быстрее, гораздо решительнее, гораздо успешнее завершить полную победу над сопротивлением крупного крестьянства, полное отнятие у него малейшей возможности сопротивляться. Это настоятельно необходимо, ибо до такой полной и полнейшей победы массы деревенских пролетариев, полупролетариев и мелких крестьян не в состоянии признать вполне устойчивую пролетарскую государственную власть.

6. Немедленной и безусловной конфискации должен революционный пролетариат подвергнуть все земли помещиков, крупных землевладельцев, т.е. тех лиц, которые в капиталистических странах прибегают, непосредственно или через своих фермеров, к систематической эксплуатации наемной рабочей силы и окрестного мелкого (частью нередко и среднего) крестьянства, не принимают никакого участия в физическом труде, принадлежат большей частью к потомкам феодалов (дворяне в России, Германии, Венгрии, реставрированные сеньоры во Франции, лорды в Англии, бывшие рабовладельцы в Америке) или к особо разбогатевшим финансовым магнатам, или к помеси обеих этих категорий эксплуататоров и туенядцев.

Никоим образом не допустима, в рядах коммунистических партий, пропаганда или проведение вознаграждения крупных землевладельцев за экспроприруемые у них земли, ибо в современных условиях Европы и Америки это означало бы измену социализму и возложение новой дани на трудящиеся и эксплуатируемые массы, пострадавшие больше всего от войны, которая умножила число миллионеров и обогатила их.

Что касается до вопроса о способе хозяйства на земле, конфискованной победоносным пролетариатом у крупных землевладельцев, то в России, в силу ее экономической отсталости, преобладал раздел этих земель в пользование крестьянства и лишь сравнительно редким исключением было сохранение т.-наз. «советских хозяйств», которые ведет за свой счет пролетарское государство, превращая бывших наемных рабочих в работающих по поручению государства и в членов Советов, управляющих государством. Для передовых капиталистических стран Коммунистический Интернационал признает правильным *преимущественное* сохранение крупных сельскохозяйственных предприятий и ведение их по типу «советских хозяйств» в России.

Было бы однако величайшей ошибкой преувеличить или шаблонизировать это правило и никогда не допускать даровой передачи части земель экспроприированных экспроприаторов окрестному мелкому, а иногда и среднему крестьянству.

Во-1-х, обычное возражение против этого, состоящее в указании на техническое превосходство крупного земледелия, не-

редко сводится к подмене бесспорной теоретической истины злейшим оппортунизмом и предательством революции. Ради успеха этой революции пролетариат не вправе останавливаться перед временным понижением производства, как не остановились буржуазные враги рабовладения в Сев. Америке перед временным понижением хлопкового производства вследствие гражданской войны 1863—1865 г.г. Для буржуа важно производство ради производства, для трудящегося и эксплуатируемого населения важнее всего свержение эксплуататоров и обеспечение условий, позволяющих труженикам работать на себя, а не на капиталиста. Обеспечение пролетарской победы и ее устойчивости есть первая и основная задача пролетариата. А устойчивости пролетарской власти быть не может без нейтрализации среднего крестьянства и обеспечения поддержки весьма значительной доли, если не всего, мелкого крестьянства.

Во-2-х, не только повышение, но даже сохранение крупного производства в земледелии предполагает вполне развитого, революционно сознательного, прошедшего солидную профессионально- и политически-организационную школу сельского пролетария. Где еще нет этого условия или где нет возможности целесообразно поручить дело сознательным и компетентным рабочим, там попытки скороспелого перехода к государственному ведению крупных хозяйств могут лишь скомпрометировать пролетарскую власть, там обязательна сугубая осторожность и солиднейшая подготовка при создании «советских хозяйств».

В-3-х, во всех капиталистических странах, даже наиболее передовых, сохранились еще остатки средневековой, полубарщинной эксплуатации окрестных мелких крестьян крупными землевладельцами, напр. *Instleute** в Германии, *métayers*** во Франции, издольщики-арендаторы в Соед. Штатах (не только негры, кои в большинстве случаев эксплуатируются на юге С. Штатов именно таким образом, но иногда и белые). В подобных случаях обязательна со стороны пролетарского государства передача арендуемых мелкими крестьянами земель в бесплатное пользование бывшим арендаторам, ибо нет другой экономической и технической основы и нельзя ее создать сразу.

Инвентарь крупных хозяйств должен быть обязательно конфискован и превращен в общегосударственную собственность, с тем неременным условием, чтобы *после* обеспечения этим инвентарем крупных государственных хозяйств окрестные мелкие

* — арендаторы, съемщики. *Ред.*

** — арендаторы-испольщники. *Ред.*

крестьяне могли пользоваться им бесплатно, с соблюдением выработанных пролетарским государством условий.

Если в первое время после пролетарского переворота является безусловно необходимой не только немедленная конфискация имений крупных землевладельцев, но и поголовное изгнание их или интернирование, как вождей контр-революции и беспощадных угнетателей всего сельского населения, то, по мере упрочения, не только в городе, но и в деревне, пролетарской власти, обязательно систематически стремиться к тому, чтобы имеющиеся в этом классе силы, обладающие ценным опытом, знаниями, организаторскими способностями, были использованы (под особым контролем надежнейших коммунистов-рабочих) для создания крупного социалистического земледелия.

7. Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченными лишь тогда, когда пролетарская государственная власть, окончательно подавив всякое сопротивление эксплуататоров и обеспечив себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы. Только это даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распыленной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному, коллективному, машинному земледелию. Эта бесспорная теоретическая истина, номинально признаваемая всеми социалистами, на деле извращается оппортунизмом, господствующим и в желтом, Втором Интернационале и среди вождей немецких и английских «независимцев», а равно французских лонгетистов и т. д. Извращение состоит в том, что внимание переносится на сравнительно далекое, прекрасное и розовое будущее, внимание отвлекается от ближайших задач трудного конкретного перехода и подхода к этому будущему. На практике это сводится к проповеди соглашательства с буржуазией и «социального мира», т. е. к полной измене пролетариату, который борется теперь в условиях неслыханного разорения и обнищания, всюду созданных войной, в условиях неслыханного обогащения и обнагления кучки миллионеров именно благодаря войне.

Именно в деревне действительная возможность успешной борьбы за социализм требует, во-1-х, чтобы все коммунистические партии воспитывали в промышленном пролетариате со-

знание необходимости жертв с его стороны и готовность идти на жертвы ради свержения буржуазии и упрочения пролетарской власти, ибо диктатура пролетариата означает как уменьше пролетариата организовать и повести за собой все трудящиеся и эксплуатируемые массы, так и уменьше авангарда идти для этой цели на максимальные жертвы и героизм; во-2-х, для успеха требуется, чтобы трудящаяся и наиболее эксплуатируемая масса в деревне получила от победы рабочих немедленное и крупное улучшение своего положения насчет эксплуататоров, ибо без этого поддержка деревни не обеспечена за промышленным пролетариатом, в частности, он не сможет иначе обеспечить снабжение городов продовольствием.

8. Громадная трудность организации и воспитания к революционной борьбе сельскохозяйственных трудящихся масс, поставленных капитализмом в условия особой забитости, распыленности, часто полусредневековой зависимости,—требует от коммунистических партий особого внимания к стачечной борьбе в деревне, усиленной поддержки и всестороннего развития массовых стачек сельскохозяйственных пролетариев и полупролетариев. Опыт русских революций 1905 и 1917 годов, подтвержденный и расширенный теперь опытом Германии и других передовых стран, показывает, что только развивающаяся массовая стачечная борьба (в которую, при известных условиях, могут и должны быть втягиваемы в деревне и мелкие крестьяне) способна разбить деревенскую спячку, пробудить классовое сознание и сознание необходимости классовой организации у эксплуатируемых масс в деревне, обнаружить перед ними наглядно и практически значение их союза с городскими рабочими.

Съезд Коммунистического Интернационала клеймит, как предателей и изменников, тех социалистов,—имеющихся, к сожалению, не только в желтом, Втором Интернационале, но и среди вышедших из этого Интернационала трех особенно важных в Европе партий,—которые способны не только равнодушно относиться к стачечной борьбе в деревне, но и выступать против нее (подобно К. Каутскому) с точки зрения опасности уменьшения производства продуктов потребления. Никакие программы и торжественнейшие заявления не имеют никакой цены, если нет на практике, делами доказанного факта, что коммунисты и рабочие вожди умеют ставить выше всего на свете развитие революции пролетариата и победу ее, умеют идти на самые тяжелые жертвы ради нее, ибо иначе нет выхода и спасения от голода, разрухи и новых империалистских войн.

В частности необходимо указать, что вожди старого социа-

лизма и представители «рабочей аристократии», которые теперь часто делают словесные уступки коммунизму или даже переходят номинально на его сторону ради сохранения своего престижа среди быстро революционизирующихся рабочих масс, должны быть испытываемы в своей преданности делу пролетариата и способности занимать ответственные должности именно на такой работе, где развитие революционного сознания и революционной борьбы идет всего резче, где сопротивление землевладельцев и буржуазии (крупных крестьян, кулаков) всего более ожесточенно, где различие между социалистом-соглашателем и коммунистом-революционером проявляется всего нагляднее.

9. Коммунистические партии должны приложить все усилия, чтобы возможно скорее перейти к основанию в деревнях Советов депутатов, в первую голову—от наемных рабочих и полупролетариев. Только будучи связаны с массовой стачечной борьбой и с наиболее угнетенным классом, Советы в состоянии выполнить свое назначение и упрочиться настолько, чтобы подчинить своему влиянию (а затем включить в свой состав) мелких крестьян. Если же стачечная борьба еще не развита и способность к организации сельскохозяйственного пролетариата слаба, как в силу тяжести гнета землевладельцев и крупных крестьян, так и в силу отсутствия поддержки со стороны промышленных рабочих и их союзов, то образование совдепов в деревне требует длительной подготовки посредством создания хотя бы небольших коммунистических ячеек, усиленной агитации, излагающей требования коммунизма наиболее популярно, разъясняющей их на примере выдающихся проявлений эксплуатации и гнета, устройства систематических поездов промышленных рабочих в деревню и т. п.

Написано в начале июня 1920 г.

Соч., т. XXV, стр. 266—278.

УСЛОВИЯ ПРИЕМА В КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Первый учредительный съезд Коммунистического Интернационала не выработал точных условий приема отдельных партий в III Интернационал. К моменту созыва первого съезда в большинстве стран существовали только коммунистические *направления и группы*.

При других условиях собирается II всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Ныне в большинстве стран существуют уже не только коммунистические течения и направления, но коммунистические *партии и организации*.

В Коммунистический Интернационал все чаще и чаще обращаются теперь партии и группы, недавно еще принадлежавшие ко II Интернационалу, желающие теперь войти в III Интернационал, но не ставшие на деле коммунистическими. II Интернационал окончательно разбит. Промежуточные партии и группы «центра», видя полную безнадежность II Интернационала, пытаются прислониться ко все более крепнущему Коммунистическому Интернационалу, надеясь при этом, однако, сохранить такую «автономию», которая давала бы им возможность проводить прежнюю оппортунистическую или «централистскую» политику. Коммунистический Интернационал становится до известной степени модой.

Желание некоторых руководящих групп «центра» войти теперь в III Интернационал является косвенным подтверждением того, что Коммунистический Интернационал завоевал симпатии громадного большинства сознательных рабочих всего мира и с каждым днем становится все большей силой.

При известных обстоятельствах Коммунистическому Интернационалу может угрожать опасность разжижения его шаткими и половинчатыми группами, не разделавшимися еще с идеологией II Интернационала.

Кроме того, в некоторых крупных партиях (Италия, Швеция), большинство которых стоит на точке зрения коммунизма, до

сих пор остается значительное реформистское и социал-пацифистское крыло, которое только ожидает момента, чтобы вновь поднять голову, начать активный саботаж пролетарской революции и тем помочь буржуазии и II Интернационалу.

Ни один коммунист не должен забывать уроков Венгерской Советской республики. Объединение венгерских коммунистов с реформистами дорого стоило венгерскому пролетариату.

В виду этого, II всемирный конгресс считает нужным установить совершенно точные условия приема новых партий, а также указать тем партиям, которые уже приняты в Коммунистический Интернационал, те обязательства, которые лежат на них.

II конгресс Коммунистического Интернационала постановляет: условия принадлежности к Коминтерну следующие:

* * *

1. Повседневная пропаганда и агитация должны носить действительно коммунистический характер. Все органы печати, находящиеся в руках партии, должны редактироваться надежными коммунистами, доказавшими свою преданность делу пролетарской революции. О диктатуре пролетариата следует говорить не просто, как о ходячей заученной формуле, ее нужно пропагандировать так, чтобы необходимость ее для каждого рядового рабочего, работницы, солдата, крестьянина вытекала из жизненных фактов, систематически отмечаемых нашей печатью изо дня в день. На страницах газет, в народных собраниях, в профессиональном союзе, в кооперативе—всюду, куда получат доступ сторонники III Интернационала, необходимо систематически и беспощадно клеймить не только буржуазию, но и ее помощников, реформистов всех оттенков.

2. Каждая организация, желающая принадлежать к Коминтерну, обязана планомерно и систематически удалять со сколько-нибудь ответственных постов в рабочем движении (партийная организация, редакция, профсоюз, парламентская фракция, кооператив, муниципалитет и т. п.) реформистов и сторонников «центра» и ставить вместо них надежных коммунистов—не смущаясь тем, что иногда придется в начале заменять «опытных» деятелей рядовыми рабочими.

3. Во всех тех странах, где коммунисты, вследствие осадного положения или исключительных законов, не имеют возможности вести всю свою работу легально, безусловно необходимо сочетание легальной и нелегальной работы. Классовая борьба почти во всех странах Европы и Америки входит в полосу гражданской

войны. При таких условиях коммунисты не могут питать доверия к буржуазной законности. Они обязаны *повсюду* создавать параллельный нелегальный аппарат, который в решающую минуту мог бы помочь партии исполнить свой долг перед революцией.

4. Необходима настойчивая систематическая пропаганда и агитация в войсках и образование коммунистических ячеек в каждой военной части. Эту работу коммунистам придется вести большей частью нелегально, но отказ от такой работы был бы равносителен измене революционному долгу и несовместим с принадлежностью к III Интернационалу.

5. Необходима систематическая и планомерная агитация в деревне. Рабочий класс не может закрепить свою победу, не имея за собою хотя бы части сельских батраков и беднейших крестьян и не нейтрализовавши своей политикой часть остальной деревни. Коммунистическая работа в деревне приобретает в настоящую эпоху первостепенное значение. Вести ее необходимо, главным образом, через революционных *рабочих*-коммунистов, имеющих связи с деревней. Отказ от этой работы или передача ее в ненадежные полуреформистские руки равносильна отказу от пролетарской революции.

6. Каждая партия, желающая принадлежать к III Интернационалу, обязана разоблачать не только откровенный социал-патриотизм, но и фальшь и лицемерие социал-пацифизма: систематически доказывать рабочим, что без революционного низвержения капитализма никакие международные третейские суды, никакие разговоры об уменьшении вооружений, никакая «демократическая» реорганизация Лиги народов не спасут человечество от новых империалистских войн.

7. Партии, желающие принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, обязаны признать необходимость полного и абсолютного разрыва с реформизмом и с политикой «центра» и пропагандировать этот разрыв в самых широких кругах членов партии. Без этого невозможна последовательная коммунистическая политика.

Коммунистический Интернационал безусловно и ультимативно требует осуществить этот разрыв в кратчайший срок. Коммунистический Интернационал не может мириться с тем, чтобы заведомые реформисты, как, напр., Турати, Модильяни и др., имели право считаться членами III Интернационала. Такой порядок приводил бы к тому, что III Интернационал в сильной степени уподобился бы погибшему II Интернационалу.

8. В вопросе о колониях и об угнетенных национальностях необходима особо четкая и ясная линия партий тех стран, чья

буржуазия такими колониями владеет и другие нации угнетает. Каждая партия, желающая принадлежать к III Интернационалу, обязана беспощадно разоблачать проделки «своих» империалистов в колониях, поддерживать не на словах, а на деле всякое освободительное движение в колониях, требовать изгнания своих отечественных империалистов из этих колоний, воспитывать в сердцах рабочих своей страны истинно братское отношение к трудящемуся населению колоний и угнетенных национальностей и вести систематическую агитацию в своих войсках против всякого угнетения колониальных народов.

9. Каждая партия, желающая принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, обязана вести систематически и настойчиво коммунистическую работу внутри профессиональных союзов, кооперативов и других массовых рабочих организаций. Внутри этих союзов необходимо образовывать коммунистические ячейки, которые длительной и упорной работой должны завоевывать профессиональные союзы для дела коммунизма. Эти ячейки обязаны на каждом шагу повседневной работы разоблачать предательство социал-патриотов и колебания «центра». Эти коммунистические ячейки должны быть целиком подчинены партии в целом.

10. Партия, принадлежащая к Коммунистическому Интернационалу, обязана вести упорную борьбу против Амстердамского «Интернационала» желтых профессиональных союзов. Она должна настойчиво пропагандировать среди профессионально-организованных рабочих необходимость разрыва с желтым Амстердамским Интернационалом. Она должна всеми средствами поддержать зарождающееся международное объединение красных профессиональных союзов, примыкающих к Коммунистическому Интернационалу.

11. Партии, желающие принадлежать к III Интернационалу, обязаны пересмотреть личный состав своих парламентских фракций, удалить из них ненадежные элементы, подчинить эти фракции не на словах, а на деле Центральным Комитетам партий, требовать от каждого пролетария-коммуниста подчинения всей своей работы интересам действительно революционной пропаганды и агитации.

12. Точно так же периодическая и непериодическая печать и все издательства должны быть целиком подчинены Центральному Комитету партии, независимо от того, является ли партия в целом в данный момент легальной или нелегальной; недопустимо, чтобы издательства, злоупотребляя автономией, вели политику не вполне партийную.

13. Партии, принадлежащие к Коммунистическому Интерна-

ционалу, должны быть построены по принципу демократического централизма. В нынешнюю эпоху обостренной гражданской войны коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной, и если ее партийный центр будет являться властным авторитетным органом с широкими полномочиями, пользующимся всеобщим доверием членов партии.

14. Коммунистические партии тех стран, где коммунисты ведут свою работу легально, должны производить периодические чистки (перерегистрация) личного состава партийных организаций, дабы систематически очищать партию от неизбежно примазывающихся к ней мелкобуржуазных элементов.

15. Каждая партия, желающая принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, обязана оказывать беззаветную поддержку каждой Советской республике в ее борьбе против контрреволюционных сил. Коммунистические партии должны вести неуклонную пропаганду за отказ рабочих перевозить предметы военного снаряжения, адресуемые врагам Советских республик вести легально или нелегально пропаганду среди войск, посылаемых для удушения рабочих республик, и т. п.

16. Партии, которые до сих пор еще остаются при старых социал-демократических программах, обязаны в возможно кратчайший срок пересмотреть эти программы и выработать применительно к особым условиям своей страны новую коммунистическую программу в духе постановлений Коммунистического Интернационала. По правилу, программы каждой партии, принадлежащей к Коммунистическому Интернационалу, должны утверждаться очередным конгрессом Коммунистического Интернационала или его Исполнительным Комитетом. В случае неутверждения Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала программы той или другой партии, данная партия имеет право апеллировать к конгрессу Коммунистического Интернационала.

17. Все постановления съездов Коммунистического Интернационала, как и постановления его Исполнительного Комитета, обязательны для всех партий, входящих в Коммунистический Интернационал. Коммунистический Интернационал, действующий в обстановке обостренной гражданской войны, должен быть построен гораздо более централизованно, чем это было в II Интернационале. При этом Коммунистический Интернационал и его Исполнительный Комитет во всей своей работе, разумеется, обязаны считаться со всем многообразием условий, при которых

приходится бороться и действовать различным партиям, и выносить общеобязательные решения лишь по таким вопросам, по которым такие решения возможны.

18. В связи со всем этим все партии, желающие входить в Коммунистический Интернационал, должны изменить свое название. Каждая партия, желающая входить в Коммунистический Интернационал, должна носить название: *коммунистическая* партия такой-то страны (секция III Коммунистического Интернационала). Вопрос о названии является не только формальным, но и большой важности политическим вопросом. Коммунистический Интернационал объявил решительную борьбу всему буржуазному миру и всем желтым социал-демократическим партиям. Необходимо, чтобы каждому рядовому труженику была совершенно ясна разница между коммунистическими партиями и старыми официальными «социал-демократическими» или «социалистическими» партиями, которые предали знамя рабочего класса.

19. После окончания работ второго Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, все те партии, которые хотят принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, должны в кратчайший срок созвать экстренный съезд своей партии, чтобы на нем официально подтвердить от имени всей партии изложенные выше обязательства.

Напечатано 20 июля 1920 г. в журнале
«Коммунистический Интернационал» № 12.

Соч., т. XXV, стр. 279—284.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ
ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ

Для второго съезда Коммунистического Интернационала.

Предлагая на обсуждение товарищей нижеследующий проект тезисов по колониальному и национальному вопросам для 2-го съезда Коминтерна, я просил бы всех товарищей, в частности же товарищей, осведомленных конкретно по тому или иному из этих сложнейших вопросов, дать свой отзыв или исправление или дополнение или конкретное пояснение в самой краткой (не более 2-х страничек) форме, в особенности по следующим пунктам:

Австрийский опыт.

Польско-еврейский и украинский опыт.

Эльзас-Лотарингия и Бельгия.

Ирландия.

Датско-германские отношения. Итало-французские и итало-славянские.

Балканский опыт.

Восточные народы.

Борьба с пан-исламизмом.

Отношения на Кавказе.

Башкирская и Татарская республики.

Киргизистан.

Туркестан, его опыт.

Негры в Америке.

Колонии.

Китай—Корея—Япония.

Н. ЛЕНИН.

5-го июня 1920 г.

1. Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демокра-

тия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплуататора и эксплуатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов.

2. Сообразно основной своей задаче борьбы против буржуазной демократии и разоблачения лжи и лицемерия ее, коммунистическая партия, как сознательная выразительница борьбы пролетариата за свержение ига буржуазии, должна и в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых, из общего понятия народных интересов вообще, означающего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран.

3. Империалистская война 1914—1918 г.г. с особенной ясностью вскрыла перед всеми нациями и перед угнетенными классами всего мира лживость буржуазно-демократических фраз, показав на деле, что Версальский договор пресловутых «западных демократий» есть еще более зверское и подлое насилие над слабыми нациями, чем Брест-литовский договор германских юнкеров и кайзера. Лига наций и вся послевоенная политика Антанты еще более ясно и резко вскрывает эту правду, усиливая повсюду революционную борьбу как пролетариата передовых стран, так и всех трудящихся масс колониальных и зависимых стран, ускоряя крах мещански-национальных иллюзий насчет возможности мирного сожительства и равенства наций при капитализме.

4. Из вышеизложенных основных положений вытекает, что во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросу должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и

буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия.

5. Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе Советской власти над всемирным империализмом.

6. Следовательно, нельзя ограничиваться в настоящее время голым признанием или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения рабочих и крестьян в отсталых странах или среди отсталых национальностей.

7. Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций. Федерация уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях Р.С.Ф.С.Р. к другим советским республикам (венгерской, финской, латвийской в прошлом, азербайджанской, украинской в настоящем), так и внутри Р.С.Ф.С.Р. по отношению к национальностям, не имевшим раньше ни государственного существования, ни автономии (напр., Башкирская и Татарская автономные республики в Р.С.Ф.С.Р., созданные в 1919 и 1920 годах) *.

8. Задача Коминтерна состоит в этом отношении как в дальнейшем развитии, так и в изучении и проверке опытом этих новых, на базе советского строя и советского движения возникающих, федераций. Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тес-

---

* На корректурном оттиске имеется следующее добавление В. И. Ленина: «7. + Конфедерация? (Сталин)». *Ред.*

ного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме.

9. В области внутри-государственных отношений национальная политика Коминтерна не может ограничиться тем голым, формальным, чисто декларативным и практически ни к чему не обязывающим признанием равноправия наций, которым ограничиваются буржуазные демократы—все равно, признающие ли себя откровенно таковыми, или прикрывающиеся названием социалистов, каковы социалисты II Интернационала*.

Не только во всей пропаганде и агитации коммунистических партий—и с парламентской трибуны и вне ее—должны быть неуклонно разоблачаемы постоянные нарушения равноправия наций и гарантий прав национальных меньшинств во всех капиталистических государствах, вопреки их «демократическим» конституциям, но необходимо также, во-первых, постоянное разъяснение, что только советский строй в состоянии дать на деле равноправие наций, объединяя сначала пролетариев, затем всю массу трудящихся в борьбе с буржуазией; во-вторых, необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (напр., в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях.

Без этого последнего, особенно важного, условия борьба против угнетения зависимых наций и колоний, а равно признание их права на государственное отделение остаются лживой вывеской, как это мы видим у партий II Интернационала.

10. Признание интернационализма на словах и подмена его на деле, во всей пропаганде, агитации и практической работе, мещанским национализмом и пацифизмом составляет самое обычное явление не только среди партий II Интернационала, но и тех, кои вышли из этого Интернационала, и даже нередко среди тех, кои называют себя теперь коммунистическими. Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелкобуржуазными-национальными предрассудками, тем более выдвигается на первый

---

* На корректурном оттиске имеется следующее добавление В. И. Ленина: «9. + Значение диктатуры пролетариата в устранении национальной грядни (Рафес)». *Ред.*

план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т.е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т.е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику). Мелкобуржуазный национализм объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя (не говоря уже о чисто словесном характере такого признания) неприкосновенным национальный эгоизм, между тем как пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала.

Таким образом, в государствах, уже вполне капиталистических, имеющих рабочие партии, действительно являющиеся авангардом пролетариата, борьба с оппортунистическими и мещански-пацифистскими извращениями понятия и политики интернационализма является первой и важнейшей задачей.

11. По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо в особенности иметь в виду:

во-1-х, необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению в этих странах; в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношениях;

во-2-х, необходимость борьбы с духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами, имеющими влияние в отсталых странах;

во-3-х, необходимость борьбы с пан-исламизмом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п. *;

во-4-х, необходимость поддерживать специально крестьянское движение в отсталых странах против помещиков, против крупного землевладения, против всяких проявлений или остатков феодализма, и стараться придать крестьянскому движению наибо-

---

* На корректурном оттиске имеется пометка В. И. Ленина: «2 и 3 соединить». *Ред.*

лее революционный характер, осуществляя возможно более тесный союз западно-европейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на востоке, в колониях, в отсталых странах вообще*;

в-5-х, необходимость решительной борьбы с перекрашиванием буржуазно-демократических освободительных течений в отсталых странах в цвет коммунизма; Коммунистический Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократические национальные движения в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации; Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме;

в-6-х, необходимость неуклонного разъяснения и разоблачения между самыми широкими трудящимися массами всех, особенно же отсталых стран, того обмана, который систематически проводят империалистские державы, под видом создания политически независимых государств создающие вполне зависимые от них в экономическом, финансовом, военном отношениях государства; в современной международной обстановке кроме союза советских республик нет спасения зависимым и слабым нациям.

12. Вековое угнетение колониальных и слабых народностей империалистскими державами оставило в трудящихся массах угнетенных стран не только озлобление, но и недоверие к угнетающим нациям вообще, в том числе и к пролетариату этих наций. Подлое предательство социализма большинством официальных вождей этого пролетариата в 1914—19 годах, когда «защитой отечества» социал-шовинистски прикрывалась защита «права» «своей» буржуазии на угнетение колоний и ограбление финансово-зависимых стран, не могло не усилить этого, вполне законного, недоверия. С другой стороны, чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелко-

---

* На корректурном оттиске имеется следующее добавление В. И. Ленина: «4. + в особенности необходимо направить все усилия, чтобы приложить основные начала советского строя к странам с господством докапиталистических отношений, путем создания «Советов трудящихся» и т. п.». *Ред.*

буржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности. Так как эти предрассудки могут исчезнуть лишь после исчезновения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран, то вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным. Отсюда обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков. Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира, дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено.

Написано 5 июня 1920 г.

Соч., т. XXV, стр. 285—290.

ТЕЗИСЫ ОТВЕТА ГЕРМАНСКИМ «НЕЗАВИСИМЫМ» НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ

Дождавшись *официального* предложения независимцев (немецких) о переговорах, мы теперь, как партия, должны ответить им вполне откровенно, без той «дипломатии», которая до известной степени обязательна для Коммунистического Интернационала.

И ответить надо так, чтобы разъяснить дело массам рабочих, сочувствующих диктатуре пролетариата и советской системе,— рабочих, коих не только в Германии, но и во Франции и в Англии и еще в ряде стран *обманывают* (сознательно и бессознательно, т. е. в силу самообмана) вожди, только на словах лишь подписывающиеся под этими популярными среди рабочих лозунгами (диктатура пролетариата и Советская власть), на деле же ведущие работу, пропаганду, агитацию и пр., по-старому, не в духе этих лозунгов, в духе, противоречащем этим лозунгам.

Нижеследующее—черновой набросок тезисов такого ответа (от Р. К. П. немецкой Независимой социал-демократической партии):

(Порядок пунктов *тоже* должен быть еще переделан.)

1. Диктатура пролетариата означает уменье, готовность, решимость привлечь на свою сторону (на сторону революционного авангарда пролетариата) всю массу трудящихся и эксплуатируемых мерами революционными, ценой экспроприации эксплуататоров.

Этого в повседневной агитации немецких независимцев (в «Фрейхейт»*, напр.) нет. Нет этого и у лонгетистов...

2. В частности, особенно необходима такая агитация для деревенских пролетариев и полупролетариев, а равно мелких крестьян (крестьян, не употребляющих наемного труда даже в горячее время жатвы и т. п., крестьян, мало продающих хлеба или не продающих его).

---

* — «Свобода». *Ред.*

Этим слоям населения надо ежедневно, архипросто, популярно объяснять конкретнейшим образом, что пролетариат, овладев государственной властью, *даст* им, *на счет экспропрированных помещиков*, немедленное улучшение их положения. Даст им избавление от гнета крупных землевладельцев, даст им, как целому, крупные имения, избавление от долгов и так далее и тому подобное. То же и городской непролетарской или не вполне пролетарской трудящейся массе.

Такой агитации немецкие независимцы (как и лонгетисты) не ведут.

3. Советская система есть разрушение той буржуазной лжи, которая называет «свободой печати» свободу подкупа печати, свободу покупки газет богачами, капиталистами, свободу для капиталистов скупать сотни газет и тем подделять так называемое «общественное мнение».

Этой истины немецкие независимцы (говоря о них, *всегда* будем разумеать и лонгетистов, и английских независимцев, и так далее и тому подобное) не сознают, не проводят ее, не агитируют ежедневно за уничтожение революционным путем того порабощения прессы капиталом, которое ложная, т.е. буржуазная, демократия ложно называет свободой печати.

Не ведя такой агитации, независимцы лишь на словах признают (*Lippenbekenntniss*) Советскую власть, а на деле остаются всецело подавленными предрассудком буржуазной демократии.

Экспроприации типографий и складов, запасов бумаги, этого *главного* разъяснить не умеют, ибо сами не понимают.

4. То же относится к свободе собраний (это—ложь, пока богачи владеют лучшими зданиями или покупают общественные здания), к «вооружению *народа*», к свободе совести (=свободе для капитала покупать и подкупать целые церковные организации для одурманивания масс религиозным опиумом) и ко всем прочим буржуазно-демократическим свободам.

5. Диктатура пролетариата означает свержение буржуазии *одним* классом, пролетариатом, и притом именно его революционным авангардом. Требовать, чтобы *предварительно* этот авангард приобрел себе *большинство народа* путем голосования в буржуазные парламенты, буржуазные учредилки и прочее, то есть путем голосования *при существовании наемного рабства*, при существовании эксплуататоров, под их гнетом, при существовании частной собственности на средства производства, требовать этого или предполагать это—значит, на деле совершенно покидать точку зрения диктатуры пролетариата и переходить фактически на точку зрения буржуазной демократии.

Именно так поступают немецкие независимцы и французские

лонгетисты. Повторяя фразы мелкобуржуазных демократов о большинстве «народа» (обманутого буржуазией и придавленного капиталом), эти партии объективно стоят еще на стороне буржуазии против пролетариата.

6. Диктатура пролетариата предполагает и означает ясное сознание той истины, что пролетариат, в силу своего объективного, экономического положения во всяком капиталистическом обществе, *правильно* выражает интересы *всей* массы трудящихся и эксплуатируемых, всех полупролетариев (т.е. частично живущих продажей рабочей силы), всех мелких крестьян и тому подобное.

Эти слои населения идут за буржуазными и мелкобуржуазными (в том числе «социалистическими» партиями II Интернационала) не в силу свободного волеизъявления (как думает мелкобуржуазная демократия), а в силу прямого обмана их буржуазией, в силу гнета над ними капитала, в силу самообмана мелкобуржуазных вождей.

Эти слои населения (полупролетариев и мелких крестьян) пролетариат привлечет на свою сторону, сможет привлечь на свою сторону лишь *после* своей победы, лишь после завоевания государственной власти, то-есть после того, как он свергнет буржуазию, освободит этим *всех* трудящихся от гнета капитала и *покажет* им на практике, какие блага (блага свободы от эксплуататоров) дает пролетарская государственная власть.

Этой мысли, составляющей основу и суть идеи диктатуры пролетариата, немецкие независимцы и французские лонгетисты не понимают, не внедряют ее в массы, не пропагандируют ежедневно.

7. Диктатура пролетариата означает сознание необходимости подавить насилем сопротивление эксплуататоров, готовность, уменье, решимость сделать это. А так как буржуазия, даже самая республиканская и демократическая (например, в Германии, в Швейцарии, в Америке), систематически прибегает к погромам, к линчеванию, к убийству, к военному насилию, к террору против коммунистов и на деле против всяких революционных шагов пролетариата, то при этих условиях отречься от насилия, от террора—значит превращаться в плаксивого мелкого буржуа, значит сеять реакционные мещанские иллюзии о социальном мире, значит—говоря конкретно—трусить рубаки-офицера.

Ибо преступнейшая и реакционнейшая империалистская война 1914—1918 годов воспитала во всех странах и выдвинула на авансцену политики во всех, даже самых демократических, республиках именно десятки и десятки тысяч реакционных офице-

ров, готовящих террор и осуществляющих террор в пользу буржуазии, в пользу капитала против пролетариата.

Поэтому то отношение к террору, которое проявляют на деле в парламентских речах, в газетных статьях, во всей агитации и пропаганде немецкие независимцы и французские лонгетисты, есть фактическое полное отречение от сущности диктатуры пролетариата, есть фактический переход на позицию мелкобуржуазной демократии, есть *развращение* революционного сознания рабочих.

8. То же относится к гражданской войне. После империалистской войны, перед лицом реакционных генералов и офицеров, применяющих террор против пролетариата, перед лицом того факта, что *новые* империалистские войны уже готовятся теперешней политикой *всех* буржуазных государств,—и не только готовятся сознательно, но и вытекают с объективной неизбежностью из всей их политики,—при таких условиях, в такой обстановке, оплакивать гражданскую войну против эксплуататоров, осуждать ее, бояться ее—это значит становиться на деле реакционером.

Это значит бояться победы рабочих, которая может стоить десятков тысяч жертв, и наверняка допускать новую бойню империалистов, которая стояла вчера и будет стоять завтра миллионы жертв.

Это значит *поощрять* фактически реакционные и пассивнические замашки, замыслы и приготовления буржуазных генералов и буржуазных офицеров.

Именно так реакционна на деле слащавая, мелкобуржуазная, сантиментальная позиция немецких независимцев и французских лонгетистов в вопросе о гражданской войне. Закрывают глаза на происки белой гвардии, подготовку ее буржуазией, создание ее буржуазией и лицемерно, фарисейски (или трусливо) отворачиваются от работы по созданию Красной гвардии, Красной армии пролетариев, способной подавить сопротивление эксплуататоров.

9. Диктатура пролетариата и Советская власть означают ясное сознание необходимости *разбить*, сломать вдребезги буржуазный (хотя бы и республикански-демократический), государственный аппарат, суды, бюрократию, гражданскую и военную, и так далее.

Ни сознания этой истины ни повседневной агитации в ее пользу немецкие независимцы и французские лонгетисты не обнаруживают. Хуже того: они ведут *всю* агитацию в *противоположном* духе.

10. Всякая революция (в отличие от реформы) означает кризис и весьма глубокий кризис, как политический, так и эконо-

мический, сама по себе. Это—независимо от кризиса, созданного войной.

Задача революционной партии пролетариата—разъяснять рабочим и крестьянам, что надо иметь мужество смело встретить этот кризис и найти в революционных мерах *источник силы* для преодоления этого кризиса. Только преодолевая величайшие кризисы с революционным энтузиазмом, с революционной энергией, с революционной готовностью на самые тяжелые жертвы, пролетариат может победить эксплуататоров и окончательно избавит человечество от войн, от гнета капитала, от наемного рабства.

Иного выхода нет, ибо реформистское отношение к капитализму породило вчера (и неизбежно породит завтра) империалистскую бойню миллионов людей и всякие кризисы без конца.

Этой основной мысли, без которой диктатура пролетариата есть пустая фраза, независимцы и лонгетисты не понимают, в своей пропаганде и агитации ее не обнаруживают, не разъясняют массам.

11. Независимцы и лонгетисты не углубляют, не развивают в массах сознания гнилости и гибельности того реформизма, который фактически преобладал во II Интернационале (1889—1914) и погубил его, а затемняют это сознание, затушевывают болезнь, не вскрывают, не разоблачают ее.

12. Выйдя из II Интернационала, осуждая его на словах (напр., в брошюре Криспина), независимцы на деле протягивают руку Фридриху Адлеру, члену австрийской партии господ Носке и Шейдеманов.

Независимцы терпят в своей среде литераторов, сплошь отрицающих все основные понятия диктатуры пролетариата.

Это расхождение слова с делом характеризует всю политику *вождей* партии независимцев в Германии, лонгетистов во Франции. Именно вожди разделяют предрассудки мелкобуржуазной демократии и реформистски-развращенных верхушек пролетариата, вопреки революционным симпатиям рабочих *масс*, тяготеющих к советской системе.

13. Независимцы и лонгетисты не понимают и не разъясняют массам, что империалистские сверхприбыли передовых стран позволили им (и позволяют теперь) *подкупать* верхушки пролетариата, бросать ему крохи сверхприбыли (получаемой от колоний и от финансовой эксплуатации слабых стран), создавать привилегированный слой обученных рабочих и т. п.

Без разоблачения этого зла, без борьбы не только с трэджюнионистской бюрократией, но и со всеми проявлениями цехового мещанства, рабочей аристократии, привилегий верхнего

слоя рабочих, без беспощадного изгнания представителей этого духа из революционной партии, без апелляции к *низам*, к более и более широким *массам*, к настоящему *большинству* эксплуатируемых—не может быть и речи о диктатуре пролетариата.

14. Нежелание или неумение порвать с верхушечками рабочих, зараженными империализмом, обнаруживается у независимцев и лонгетистов также тем, что они не ведут агитации за прямую и безусловную поддержку *всех* восстаний и революционных движений колониальных народов.

При таких условиях осуждение колониальной политики и империализма становится лицемерием или пустым воздыханием тупого мещанина.

15. Независимцы и лонгетисты не ведут агитации в войске (за вступление в войско *в целях* подготовки его перехода на сторону рабочих *против* буржуазии). Они не создают организаций для этого.

Они не отвечают на насилия буржуазии, на бесконечные нарушения *ею* «законности» (как во время империалистской войны, так и после ее окончания) систематической пропагандой *нелегальных организаций и созданием их*.

Без соединения легальной работы с нелегальной, легальных организаций с нелегальными не может быть и речи о действительно революционной партии пролетариата ни в Германии, ни в Швейцарии, ни в Италии, ни во Франции, ни в Америке.

16. В общем и целом вся пропаганда, вся агитация, вся организация независимцев и лонгетистов—более мещански-демократическая, чем революционно-пролетарская;—пацифистская, а не социально-революционная.

В силу этого «признание» диктатуры пролетариата и Советской власти остается словесным.

Итог: при таком положении дела Р. К. П. находит единственным правильным не соединяться с независимцами и лонгетистами в один Интернационал, а *выждать*, пока революционные массы французских и немецких рабочих *исправят* слабость, ошибки, предрассудки, непоследовательность таких партий, как независимцы и лонгетисты.

В Коммунистическом Интернационале таким партиям, по мнению Р. К. П., не место.

Р. К. П. не отказывается, однако, от *совещаний* со всеми партиями, желающими совещаться с нею, знать ее мнение.

Написано в начале июля 1920 г.

ТЕЗИСЫ ОБ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧАХ ВТОРОГО КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

1. Настоящий момент в развитии международного коммунистического движения характеризуется тем, что во всех капиталистических странах лучшие представители революционного пролетариата вполне поняли основные принципы Коммунистического Интернационала, именно: диктатуру пролетариата и Советскую власть, и с беззаветным энтузиазмом встали на сторону Коммунистического Интернационала. Еще более важным и крупным шагом вперед является то, что повсюду среди самых широких масс не только городского пролетариата, но и среди передовой части сельских рабочих вполне определилось их безусловное сочувствие к этим основным принципам.

С другой стороны, обозначились две ошибки или слабости растущего необыкновенно быстро международного коммунистического движения. Одна, очень серьезная и представляющая громадную непосредственную опасность для успеха дела освобождения пролетариата, состоит в том, что часть старых вождей и старых партий II Интернационала, частью полубессознательно уступая желаниям и напору масс, частью сознательно обманывая их для сохранения за собой прежней роли агентов и помощников буржуазии внутри рабочего движения, заявляют о своем условном или даже безусловном присоединении к III Интернационалу, оставаясь на деле, во всей практике своей партийной и политической работы, на уровне II Интернационала. Такое положение вещей совершенно недопустимо, ибо оно вносит прямое развращение масс, роняет уважение к III Интернационалу, грозя повторением таких же измен, как измена венгерских социал-демократов, наскоро перекрестившихся в коммунисты. Другая, гораздо менее значительная ошибка, которая является скорее всего болезнью роста движения, состоит в стремлении к «левизне», ведущем к неправильной оценке роли и задач партии по отношению к классу и к массе и обязательности для революционных коммунистов работать в буржуазных парламентах и реакционных профсоюзах.

Долг коммунистов не замалчивать слабостей своего движения, а открыто критиковать их, чтобы скорее и радикальнее от них избавиться. В этих целях необходимо, во-1-х, конкретнее определить, особенно на основании практического уже опыта, содержание понятий: «диктатура пролетариата» и «Советская власть»; во-2-х, указать, в чем именно может и должна состоять во всех странах немедленная и систематическая подготовительная работа, осуществляющая эти лозунги; в-3-х, указать пути и способы исправления нашего движения от его недостатков.

I

СУЩНОСТЬ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА И СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

2. Победа социализма (как первой ступени коммунизма) над капитализмом требует осуществления пролетариатом, как единственным действительно революционным классом, трех следующих задач. Первая—свергнуть эксплуататоров и в первую голову буржуазию, как главного экономического и политического представителя их; разбить их наголову; подавить их сопротивление; сделать невозможными какие бы то ни было попытки с их стороны восстановить иго капитала и наемное рабство. Вторая—увлечь и повести за революционным авангардом пролетариата, его коммунистической партией, не только весь пролетариат или подавляющее, огромное большинство его, но и всю массу трудящихся и эксплуатируемых капиталом; просветить, организовать, воспитать, дисциплинировать их в самом ходе беззаветно смелой и беспощадно твердой борьбы против эксплуататоров; вырвать это подавляющее большинство населения во всех капиталистических странах из зависимости от буржуазии, внушить ему на практическом опыте доверие к руководящей роли пролетариата и его революционного авангарда. Третья—нейтрализовать или обезвредить неизбежные колебания между буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и Советской властью со стороны довольно еще многочисленного почти во всех передовых странах, хотя и составляющего меньшинство населения, класса мелких хозяев в земледелии, промышленности, торговле и соответствующего этому классу слоя интеллигенции, служащих и т. п.

Первая и вторая задачи являются самостоятельными задачами, требующими каждая своих особых приемов действия по отношению к эксплуататорам и по отношению к эксплуатируемым. Третья задача вытекает из первых двух, требуя лишь умелого, своевременного, гибкого сочетания приемов первого и второго,

рода, в зависимости от конкретных обстоятельств каждого отдельного случая колебаний.

3. При той конкретной обстановке, которая во всем мире и больше всего в наиболее передовых, могущественных, самых просвещенных и свободных капиталистических странах создана милитаризмом, империализмом, удушением колоний и слабых стран, всемирной империалистской бойней, Версальским «миром»,—всякое допущение мысли о мирном подчинении капиталистов воле большинства эксплуатируемых, о мирном, реформистском переходе к социализму является не только крайним мещанским тупоумием, но и прямым обманом рабочих, подкрашиванием капиталистического наемного рабства, сокрытием правды. Правда эта состоит в том, что буржуазия, самая просвещенная и демократическая, уже сейчас не останавливается ни перед каким обманом и преступлением, перед избиением миллионов рабочих и крестьян для спасения частной собственности на средства производства. Только насильственное свержение буржуазии, конфискация ее собственности, разрушение всего буржуазного государственного аппарата снизу доверху, парламентского, судебного, военного, бюрократического, административного, муниципального и проч., вплоть до поголовного изгнания или интернирования эксплуататоров наиболее опасных и упорных, установление над ними строгого надзора для борьбы с неизбежными попытками сопротивления и реставрации капиталистического рабства, только подобные меры в состоянии обеспечить действительное подчинение всего класса эксплуататоров.

С другой стороны, таким же прикрашиванием капитализма и буржуазной демократии, таким же обманом рабочих является обычное у старых партий и старых вождей II Интернационала допущение мысли о том, будто большинство трудящихся и эксплуатируемых способно в обстановке капиталистического рабства, под гнетом буржуазии, который принимает бесконечно разнообразные формы, тем более утонченные и в то же время жестокие и беспощадные, чем культурнее данная капиталистическая страна,—способно выработать в себе полную ясность социалистического сознания, твердость социалистических убеждений и характера. На самом деле, только после того, как авангард пролетариата, поддержанный всем этим, единственно революционным, классом или большинством его, свергнет эксплуататоров, подавит их, освободит эксплуатируемых от их рабского положения, улучшит их условия жизни немедленно на счет экспроприированных капиталистов, только после этого и в самом ходе острой классовой борьбы осуществимо просве-

щение, воспитание, организация самых широких трудящихся и эксплуатируемых масс вокруг пролетариата, под его влиянием и руководством, избавление их от эгоизма, раздробленности, пороков, слабости, порождаемых частной собственностью, превращение их в свободный союз свободных работников.

4. Для успеха победы над капитализмом требуется правильное соотношение между руководящей, коммунистической, партией, революционным классом, пролетариатом,—и массой, т.-е. всей совокупностью трудящихся и эксплуатируемых. Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплуатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие,—только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной, последней борьбе против всех сил капитализма. С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска, превращая в ничто неизбежную апатию и частью сопротивление небольшого меньшинства испорченной капитализмом рабочей аристократии, старых трэд-юнионистских и кооперативных вождей и т. п.,—способен развернуть всю свою силу, которая неизмеримо больше, чем его доля в населении, в силу самого экономического устройства капиталистического общества. Наконец, только освобожденная уже фактически от гнета буржуазии и буржуазного государственного аппарата, только получившая возможность действительно свободно (от эксплуататоров) организовать в свои Советы, может масса, т.-е. вся совокупность трудящихся и эксплуатируемых, развернуть впервые в истории всю инициативу и всю энергию десятков миллионов задавленных капитализмом людей. Только когда Советы стали единственным государственным аппаратом, осуществимо действительное участие в управлении всей массы эксплуатируемых, которая при самой просвещенной и свободной буржуазной демократии оставалась всегда фактически на девяносто девять сотых исключенной из участия в управлении. Только в Советах начинает масса эксплуатируемых действительно учиться, не из книжек, а из собственного практического опыта, делу социалистического строительства, созданию новой общественной дисциплины, свободного союза свободных работников.

II

В ЧЕМ ДОЛЖНА СОСТОЯТЬ НЕМЕДЛЕННАЯ И ПОВСЕМЕСТНАЯ ПОДГОТОВКА К ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА?

5. Переживаемый момент в развитии международного коммунистического движения характеризуется тем, что в громадном большинстве капиталистических стран не закончена—очень часто даже еще систематически не начата—подготовка пролетариата к осуществлению им своей диктатуры. Из этого не следует, что пролетарская революция невозможна в самом близком будущем; она вполне возможна, ибо вся экономическая и политическая обстановка необыкновенно богата горючими материалами и поводами для их неожиданного воспламенения; другое условие для революции, кроме подготовленности пролетариата,—именно: общее состояние кризиса во всех командующих и во всех буржуазных партиях,—тоже есть налицо. Но из сказанного следует, что задача момента для коммунистических партий состоит теперь не в том, чтобы ускорять революцию, а в том, чтобы усиливать подготовку пролетариата. С другой стороны, отмеченные выше случаи в истории многих социалистических партий заставляют обратить внимание на то, чтобы «признание» диктатуры пролетариата не могло оставаться только словесным.

Поэтому главной задачей коммунистических партий, с точки зрения международного пролетарского движения, является в данный момент сплочение раздробленных коммунистических сил, образование в каждой стране единой коммунистической партии (или укрепление и обновление партии уже существующей) для удешевления работы по подготовке пролетариата к завоеванию государственной власти и притом именно к завоеванию власти в форме диктатуры пролетариата. Обычная социалистическая работа групп и партий, признающих диктатуру пролетариата, далеко еще в недостаточной мере подвергнута той коренной переделке, тому коренному обновлению, которые необходимы для признания этой работы коммунистической и соответствующей задачам кануна пролетарской диктатуры.

6. Завоевание политической власти пролетариатом не прекращает классовую борьбу его против буржуазии, а, напротив, делает эту борьбу особенно широкой, острой, беспощадной. Все группы, партии, деятели рабочего движения, полностью или отчасти стоящие на точке зрения реформизма, «центра» и т. п., неизбежно становятся в силу крайнего обострения борьбы либо на сторону буржуазии, либо в число колеблющихся, либо (что всего опаснее) попадают в число ненадежных друзей победонос-

ного пролетариата. Поэтому подготовка диктатуры пролетариата требует не только усиления борьбы против тенденций реформистских и «центровиков», но и изменения характера этой борьбы. Борьба не может ограничиваться выяснением ошибочности этих тенденций, а должна разоблачать неуклонно и беспощадно всякого деятеля внутри рабочего движения, проявляющего эти тенденции, ибо иначе пролетариат не может узнать, с кем он пойдет на самую решительную борьбу против буржуазии. Эта борьба такова, что в любую минуту может заменить—и заменяет, как показал уже опыт,—оружие критики критикою оружием. Всякая непоследовательность или слабость в разоблачении тех, кто проявляет себя как реформист или «центровик», означает прямое увеличение опасности свержения власти пролетариата буржуазией, которая использует завтра для контр-революции то, что кажется близоруким людям лишь «теоретическим разногласием» сегодня.

7. В частности, нельзя ограничиться обычным принципиальным отрицанием всякого сотрудничества пролетариата с буржуазией, всякого «коллаборационизма». Простая защита «свободы» и «равенства», при сохранении частной собственности на средства производства, превращается в условиях диктатуры пролетариата, который никогда не в состоянии будет сразу уничтожить частную собственность полностью,—превращается в «сотрудничество» с буржуазией, прямо подрывающее власть рабочего класса. Ибо диктатура пролетариата означает государственное закрепление и защиту, всем аппаратом государственной власти, «несвободы» для эксплуататора продолжать свое дело угнетения и эксплуатации, «неравенства» собственника (т.е. изъывшего для себя лично известные средства производства, созданные общественным трудом) с неимущим. То, что кажется до победы пролетариата теоретическим только разногласием по вопросу о «демократии», становится неизбежно завтра, после победы, вопросом, который решается силой оружия. Следовательно, без коренного изменения всего характера борьбы с «центровиками» и «защитниками демократии» невозможна даже предварительная подготовка масс к осуществлению диктатуры пролетариата.

8. Диктатура пролетариата есть наиболее решительная и революционная форма классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Такая борьба может быть успешна, лишь когда самый революционный авангард пролетариата ведет за собой подавляющее большинство его. Подготовка диктатуры пролетариата требует поэтому не только разъяснения буржуазного характера всякого реформизма, всякой защиты демократии при сохранении частной собственности на средства производства; не только раз-

облачения проявлений таких тенденций, означающих на деле проведение защиты буржуазии внутри рабочего движения,— но требует также замены старых вождей коммунистами во всех решительно видах пролетарских организаций, не только политических, но и профессиональных, кооперативных, просветительных и т. д. Чем более длительным, полным и прочным было господство буржуазной демократии в данной стране, тем более удалось буржуазии провести на посты таких вождей, ею воспитанных, ее воззрениями и предрассудками пропитанных, ею очень часто прямо или косвенно подкупленных деятелей. Необходимо во стократ смелее, чем до сих пор, вытеснять этих представителей рабочей аристократии или обуржуазившихся рабочих со всех их постов и заменять их хотя бы даже самыми неопытными рабочими, лишь бы они были связаны с эксплуатируемой массой и пользовались ее доверием в борьбе с эксплуататорами. Диктатура пролетариата потребует назначения таких, не имеющих опыта, рабочих на самые ответственные государственные посты, иначе власть рабочего правительства будет бессильна, и оно не будет поддержано массой.

9. Диктатура пролетариата есть самое полное осуществление руководства всеми трудящимися и эксплуатируемыми, которые угнетены, забиты, задавлены, запуганы, раздроблены, обмануты классом капиталистов, со стороны единственного класса, подготовленного к такой руководящей роли всей историей капитализма. Поэтому подготовка диктатуры пролетариата должна быть начата повсеместно и немедленно посредством следующего, между прочим, приема.

Во всех без изъятия организациях, союзах, объединениях, в первую голову пролетарских, а затем и непролетарской трудящейся и эксплуатируемой массы (политических, профессиональных, военных, кооперативных, образовательных, спортивных и проч. и т. д.), должны быть созданы группы или ячейки коммунистов—преимущественно открытые, но также и тайные, обязательные в каждом таком случае, когда следует предполагать закрытие их, арест или изгнание их членов со стороны буржуазии;—причем эти ячейки, тесно связанные между собою и с центром партии, обмениваясь своим опытом, осуществляя работу агитации, пропаганды, организации, применяясь решительно ко всем областям общественной жизни, решительно ко всем разновидностям и подразделениям трудящейся массы, должны систематически воспитывать такой разносторонней работой и самих себя, и партию, и класс, и массу.

При этом крайне важно практически выработать необходимое различие приемов всей работы, с одной стороны—по отношению

к «вождям» или к «ответственным представителям», сплошь да рядом безнадежно испорченным мелкобуржуазными и империалистскими предрассудками; эти «вожди» должны быть беспощадно разоблачаемы и изгоняемы из рабочего движения;— с другой стороны, по отношению к массам, которые, особенно после империалистской войны, большей частью склонны слушать и воспринять учение о необходимости руководства пролетариата, как единственного выхода из капиталистического рабства; к массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы.

10. В частности, одна из групп или ячеек коммунистов заслуживает исключительного внимания и заботы партии, именно: парламентская фракция, т.-е. группа членов партии, состоящих депутатами в буржуазном представительном учреждении (прежде всего общегосударственном, затем также и местных, муниципальных и пр.). С одной стороны, именно эта трибуна имеет особенно важное значение в глазах самых широких слоев отсталой или пропитанной мелкобуржуазными предрассудками трудящейся массы; поэтому коммунисты обязательно именно с этой трибуны должны вести работу пропаганды, агитации, организации, разъяснения массам, почему закономерен был в России (и закономерен будет в свое время в любой стране) разгон буржуазного парламента общенациональным Съездом Советов. С другой стороны, вся история буржуазной демократии сделала из парламентской трибуны, особенно в передовых странах, главное или одно из главных поприщ неслыханных мошенничеств, финансовых и политических обманов народа, карьеризма, лицемерия, угнетения трудящихся. Поэтому вполне законна горячая ненависть к парламентам со стороны лучших представителей революционного пролетариата. Поэтому со стороны коммунистических партий и всех партий, примыкающих к III Интернационалу,—особенно в тех случаях, когда эти партии возникли не путем раскола со старыми партиями и длительной, упорной борьбы с ними, а путем перехода (часто номинального) старых партий на новую позицию,—необходимо исключительно строгое отношение к своим парламентским фракциям: полное подчинение их контролю и указаниям Цека партии; включение в их состав преимущественно революционных рабочих; внимательнейший анализ в партийной прессе и на партийных собраниях речей парламентариев с точки зрения их коммунистической выдержанности; командирование депутатов на агитационную работу среди масс, исключение из этих фракций тех, кто проявляет тенденции II Интернационала и т. д.

11. Одна из главных причин, затрудняющих революционное рабочее движение в развитых капиталистических странах, состоит в том, что, благодаря колониальным владениям и сверхприбылям финансового капитала и т. п., капиталу удалось здесь выделить сравнительно более широкий и устойчивый слой небольшого меньшинства рабочей аристократии. Она пользуется лучшими условиями заработка и больше всего пропитана духом цеховой узости, мещанскими и империалистскими предрассудками. Это—настоящая социальная «опора» II Интернационала, реформистов и «центровиков», а в данный момент это—едва ли не главная социальная опора буржуазии. Никакая даже предварительная подготовка пролетариата к свержению буржуазии невозможна без немедленной, систематической, широкой, открытой борьбы с этим слоем, который, несомненно,—как это вполне уже доказано опытом,—поставит не мало элементов для буржуазной белой гвардии после победы пролетариата. Все призывающие к III Интернационалу партии должны во что бы то ни стало провести в жизнь лозунг: «глубже в массы», «теснее связь с массами»,—понимая под массами всю совокупность трудящихся и эксплуатируемых капиталом, особенно наименее организованных и просвещенных, наиболее угнетенных и наименее доступных организации.

Пролетариат становится революционным лишь постольку, поскольку он не замыкается в узко-цеховые рамки, поскольку он выступает во всех проявлениях и на всех поприщах общественной жизни, как вождь всей трудящейся и эксплуатируемой массы, и осуществление им своей диктатуры невозможно без готовности и способности его на величайшие жертвы ради победы над буржуазией. И принципиальное и практическое значение в этом отношении имеет опыт России, где пролетариат не мог бы осуществить своей диктатуры, не мог бы завоевать себе общепризнанного уважения и доверия всей трудящейся массы, если бы он не принес больше всего жертв и не голодал сильнее всех остальных слоев этой массы в самые трудные времена натиска, войны, блокады со стороны всемирной буржуазии.

В частности, всесторонняя и самоотверженная поддержка коммунистической партией и всем передовым пролетариатом особенно необходима по отношению к широкому, стихийному, массовому стачечному движению, которое одно только в состоянии под гнетом капитала настоящим образом разбудить, расшевелить, просветить и организовать массы, воспитать в них полное доверие к руководящей роли революционного пролетариата. Без такой подготовки никакая диктатура пролетариата невоз-

можно, и люди, способные выступать публично против стачек, вроде Каутского в Германии, Турати в Италии, безусловно нетерпимы в рядах партий, примыкающих к III Интернационалу. Еще более относится это, конечно, к тем трэд-юнионистским и парламентским вождам, которые часто предают рабочих, уча их на опыте стачек реформизму, а не революции (напр., в Англии и во Франции в последние годы).

12. Для всех стран, даже для самых свободных, «легальных» и «мирных» в смысле наименьшей обостренности классовой борьбы, вполне назрел период, когда является безусловно необходимым для всякой коммунистической партии систематическое соединение легальной и нелегальной работы, легальной и нелегальной организации. Ибо в самых просвещенных и свободных странах, с наиболее «устойчивым» буржуазно-демократическим строем, правительства уже систематически прибегают, вопреки их лживым и лицемерным заявлениям, к ведению тайных списков коммунистов, к бесконечным нарушениям своей собственной конституции для полутайной и тайной поддержки белогвардейцев и убийства коммунистов во всех странах, к тайной подготовке арестов коммунистов, к введению провокаторов в среду коммунистов и т. д. и т. п. Только самое реакционное мещанство, какими бы красивыми «демократическими» и пацифистскими фразами оно ни прикрывалось, может отрицать этот факт или обязательный вывод из него: немедленное образование всеми легальными коммунистическими партиями нелегальных организаций для систематической нелегальной работы и полной подготовки к моменту проявления буржуазных преследований. Особенно необходима нелегальная работа в армии, флоте, полиции, ибо после великой империалистской войны все правительства в мире стали бояться всенародной армии, открытой для крестьян и рабочих, стали переходить тайком ко всевозможным приемам подбора специально подобранных из буржуазии и специально снабженных особенно усовершенствованной техникой воинских частей.

С другой стороны, также необходимо во всех без исключения случаях не ограничиваться нелегальной работой, а вести также и легальную, преодолевая для этого все трудности, основывая легальные органы печати и легальные организации под самыми разнообразными и, в случае надобности, часто меняющимися названиями. Так поступают нелегальные коммунистические партии в Финляндии, Венгрии, частью в Германии, в Польше, в Латвии и т. д. Так должны поступать «Промышленные рабочие мира» (I. W. W.) в Америке, так должны будут поступать все ныне легальные коммунистические партии, если прокурорам

благоугодно будет возбуждать преследования на основании резолюций съездов Коммунистического Интернационала и т. д.

Безусловная принципиальная необходимость соединения нелегальной и легальной работы определяется не только всей совокупностью особенностей переживаемого периода, периода кануна пролетарской диктатуры, но и необходимостью доказать буржуазии, что нет и быть не может области и поприща работы, которого бы не завоевали коммунисты, а больше всего тем, что повсюду есть еще широкие слои пролетариата, а еще более непролетарской трудящейся и эксплуатируемой массы, которые доверяют еще буржуазно-демократической легальности и разубеждение которых является для нас делом наиболее важным.

13. В частности, состояние рабочей прессы в наиболее передовых капиталистических странах особенно наглядно показывает как всю лживость свободы и равенства при буржуазной демократии, так и необходимость систематического соединения легальной и нелегальной работы. И в побежденной Германии и в победившей Америке вся сила государственного аппарата буржуазии и все проделки ее финансовых королей пускаются в ход, чтобы отнять у рабочих их прессу: и судебные преследования, и аресты (или убийство через наемных убийц) редакторов, и запрещение почтовой пересылки, и отнятие бумаги и пр. и т. д. К тому же необходимый для ежедневной газеты информационный материал находится в руках буржуазных телеграфных агентств, а объявления, без которых большая газета не окупится, находятся в «свободном» распоряжении капиталистов. В итоге, буржуазия обманом, давлением капитала и буржуазного государства отнимает у революционного пролетариата его прессу.

Для борьбы с этим коммунистические партии должны создать новый тип периодической прессы для массового распространения среди рабочих: во-1-х, легальные издания, которые бы научились, не называя себя коммунистическими и не говоря о своей принадлежности к партии, использовать малейшую легальность, как большевики при царе после 1905 года; во-2-х, нелегальные листки, хотя бы в самом малом объеме и нерегулярно выпускаемые, но перепечатаваемые в массе типографий рабочими (тайно, или, если движение окрепло, путем революционного захвата типографий) и дающие пролетариату свободную, революционную информацию и революционные лозунги.

Без втягивающей массы революционной борьбы за свободу коммунистической печати подготовка к диктатуре пролетариата невозможна.

III

ИСПРАВЛЕНИЕ ЛИНИИ — ЧАСТЬЮ ТАКЖЕ СОСТАВА — ПАРТИЙ, ПРИМЫКАЮЩИХ И ЖЕЛАЮЩИХ ПРИМКНУТЬ К КОММУНИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛУ

14. Степень подготовленности пролетариата важнейших, с точки зрения всемирного хозяйства и всемирной политики, стран к осуществлению своей диктатуры характеризуется с наибольшей объективностью и точностью тем, что влиятельнейшие партии II Интернационала, Французская социалистическая партия, Независимая социал-демократическая партия Германии, Независимая рабочая партия Англии, Американская социалистическая партия, вышли из этого желтого Интернационала и постановили присоединиться—первые три условно, а последняя даже безусловно—к III Интернационалу. Это доказывает, что не только авангард, но и большинство революционного пролетариата начало, убежденное всем ходом событий, переходить на нашу сторону. Главное теперь—суметь довершить этот переход и прочно, организационно, закрепить достигнутое, чтобы можно было, без малейших колебаний, пойти вперед по всей линии.

15. Вся деятельность названных партий (к которым следует присоединить Швейцарскую социалистическую партию, если верны телеграфные известия о ее решении примкнуть к III Интернационалу) доказывает,—и любое периодическое издание этих партий подтверждает наглядно,—что она не является еще коммунистической, а нередко идет прямо вразрез с основными принципами III Интернационала, именно: с признанием диктатуры пролетариата и Советской власти вместо буржуазной демократии.

Поэтому II конгресс Коммунистического Интернационала должен постановить, что он не считает возможным немедленно принять эти партии;—что он подтверждает тот ответ, который дал Исполнительный Комитет III Интернационала немецким «независимцам»*;—что он подтверждает свою готовность вести переговоры с любой партией, выходящей из II Интернационала и желающей сблизиться с III-м;—что он предоставляет право совещательного голоса делегатам таких партий на всех своих конгрессах и конференциях;—что он ставит следующие условия для полного объединения этих (и подобных) партий с Коммунистическим Интернационалом:

1. Публикация всех решений всех съездов Коммунистического

* См. выше, стр. 85—90. *Ред.*

Интернационала и его Исполнительного Комитета во всех периодических изданиях партии;

2. Обсуждение их на специальных собраниях всех секций или местных организаций партии;

3. Созыв, после такого обсуждения, специального конгресса партии для подведения итогов и для

4. Очистки партии от элементов, продолжающих действовать в духе II Интернационала.

5. Переход всех периодических органов партии в руки редакций исключительно коммунистических.

II конгресс III Интернационала должен поручить своему Исполнительному Комитету формально принять названные и подобные партии в III Интернационал, проверив предварительно, что все эти условия выполнены на деле и характер деятельности партии стал коммунистическим.

16. По вопросу о том, каково должно быть поведение коммунистов, ныне составляющих меньшинство на ответственных постах названных и подобных партий, II конгресс Коммунистического Интернационала должен постановить, что ввиду явного роста искреннейших симпатий к коммунизму среди рабочих, принадлежащих к этим партиям, выход из них коммунистов нежелателен, пока им внутри этих партий возможно вести работу в духе признания диктатуры пролетариата и Советской власти и пока возможна критика оставшихся еще оппортунистов и центровиков в этих партиях.

Вместе с этим II конгресс III Интернационала должен высказаться за присоединение коммунистических или сочувствующих коммунизму групп и организаций в Англии к «Рабочей партии» (Labour Party), несмотря на то, что она входит во II Интернационал. Ибо, пока эта партия сохраняет для входящих в ее состав организаций теперешнюю их свободу критики и свободу пропагандистской, агитационной и организационной деятельности за диктатуру пролетариата и за Советскую власть, пока эта партия сохраняет свой характер объединения всех профессиональных организаций рабочего класса, коммунисты обязательно должны сделать все шаги и пойти на известные компромиссы, чтобы иметь возможность влиять на самые широкие рабочие массы, разоблачать их оппортунистических вождей с более высокой и видной массам трибуны, ускорять переход политической власти от прямых представителей буржуазии к «рабочим лейтенантам класса капиталистов» для быстреешего излечения масс от последних иллюзий на этот счет.

17. По отношению к Итальянской социалистической партии II конгресс III Интернационала находит в основе своей правиль-

ной ту критику этой партии и те практические предложения, которые изложены, как предложения Национальному Совету Итальянской социалистической партии, от имени Туринской секции этой партии в журнале «Новый Порядок» (L'Ordine Nuovo) от 8-го мая 1920 г. и которые вполне соответствуют всем основным принципам III Интернационала.

Поэтому II конгресс III Интернационала просит Итальянскую социалистическую партию созвать экстренный съезд партии для обсуждения как этих предложений, так и всех решений обоих съездов Коммунистического Интернационала для исправления линии партии и для очищения ее, и особенно ее парламентской фракции, от некоммунистических элементов.

18. II конгресс III Интернационала признает неправильными те взгляды на отношения партии к классу и к массе, на необязательность участия коммунистических партий в буржуазных парламентах и в реакционнейших профсоюзах, которые подробно опровергнуты в специальных решениях настоящего конгресса, будучи защищаемы всего полнее «Коммунистической рабочей партией Германии», а также частично «Коммунистической партией Швейцарии», органом Восточно-Европейского секретариата Коммунистического Интернационала «Коммунизм» (Kommunismus) в Вене, распущенным ныне секретариатом в Амстердаме и некоторыми голландскими товарищами, затем некоторыми коммунистическими организациями в Англии, напр., «Рабочей социалистической федерацией» и т. п., а равно «Промышленными рабочими мира» в Америке и «Комитетом фабрично-заводских старост» (Shop Stewards Committee) в Англии и т. п.

Тем не менее II конгресс III Интернационала считает возможным и желательным немедленное присоединение к Коммунистическому Интернационалу тех из этих организаций, которые еще не присоединились официально, ибо в данном случае, особенно по отношению к «Промышленным рабочим мира» в Америке и в Австралии, равно и по отношению к «Фабрично-заводским старостам» в Англии, мы имеем дело с глубоко пролетарским и массовым движением, которое в основе своей стоит фактически на почве коренных принципов Коммунистического Интернационала. В таких организациях ошибочные взгляды на участие в буржуазных парламентах объясняются не столько ролью выходцев из буржуазии, приносящих свои, в сущности мелкобуржуазные, взгляды, каковыми часто бывают взгляды анархистов, а политической неопытностью вполне революционных и связанных с массой пролетариев.

II конгресс III Интернационала просит поэтому все коммунистические организации и группы в англо-саксонских странах

проводить, даже в том случае, если немедленное присоединение к III Интернационалу «Промышленных рабочих мира» и «Фабрично-заводских старост» не состоится, политику наиболее дружественных отношений к этим организациям, сближения с ними и с сочувствующей им массой, дружественного разъяснения им, с точки зрения опыта всех революций и трех русских революций в XX веке особенно, ошибочности указанных выше их взглядов, и не отказываться от повторных попыток слияния с этими организациями в единую коммунистическую партию.

19. Конгресс обращает, в связи с этим, внимание всех товарищей, особенно в романских и англо-саксонских странах, на то, что среди анархистов после войны во всем мире происходит глубокое идейное разделение по вопросу об отношении к диктатуре пролетариата и Советской власти. При этом, именно среди пролетарских элементов, которых часто толкала к анархизму совершенно законная ненависть к оппортунизму и реформизму партий II Интернационала, заметно в особенности правильное понимание этих принципов, и притом тем более распространяющееся, чем ближе знакомство их с опытом России, Финляндии, Венгрии, Латвии, Польши, Германии.

Конгресс считает поэтому долгом всех товарищей всемерно поддержать переход всех массово-пролетарских элементов от анархизма на сторону III Интернационала. Конгресс указывает, что успешность работы действительно коммунистических партий должна измеряться, между прочим, тем, насколько им удалось привлечь на свою сторону все не интеллигентские, не мелкобуржуазные, а массовые пролетарские элементы от анархизма.

Написано 4 июля 1920 г.

Соч., т. XXV, стр. 312—325.

ДОКЛАД О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ
И ОСНОВНЫХ ЗАДАЧАХ КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА 19 ИЮЛЯ *

Товарищи, тезисы по вопросам об основных задачах Коммунистического Интернационала** опубликованы на всех языках и (в особенности для русских товарищей) они не представляют из себя существенно нового, потому что в значительной мере распространяют некоторые основные черты нашего революционного опыта и уроки нашего революционного движения на целый ряд западных стран, на Западную Европу. Поэтому я в своем докладе остановлюсь несколько больше, хотя бы и в кратких чертах, на первой части предоставленной мне темы, именно на международном положении.

Основой всего международного положения, как оно сложилось теперь, являются экономические отношения империализма. В течение всего XX века вполне определилась эта новая, высшая и последняя ступень капитализма. Вы, конечно, все знаете, как самыми характерными, существенными чертами империализма явилось то, что капитал достиг громадных размеров. На место свободной конкуренции пришла монополия гигантских размеров. Ничтожное число капиталистов могло сосредоточить в своих руках иногда целые отрасли промышленности; они перешли в руки союзов, картелей, синдикатов, трестов, нередко международного характера. Оказались захваченными, таким образом, монополистами в отношении финансовом, в отношении права собственности, частью в отношении производства целые отрасли промышленности, и не только в отдельных странах, но по всему миру. На этой почве развилось невиданное раньше господство ничтожного числа крупнейших банков, финансовых королей, финансовых магнатов, которые на деле превращали даже самые свободные республики в фи-

---

* Доклад сделан В. И. Лениным на втором конгрессе Коммунистического Интернационала 19 июля 1920 г. *Ред.*

** См. выше, стр. 91—105. *Ред.*

нансовые монархии. До войны это признавали, например, открыто такие отнюдь не революционные писатели, как Лизис во Франции.

Это господство кучки капиталистов дошло до полного развития тогда, когда весь земной шар оказался поделенным не только в смысле захвата различных источников сырья и средств производства крупнейшими капиталистами, но и в смысле законченности предварительного раздела колоний. Лет 40 тому назад считалось немного больше четверти миллиарда населения колоний, которое было подчинено шести капиталистическим державам. Перед войной 1914 года в колониях считалось уже около 600 миллионов населения, а если прибавить такие страны, как Персия, Турция, Китай, которые тогда уже были на положении полуколоний, мы получим в круглых цифрах миллиард населения, которое было угнетаемо богатейшими, цивилизованнейшими и свободнейшими странами посредством колониальной зависимости. А вы знаете, что, кроме прямой государственной юридической зависимости, колониальная зависимость предполагает целый ряд отношений зависимости финансовой и экономической, предполагает целый ряд войн, которые за войны не считались, потому что часто сводились к бойне, когда вооруженные самыми усовершенствованными орудиями истребления европейские и американские империалистские войска избивали безоружных и беззащитных жителей колониальных стран.

Из этого раздела всей земли, из этого господства капиталистической монополии, из этого всевластия ничтожного числа крупнейших банков,—двух, трех, четырех, пяти на государство, не более,—выросла с неизбежностью первая империалистская война 1914—18 годов. Война эта шла из-за того, чтобы переделить весь мир. Война шла из-за того, какой из ничтожных групп крупнейших государств—английской или германской—получить возможность и право грабежа, удушения, эксплуатации всей земли. Вы знаете, как война решила этот вопрос в пользу английской группы. И в результате этой войны мы имеем неизмеримо большее обострение всех капиталистических противоречий. Война отбросила сразу около четверти миллиарда населения земли в положение, которое равносильно колониальному. Она отбросила Россию, в которой надо считать около 130 миллионов, Австро-Венгрию, Германию, Болгарию, в которых не менее 120 миллионов. Четверть миллиарда населения—в странах, которые принадлежат частью, как Германия, к самым передовым, к самым просвещенным, культурным, технически стоящим на уровне современного прогресса. Война, путем Вер-

сальского договора, навязала им такие условия, что передовые народы оказались на положении колониальной зависимости, нищеты, голода, разорения и несправности, ибо они на многие поколения договором связаны и поставлены в такие условия, в которых ни один цивилизованный народ не жил. Вы имеете картину мира: после войны сразу не менее как миллиард с четвертью населения подвергается колониальному гнету, подвергается эксплуатации зверского капитализма, который хвастался миролюбием, и лет пятьдесят тому назад имел некоторые права хвастаться этим, пока земля не была поделена, пока не господствовала монополия, пока капитализм мог развиваться сравнительно мирно, без колоссальных военных конфликтов.

Теперь, после этой мирной эпохи, мы получили чудовищное обострение гнета, мы видим возвращение к гнету колониальному и военному еще худшему, чем прежде. Версальский договор поставил и Германию, и целый ряд побежденных государств в условия материальной невозможности экономического существования, в условия полного бесправия и унижения.

Какое число наций воспользовалось этим? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны припомнить, что население Соединенных Штатов Америки, которая одна полностью выиграла от войны, которая всецело превратилась из страны, имевшей массу долгов, в страну, которой все должны,—ее население не больше 100 милл. Население Японии, которая выиграла очень много, оставаясь в стороне от европейско-американского конфликта и захватывая громадный азиатский материк, равно 50 миллионам. Население Англии, которая после этих стран выиграла больше всех, достигает 50 миллионов. И если прибавить нейтральные государства с очень малым населением, которые разбогатели за время войны, мы получим, в круглых цифрах, четверть миллиарда.

Вы получаете, таким образом, в основных чертах картину мира, как она сложилась после империалистской войны. Миллиард с четвертью угнетенных колоний,—стран, которые делят заживо, как Персия, Турция, Китай; стран, которые побеждены и брошены в положение колоний. Не больше четверти миллиарда,—это страны, которые уцелели на старом положении, но они все попали в экономическую зависимость от Америки и все во время войны были в зависимости военной, ибо война захватила весь мир, она не позволила ни одному государству оставаться нейтральным на деле. И мы имеем, наконец, не больше четверти миллиарда жителей в странах, в которых, разумеется, лишь верхушка, лишь капиталисты воспользо-

лись дележкой земли. Сумма—около $1\frac{3}{4}$ миллиарда, которые составляют все население земли. Я бы хотел эту картину мира вам напомнить, ибо все основные противоречия капитализма, империализма, которые приводят к революции, все основные противоречия в рабочем движении, которые привели к жесточайшей борьбе со II Интернационалом, о чем говорил тов. председатель,—все это связано с дележкой населения земли.

Конечно, только в грубых, основных чертах этими цифрами иллюстрируется экономическая картина мира. И, товарищи, естественно, что на почве такого дележа населения всей земли эксплуатация финансового капитала, капиталистических монополий выросло во много раз больше.

Не только колониальные, побежденные страны попадают в положение зависимости, но и внутри каждой страны-победительницы развились противоречия более острые, все капиталистические противоречия обострились. Я в кратких чертах покажу это на нескольких примерах.

Возьмите государственные долги. Мы знаем, что долги главных европейских государств выросли с 1914 по 1920 год не меньше, чем в семь раз. Приведу еще один экономический источник, который приобретает особенно большое значение, это—Кейнс, английский дипломат, автор книги «Экономические последствия мира», который, по поручению своего правительства, участвовал в Версальских мирных переговорах, наблюдал их непосредственно с чисто буржуазной точки зрения, шаг за шагом изучал дело детально и, как экономист, принимал участие в совещаниях. Он пришел к выводам, которые сильнее, нагляднее, назидательнее, чем любой вывод коммуниста-революционера, потому что выводы делает заведомый буржуа, беспощадный противник большевизма, который он себе рисует, как английский мещанин, в уродливом, свирепом, зверском виде. Кейнс пришел к выводам, что Европа и весь мир с Версальским миром идут к банкротству. Кейнс вышел в отставку, он в лицо правительству бросил свою книгу и сказал: вы делаете безумие. Я вам приведу его цифры, которые в общем сводятся к следующему.

Как сложились долговые отношения между главными державами? Я перевожу фунты стерлингов на золотые рубли, считая 10 золотых рублей на фунт стерлингов. И вот что получается: Соединенные Штаты имеют актив 19 миллиардов; пассив—ноль. Они были до войны должником Англии. Тов. Леви на последнем съезде Коммунистической Партии Германии, 14-го апреля 1920 года, в своем докладе справедливо указал, что остались две державы, которые самостоятельно

выступают теперь в мире: Англия и Америка. Только Америка оказалась в финансовом положении абсолютно самостоятельной. Она была должником до войны, теперь она только кредитор. Все остальные державы мира в долгу. Англия попала в такое положение, что актив ее 17 миллиардов, пассив—8 миллиардов, она наполовину уже попала в положение должника. Притом в ее актив попало около 6 миллиардов, которые должна Россия. Военные запасы, которые во время войны делала Россия, включаются в ее долг. Недавно, когда Красин имел случай беседовать с Ллойд-Джорджем, как представитель Российского советского правительства, на тему о долговых договорах, он наглядно выяснил ученым и политикам, вождам английского правительства, что если они рассчитывают и долги получить, то они в странном заблуждении находятся. И заблуждение это вскрыл уже английский дипломат Кейнс.

Дело, конечно, не только в том, и даже не в том, что русское революционное правительство не хочет платить долгов. Какое-угодно правительство не могло бы заплатить, потому что эти долги есть ростовщический начет на то, что уже 20 раз оплачено, и этот же самый буржуа Кейнс, нисколько не сочувствующий русскому революционному движению, говорит: «Понятно, что этих долгов считать нельзя».

Относительно Франции Кейнс приводит цифры такого рода: ее актив равняется трем с половиной миллиардам, а пассив—девяти с половиной! И это—страна, о которой сами французы говорили, что это ростовщик всего мира, потому что ее «сбережения» были колоссальны, колониальный и финансовый грабеж, составивший ей гигантский капитал, дал ей возможность давать взаймы миллиарды и миллиарды, в особенности России. С этих займов получался гигантский доход. И несмотря на это, несмотря на победу, Франция попала в положение должника.

Один буржуазный американский источник, приводимый товарищем Брауном, коммунистом, в его книги «Кто должен платить военные долги?» (Лейпциг 1920), определяет отношение долгов к национальному имуществу таким образом: в странах победивших, в Англии и Франции, долги составляют более 50% всего национального имущества. В отношении Италии процент этот составляет 60—70, в отношении России—90, но нас, как вы знаете, эти долги не беспокоят, потому что мы немножко раньше, чем появилась книжка Кейнса, последовали его прекрасному совету—все долги аннулировали.

Кейнс только обнаруживает при этом обычную филистерскую странность: давая свой совет аннулировать все долги, он

говорит, что, конечно, Франция только выиграет, конечно, Англия потеряет не очень много, ибо все равно с России ничего не возьмешь; порядком потеряет Америка, но Кейнс рассчитывает на американское «благородство»! На этот счет мы разойдемся во взглядах с Кейнсом и с другими мешанскими пацифистами. Мы думаем, что для аннулирования долгов придется им подождать чего-нибудь иного и поработать в каком-нибудь ином направлении, а не в направлении расчетов на «благородство» господ капиталистов.

Из этих самых кратких цифр видно, что империалистская война создала также и для стран-победительниц положение невозможное. На это указывает и громадное несоответствие между заработной платой и ростом цен. Верховный Экономический Совет, который представляет из себя учреждение, защищающее буржуазный порядок всего мира от растущей революции, 8 марта текущего года вынес резолюцию, заканчивающуюся призывом к порядку, трудолюбию и бережливости, конечно, при условии, что рабочие останутся рабами капитала. Этот Верховный Экономический Совет, орган Антанты, орган капиталистов всего мира, подвел такие итоги.

Цены продуктов повысились в среднем в Соединенных Штатах Америки на 120%, а заработная плата возросла там только на 100%. В Англии—продукты на 170%, заработная плата на 130%. Во Франции цены продуктов—на 300%, заработная плата на 200%. В Японии—продукты на 130%, заработная плата на 60% (я сопоставляю цифры тов. Брауна в его названной выше брошюре и цифры Верх. Экон. Совета из газеты «Таймс», от 10 марта 1920 года).

Ясное дело, что при таком положении рост возмущения рабочих, рост революционных настроений и идей, рост стихийных массовых стачек неизбежен. Ибо положение рабочих становится невыносимым. Рабочие убеждаются на опыте, что капиталисты безмерно нажились на войне и сваливают расходы и долги на плечи рабочих. Недавно телеграф сообщил нам, что Америка хочет выслать к нам, в Россию, еще 500 коммунистов, чтобы избавиться от «вредных агитаторов».

Если бы даже Америка не 500, а целых 500.000 русских, американских, японских, французских «агитаторов» выслала к нам, то дело не изменится, ибо останется это несоответствие цен, с которым они поделаться ничего не могут. А поделаться они ничего не могут потому, что частная собственность у них строжайше охраняется, у них она «священна». Этого не надо забывать, ибо частная собственность эксплуататоров разрушена только в России. С этим несоответствием цен капиталисты ни-

чего поделаться не могут, а рабочие при старой заработной плате жить не могут. Против этого бедствия никакими старыми методами ничего не поделаешь, никакие отдельные стачки, ни парламентская борьба, ни голосование сделать ничего не могут, ибо «частная собственность священна», и капиталисты накопили такие долги, что весь мир закабален у кучки людей; а между тем, условия жизни рабочих становятся все более и более невыносимыми. Выхода нет, кроме уничтожения «частной собственности» эксплуататоров.

Тов. Лапинский в своей брошюре «Англия и мировая революция», из которой наш «Вестник Народного Комиссариата Иностранных Дел» в феврале 1920 года опубликовал ценные извлечения, указывает, что в Англии вывозные цены на уголь оказались вдвое большими, чем предполагали официальные промышленные круги.

В Ланкашире дошло до того, что рост ценности акций определился в 400%. Доход банков составляет 40—50% минимум, причем надо еще отметить, что при определении дохода банков все банковые деятели умеют львиную часть дохода проводить тайком, таким образом, что это не называется доходом, а прячется под видом наградных, таньем и т. п. Так что и тут бесспорные экономические факты показывают, что богатство ничтожной кучки людей возросло невероятно, неслыханная роскошь переходит все пределы, а в то же время нужда рабочего класса все усиливается. В особенности надо отметить еще то обстоятельство, которое чрезвычайно наглядно подчеркнул тов. Леви в своем названном выше докладе: это—изменение ценности денег. Деньги везде обесценились, вследствие долгов, выпуска бумажных денег и т. д. Тот же самый буржуазный источник, который я уже назвал, именно заявление Верховного Экономического Совета от 10 марта 1920 года, приводит расчет, что в Англии понижение ценности денег, по сравнению с долларами, составляет приблизительно одну треть; во Франции и Италии—две трети; а в Германии доходит до 96%.

Этот факт показывает, что механика мирового капиталистического хозяйства распадается целиком. Тех торговых отношений, на которых держится при капитализме получение сырья и сбыт продуктов, нет возможности продолжать; нет возможности продолжать их именно на почве подчинения целого ряда стран одной стране—в силу изменения стоимости денег. Ни одна богатейшая страна не имеет возможности существовать и не имеет возможности торговать, потому что она не может продавать своих продуктов, не может получить сырья.

И, таким образом, получается, что та же Америка, богатей-

шая страна, которой подчинены все страны, не может покупать и продавать. И тот же Кейнс, прошедший огонь и воду и медные трубы Версальских переговоров, вынужден признать эту невозможность, несмотря на всю его непреклонную решимость защищать капитализм, несмотря на всю его ненависть к большевизму. Кстати сказать, я не думаю, чтобы хоть одно коммунистическое или вообще революционное воззвание могло по своей силе сравниться с теми страницами у Кейнса, где он рисует Вильсона и «вильсонизм» на практике. Вильсон был идолом мещан и пацифистов, вроде Кейнса и ряда героев II Интернационала и даже Интернационала «два с половиной», которые молились на «14 пунктов» и писали даже «ученые» книги о «корнях» политики Вильсона, надеясь, что Вильсон спасет «социальный мир», помирит эксплуататоров с эксплуатируемыми, осуществит социальные реформы. Кейнс разоблачил наглядно, как Вильсон оказался дурачком, и все эти иллюзии разлетелись в прах при первом же соприкосновении с деловой, дебоческой, купцовской политикой капитала в лице господ Клемансо и Ллойд-Джорджа. Рабочие массы видят теперь все яснее из опыта своей жизни, а ученые педанты могли бы видеть даже из книги Кейнса, что «корни» политики Вильсона сводились только к поповской глупости, к мелкобуржуазной фразе, к полному непониманию борьбы классов.

В силу всего этого совершенно неизбежно, естественно вытекают два условия, два коренных положения. С одной стороны нужда, разорение масс возросли неслыханно, и прежде всего по отношению к $1\frac{1}{4}$ миллиарда людей, т.-е. 70% всего населения земли. Это—страны колониальные, зависимые, с юридически бесправным населением, страны, на которые выдан «мандат» финансовым разбойникам. Да, кроме того, рабство побежденных стран закрепил Версальский договор и те тайные договоры, которые существуют по отношению к России, правда, в силе своей иногда столь же реальные, как и бумажки, на которых написано, что мы должны столько-то миллиардов. Мы имеем в мировой истории первый случай юридического закрепления грабежа, рабства, зависимости, нищеты и голода по отношению к миллиарду с четвертью людей.

А с другой стороны, в каждой из стран, которые оказались кредиторами, рабочие оказались в положении невыносимом. Война принесла неслыханное обострение всех капиталистических противоречий; в этом источник того глубочайшего революционного брожения, которое разрастается, ибо на войне люди были поставлены в условия военной дисциплины, были брошены на смерть, или поставлены под угрозу немедленной

военной расправы. Условия войны не давали возможности посмотреть на экономическую действительность. Писатели, поэты, поэты, вся печать шли на дело прославления войны и только. Теперь, когда война кончилась, начались разоблачения. Разоблачен германский империализм с его Брест-Литовским миром. Разоблачен Версальский мир, который должен был быть победой империализма, а оказался его поражением. Пример Кейнса показывает, между прочим, как десятки и сотни тысяч людей из мелкой буржуазии, из интеллигентов, из числа просто скольконибудь развитых, грамотных людей в Европе и Америке должны были пойти по этой дорожке, по которой пошел Кейнс, который вышел в отставку и бросил своему правительству в лицо книгу, это правительство избличающую. Кейнс показал, что происходит и произойдет в сознании тысяч и сотен тысяч людей, когда они поймут, что все эти речи о «войне за свободу» и т. п. были сплошным обманом, что в результате обогатилось только незначительное число, а остальные разорились и попали в кабалу. Ведь, буржуа Кейнс говорит, что англичане должны для спасения своей жизни, для спасения английского хозяйства добиться, чтобы между Германией и Россией возобновились свободные торговые отношения! Каким же образом можно этого добиться? Таким образом, что аннулировать все долги, как предлагает Кейнс! Это—идея не одного только ученого экономиста Кейнса. К этой идее приходят и придут миллионы. И миллионы людей слышат, что буржуазные экономисты говорят, что выхода нет, кроме аннулирования долгов, а поэтому—де «проклятие большевикам» (которые долги аннулировали) и давайте обратимся к «благородству» Америки!! Я думал, что таким экономистам-агитаторам за большевизм следовало бы от имени съезда Коммунистического Интернационала послать благодарственный адрес.

Если, с одной стороны, экономическое положение масс оказалось невыносимым, если, с другой стороны, среди ничтожного меньшинства всемогущих стран-победительниц начался и усиливается распад, иллюстрируемый Кейнсом, то мы видим налицо как раз нарастание обоих условий мировой революции.

Мы имеем теперь перед глазами несколько более полную картину всего мира. Мы знаем, что такое означает эта зависимость от горстки богачей миллиарда с четвертью людей, которые поставлены в условия невозможного существования. А с другой стороны, когда преподнесли народам договор Лиги наций, по которому Лигой наций объявляется, что она прекратила войны и отныне не позволит никому нарушать мир, когда этот договор, как последняя надежда трудящихся масс

во всем мире, вступил в действие, это оказалось величайшей победой для нас. Когда он еще не вступал в действие, тогда говорили: нельзя такую страну, как Германия, не подчинять особым условиям; вот когда будет договор, увидите, как это хорошо выйдет. И, когда договор был опубликован, ярые противники большевизма должны были отречься от него! Когда договор начал вступать в действие, оказалось, что ничтожную группу богатейших стран, эту «толстую четверку»—Клемансо, Ллойд-Джорджа, Орландо и Вильсона—посадили устраивать новые отношения! Когда пустили в ход машину договора, она привела к полному распаду!

Это мы видели на войнах против России. Слабая, разоренная, подавленная Россия, самая отсталая страна в ряду всех наций, в ряду союза богатых, могущественных держав, которые господствуют над всей землей, оказывается победительницей. Мы не могли противопоставить хоть сколько-нибудь равной силы, а оказались победителями. Почему? Потому что между ними не было ни тени единства, потому что одна держава действовала против другой. Франции хотелось, чтобы Россия заплатила ей долги и была грозной силой против Германии; Англии хотелось дележа России, Англия пробовала захватить бакинскую нефть и заключить договор с окраинными государствами России. И в английских официальных документах есть книга, где перечисляются с чрезвычайной добросовестностью все государства (их насчитали 14), которые пообещали с полгода тому назад, в декабре 1919 г., взять Москву и Петроград. На этих государствах Англия строила свою политику, давала им займы миллионы и миллионы. Но теперь все эти расчеты крахнули, и все займы лопнули.

Вот положение, которое создала Лига наций. Каждый день существования этого договора есть лучшая агитация за большевизм. Ибо самые могущественные сторонники капиталистического «порядка» показывают, что по каждому вопросу они подставляют друг другу ножку. Из-за дележа Турции, Персии, Месопотамии, Китая идет бешеная грызня между Японией, Англией, Америкой и Францией. Буржуазная пресса этих стран полна самых бешеных нападок, самых озлобленных выступлений против своих «коллег» за то, что они вырывают из-под носа добычу. Мы видим полный распад наверху среди этой кучки ничтожнейшего числа богатейших стран. Невозможно миллиарду с четвертью людей жить так, как хочет их поработить «передовой» и цивилизованный капитализм, а ведь это 70% населения земли. А ничтожнейшая кучка богатейших держав, Англия, Америка, Япония (Япония имела возможность грабить

восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может), эти 2—3 страны не в состоянии наладить экономические отношения и направляют свою политику к срыву политики своих участников и партнеров по Лиге наций. Отсюда вытекает мировой кризис. И эти экономические корни кризиса являются основной приметой того, почему Коммунистический Интернационал одерживает блестящие успехи.

Товарищи, мы подошли теперь к вопросу о революционном кризисе, как основе нашего революционного действия. И тут надо, прежде всего, отметить две распространенные ошибки. С одной стороны, буржуазные экономисты изображают этот кризис как простое «беспокойство», по изящному выражению англичан. С другой стороны, иногда революционеры стараются доказать, что кризис абсолютно безвыходный.

Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплуатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплуатируемых. Пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции.

Для подготовки этого «доказательства» и собрались мы, главным образом, на настоящий конгресс Коммунистического Интернационала.

В пример того, до какой степени господствует еще оппортунизм среди партий, желающих примкнуть к III Интернационалу, до какой степени далека еще работа иных партий от подготовки революционного класса к использованию революционного кризиса, я приведу вождя английской «Независимой рабочей партии», Рамзая Макдональда. В своей книге «Парламент и революция», посвященной как раз коренным вопросам, занимающим теперь и нас, Макдональд описывает положение дел приблизительно в духе буржуазных пацифистов. Он при-

знает, что революционный кризис есть, что революционное настроение растет, что рабочие массы сочувствуют Советской власти и диктатуре пролетариата (заметьте: речь идет об Англии), что диктатура пролетариата лучше, чем теперешняя диктатура английской буржуазии.

Но Макдональд остается насквозь буржуазным пацифистом и соглашателем, мелким буржуа, мечтающим о внеклассовом правительстве. Макдональд признает классовую борьбу только как «описательный факт», подобно всем лгунам, софистам и педантам буржуазии. Макдональд проходит молчаливым опытом Керенского и меньшевиков с эс-эрами в России, однородный опыт Венгрии, Германии и т. д. насчет создания «демократического» и, будто бы, внеклассового правительства. Макдональд усыпляет свою партию и тех рабочих, которые имеют несчастье принимать этого буржуа за социалиста и этого филистера за вождя, словами: «Мы знаем, что это (т.-е. революционный кризис, революционное брожение) пройдет, уляжется». Война-де неизбежно вызвала кризис, но после войны, хотя бы и не сразу, «все уляжется»!

И так пишет человек, являющийся вождем партии, желающей примкнуть к III Интернационалу. Мы имеем здесь редкое по откровенности и тем более ценное разоблачение того, что наблюдается не менее часто на верхах французской социалистической и германской независимой с.-д. партий, именно: не только неуменье, но и нежелание использовать в революционном смысле революционный кризис, или, другими словами, неуменье, и нежелание вести действительно революционную подготовку партии и класса к диктатуре пролетариата.

Это—основное зло очень и очень многих партий, ныне отходящих от II Интернационала. И именно поэтому я больше всего останавливаюсь на тех тезисах, которые я предложил настоящему конгрессу, на возможно более конкретном и точном определении задач подготовки к диктатуре пролетариата.

Еще один пример. Недавно опубликована новая книга против большевизма. Книг такого рода выходит теперь в Европе и Америке необыкновенно много, и, чем больше выходит книг против большевизма, тем сильнее и быстрее растут в массах симпатии к нему. Я имею в виду книгу Отто Бауэра: «Большевизм или социал-демократия?». Здесь для немцев наглядно показано, что такое меньшевики, позорная роль которых в русской революции достаточно понятна рабочим всех стран. Отто Бауэр дал насквозь меньшевистский памфлет, хотя и скрыл свое сочувствие меньшевизму. Но в Европе и Америке необходимо теперь распространить более точное знание того,

что такое меньшевизм, ибо это есть родовое понятие для всех якобы социалистических, социал-демократических и т. п. направлений, враждебных большевизму. Нам, русским, было бы скучно писать для Европы о том, что такое меньшевизм. Отто Бауэр показал это на деле в своей книге, и мы заранее благодарим буржуазных и оппортунистических издателей, которые будут издавать ее и переводить на разные языки. Книга Бауэра будет полезным, хотя и своеобразным дополнением к учебникам коммунизма. Возьмите любой параграф, любое рассуждение у Отто Бауэра и докажите, в чем тут меньшевизм, где тут корни взглядов, ведущих к практике предателей социализма, друзей Керенского, Шейдемана и т. д.—такова будет задача, которую с пользой и с успехом можно бы предлагать на «экзаменах» для проверки того, усвоен ли коммунизм. Если вы этой задачи решить не можете, вы еще не коммунист, и вам лучше не входить в коммунистическую партию.

Отто Бауэр превосходно выразил всю суть взглядов всемирного оппортунизма в одной фразе, за которую,—если бы мы свободно распоряжались в Вене,—мы должны были бы поставить ему при жизни памятник. Применение насилия в классовой борьбе современных демократий—изрек О. Бауэр—было бы «насилием над социальными факторами силы».

Вероятно, вы найдете, что это звучит странно и непонятно? Вот образец того, до чего довели марксизм, до какой пошлости и защиты эксплуататоров можно довести самую революционную теорию. Нужна немецкая разновидность мещанства, и вы получите «теорию», что «социальные факторы силы», это—число, организованность, место в процессе производства и распределения, активность, образование. Если батрак в деревне, рабочий в городе совершает революционное насилие над помещиком и капиталистом, это вовсе не есть диктатура пролетариата, вовсе не насилие над эксплуататорами и угнетателями народа. Ничего подобного. Это—«насилие над социальными факторами силы».

Может быть, мой пример вышел немного юмористическим. Но такова уж натура современного оппортунизма, что его борьба с большевизмом превращается в юмористику. Втянуть рабочий класс, все, что есть мыслящего в нем, в борьбу интернационального меньшевизма (Макдональдов, О. Бауэров и К⁰) с большевизмом,—дело для Европы и Америки самое полезное, самое настоящее.

Тут мы должны поставить вопрос, чем объясняется прочность таких направлений в Европе, и почему этот оппортунизм в Западной Европе сильнее, чем у нас. Да потому, что пере-

довые страны создали и создают свою культуру возможностью жить за счет миллиарда угнетенных людей. Потому что капиталисты этих стран получают много сверх того, что они могли бы получить, как прибыль от грабежа рабочих своей страны.

До войны считали, что три богатейших страны, Англия, Франция и Германия, от одного только вывоза капитала за границу, не считая других доходов, имеют в год 8—10 миллиардов франков дохода.

Понятно, что из этой милой суммы можно бросить хотя бы полмиллиарда на подачку рабочим вождям, рабочей аристократии, на всякие виды подкупа. Все дело сводится именно к подкупу. Это делается тысячами разнообразных путей: повышением культуры в наиболее крупных центрах, созданием образовательных учреждений, созданием тысячи местечек для вождей кооперативов, для вождей трэд-юнионов, парламентских вождей. Но это делается везде, где есть современные цивилизованные капиталистические отношения. И эти миллиарды сверхприбыли— есть экономическая основа, на которой держится оппортунизм в рабочем движении. Мы имеем в Америке, в Англии, во Франции неизмеримо более сильное упорство оппортунистических вождей, верхушки рабочего класса, аристократии рабочих; они оказывают более сильное сопротивление коммунистическому движению. И поэтому мы должны быть готовы к тому, что освобождение европейских и американских рабочих партий от этой болезни пойдет труднее, чем у нас. Мы знаем, что со времени основания III Интернационала в деле излечения этой болезни сделаны громаднейшие успехи, но до решительного конца мы еще не дошли: очищение рабочих партий, революционных партий пролетариата во всем мире от буржуазного влияния, от оппортунистов в их собственной среде далеко еще не закончилось.

Я не буду останавливаться на том, как конкретно мы должны это провести. Об этом говорится в моих тезисах, которые опубликованы. Мое дело—указать здесь на глубокие экономические корни этого явления. Болезнь эта затянулась, излечение ее затянулось дольше, чем оптимисты могли надеяться. Оппортунизм—наш главный враг. Оппортунизм в верхах рабочего движения это—социализм не пролетарский, а буржуазный. Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению,—лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться. Это доказывает не только история режима Керенского в России, это дока-

зывается демократической республикой в Германии, с ее социал-демократическим правительством во главе, это доказывается отношением Альбера Тома к своему буржуазному правительству. Это доказывает аналогичный опыт в Англии и в Соединенных Штатах. Здесь наш главный враг, и нам надо над этим врагом одержать победу. Нам надо уйти с конгресса с твердым решением, чтобы во всех партиях эту борьбу довести до конца. Это главная задача.

По сравнению с этой задачей, исправление ошибок «левого» течения в коммунизме будет задачей легкой. В целом ряде стран мы наблюдаем антипарламентаризм, который не столько приносится выходцами из мелкой буржуазии, сколько поддерживается некоторыми передовыми отрядами пролетариата из ненависти к старому парламентаризму, из законной, правильной, необходимой ненависти к поведению парламентских деятелей в Англии, во Франции, в Италии, во всех странах. Надо дать руководящие указания от Коммунистического Интернационала, познакомить товарищей ближе, теснее с русским опытом, со значением настоящей пролетарской политической партии. В решении этой задачи будет состоять наша работа. И борьба с этими ошибками пролетарского движения, с этими недостатками в тысячу раз будет легче, чем борьба с той буржуазией, которая под видом реформистов входит в старые партии II Интернационала и направляет всю их работу не в пролетарском, а в буржуазном духе.

Товарищи, я, в заключение, остановлюсь еще на одной стороне дела. Здесь товарищ председатель говорил о том, что конгресс заслуживает названия всемирного. Я думаю, что он прав потому в особенности, что мы имеем здесь не мало представителей революционного движения колониальных, отсталых стран. Это только слабое начало, но важно уже то, что это начало положено. Объединение революционных пролетариев капиталистических, передовых стран с революционными массами тех стран, где пролетариата нет или почти нет, с угнетенными массами колониальных, восточных стран, это объединение на настоящем конгрессе происходит. От нас зависит,—я уверен, что мы это сделаем,—это объединение закрепить. Всемирный империализм должен пасть, когда революционный натиск эксплуатируемых и угнетенных рабочих внутри каждой страны, побеждая сопротивление мещанских элементов и влияние ничтожной верхушки рабочей аристократии, соединится с революционным натиском сотен миллионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории, рассматривалось только как ее объект.

Империалистская война помогла революции, буржуазия вырвала из колоний, из отсталых стран, из заброшенности, солдат для участия в этой империалистской войне. Английская буржуазия внушала солдатам из Индии, что дело индусских крестьян защищать Великобританию от Германии, французская буржуазия внушала солдатам из французских колоний, что дело чернокожих защищать Францию. Они учили уменью владеть оружием. Это чрезвычайно полезное умение, и мы за это буржуазию глубочайше могли бы благодарить,—благодарить от имени всех русских рабочих и крестьян и от имени всей русской Красной армии, особенно. Империалистская война втянула зависимые народы в мировую историю. И одна из важнейших наших задач теперь—подумать над тем, как положить первый камень организации советского движения в некапиталистических странах. Советы там возможны; они будут не рабочими, они будут крестьянскими Советами или Советами трудящихся.

Потребуется много работы, будут неизбежны ошибки, много трудностей встретится на этом пути. Основная задача II конгресса—выработать или наметить практические начала, чтобы работа, которая до сих пор шла среди сотен миллионов людей неорганизованно, пошла бы организованно, сплоченно, систематично.

Через год, немногим больше, после I конгресса Коммунистического Интернационала, мы выступаем теперь победителями по отношению ко II Интернационалу; советские идеи распространены теперь не только среди рабочих цивилизованных стран, не только им понятны и известны; рабочие во всех странах смеются над умниками, среди которых не мало таких, которые называют себя социалистами и которые рассуждают ученым или почти ученым образом о советской «системе», как любят выражаться систематические немцы, или о советской «идее», как выражаются английские «гильдейские» социалисты; эти рассуждения о советской «системе» и «идее» засоряют нередко рабочим глаза и умы. Но рабочие отметают этот педантский сор прочь и берутся за то оружие, которое Советы дали. Понимание роли и значения Советов распространилось теперь и на страны Востока.

Начало советскому движению положено на всем Востоке, во всей Азии, среди всех колониальных народов.

То положение, что эксплуатируемый должен восстать против эксплуататора и создать свои Советы, не слишком сложно. Оно после нашего опыта, после двух с половиной лет Советской республики в России, после I конгресса III Интернаци-

онала, становится доступным сотням миллионов угнетенных эксплуататорами масс во всем мире, и если мы теперь в России нередко вынуждены заключать компромиссы, выжидать время, ибо мы слабее, чем международные империалисты, то мы знаем, что миллиард с четвертью населения является той массой, интересы которой защищаем мы. Нам пока мешают те рогатки, те предрассудки, то невежество, которое с каждым часом уходит в прошлое, но мы, чем дальше, тем больше, представляем и защищаем на деле эти 70% населения земли, эту массу трудящихся и эксплуатируемых. Мы можем с гордостью сказать: на первом конгрессе мы были, в сущности, только пропагандистами, мы только бросали пролетариату всего мира основные идеи, мы только бросали призыв к борьбе, мы только спрашивали: где люди, которые способны пойти по этому пути? Теперь у нас есть везде передовой пролетариат. Есть везде, хотя иногда и плохо организованная, требующая переорганизации пролетарская армия, и если наши международные товарищи помогут нам теперь организовать единую армию, то никакие недочеты не помешают нам наше дело сделать. Это дело есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики.

Соч., т. XXV, стр. 321—326.

РЕЧЬ О РОЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ 23 ИЮЛЯ

Товарищи, я хотел бы сделать несколько замечаний, имеющих отношение к речам гг. Теннера и Мак-Лейна. Теннер говорит, что он стоит за диктатуру пролетариата, но диктатура пролетариата представляется не совсем такою, какою ее представляем себе мы. Он говорит, что мы понимаем под диктатурой пролетариата в сущности диктатуру его организованного и сознательного меньшинства.

И действительно, в эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются непрерывной эксплуатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих политических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. Политическая партия может объединить лишь меньшинство класса, так же, как действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих. Поэтому мы вынуждены признать, что лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собою. И если т. Теннер говорит, что он враг партии, но в то же время за то, чтобы меньшинство лучше всего организованных и наиболее революционных рабочих указывало путь всему пролетариату, то я говорю, что разницы между нами в действительности нет. Что представляет собой организованное меньшинство? Если это меньшинство действительно сознательно, если оно умеет вести за собой массы, если оно способно ответить на каждый вопрос, становящийся в порядок дня,—тогда оно, в сущности, является партией. И если такие товарищи, как Теннер, с которыми мы особенно считаемся, как с представителями массового движения,—чего нельзя без натяжки сказать о представителях Британской социалистической партии,—если эти товарищи стоят за то, чтобы существовало меньшинство, которое организовано боролось бы за диктатуру и которое воспитывало бы в

этом направлении рабочие массы, то, в сущности, такое меньшинство есть не что иное, как партия. Тов. Теннер говорит, что это меньшинство должно организовать и вести за собой всю рабочую массу. Если тов. Теннер и другие товарищи из группы шоп-стюарт и союза Индустриальных рабочих мира (I. W. W.) это признают,—а каждый день мы в беседах с ними видим, что они действительно это признают,—если они одобряют такое положение, когда сознательное коммунистическое меньшинство рабочего класса ведет за собой пролетариат, то они должны согласиться и с тем, что смысл всех наших резолюций именно таков. Единственное различие, которое существует между нами, заключается в своего рода недоверии, которое английские товарищи питают к политической партии. Они представляют себе политические партии не иначе, как наподобие Гомперса и Гендерсона, или партию парламентских дельцов, изменников делу рабочего класса. И если они представляют себе парламентаризм именно таким, каким в настоящее время является парламентаризм английский и американский, то мы также являемся врагами подобного парламентаризма и подобных политических партий. Нам нужны новые партии, партии иные. Нам нужны такие партии, которые находились бы постоянно в действительной связи с массами и которые умели бы этими массами руководить.

Я перехожу к третьему вопросу, который я хотел здесь затронуть в связи с речью т. Мак-Лейна. Он является сторонником слияния английской коммунистической партии с Рабочей партией. Я уже высказался по этому вопросу в моих тезисах о допущении в III Интернационал*. Я оставил этот вопрос открытым, но, поговорив со многими товарищами, я пришел к убеждению, что решение остаться в рядах Рабочей партии является действительно правильным решением. И теперь, когда тов. Мак-Лейн говорит нам: не будьте слишком догматичны,—это выражение кажется мне совсем уместным. Тов. Рамзай говорит: позвольте нам, английским коммунистам, самим решить этот вопрос. Чем же был бы Интернационал, если бы всякая маленькая фракция приходила бы и говорила: некоторые из нас стоят за это, некоторые—против; предоставьте нам решить самим? Зачем бы тогда понадобились Интернационал, конгресс и вся эта дискуссия? Тов. Мак-Лейн говорил лишь о роли политической партии. Но ведь то же самое относится и к профессиональным союзам и к парламентаризму. Совершенно верно, что большая часть лучших

---

* См. выше, стр. 72—77. *Ред.*

революционеров против присоединения к Рабочей партии, так как они отрицательно относятся к парламентаризму, как средству борьбы. Поэтому лучше всего перенести этот вопрос в комиссию, где он должен быть во всяком случае обсужден и решен именно на данном конгрессе III Интернационала. Мы не можем согласиться с тем, что он касается только коммунистов. Мы должны сказать вообще, какая тактика является правильной.

Теперь я остановлюсь на некоторых аргументах тов. Мак-Лейна, в связи с вопросом об английской Рабочей партии. Нужно говорить открыто: партия коммунистов может соединиться с Рабочей партией только при условии, если она сохранит полную свободу критики и сможет вести свою собственную политику. Это является весьма важным условием: когда тов. Серрати говорит по этому поводу о сотрудничестве классов, то я заявляю, что этого сотрудничества здесь не будет. Если итальянские товарищи оставляют в своей партии оппортунистов вроде Турати и К^о, т.-е. буржуазные элементы, то это, действительно, есть сотрудничество классов. Но в данном случае, в отношении к английской Рабочей партии дело идет лишь о сотрудничестве передового меньшинства английских рабочих с их подавляющим большинством. Члены Рабочей партии, это—все члены профессиональных союзов. Это очень оригинальная структура, которой мы не находим ни в какой другой стране. Эта организация охватывает 6 или 7 миллионов рабочих из всех профессиональных союзов. Их не спрашивают о том, каковы их политические убеждения. Пусть докажет мне тов. Серрати, что нам кто-нибудь мешает использовать там право критики. Когда вы это докажете, только тогда вы докажете, что тов. Мак-Лейн ошибается. Британская социалистическая партия может вполне свободно говорить, что Гендерсон предатель, и тем не менее оставаться в рядах Рабочей партии. И здесь осуществляется сотрудничество авангарда рабочего класса с отсталыми рабочими, с арьергардом. Это сотрудничество имеет настолько большое значение для всего движения, что мы категорически настаиваем на том, чтобы английские коммунисты являлись связующим звеном между партией, т.-е. меньшинством рабочего класса, и всей остальной массой рабочих. Если меньшинство не умеет руководить массами, тесно связаться с ними, то оно не является партией и вообще ничего не стоит, хотя бы оно называло себя партией или национальным комитетом Советов фабричных старост,—насколько я знаю, Советы фабрично-заводских старост в Англии имеют свой национальный комитет.

До тех пор, пока противное не будет доказано, мы можем сказать, что английская Рабочая партия состоит из пролетариев, и что, оставаясь в ее рядах, мы сможем осуществлять сотрудничество авангарда рабочего класса с рабочими отсталыми. Если это сотрудничество не будет систематически осуществляться, тогда коммунистическая партия ничего не стоит, и тогда не может быть речи ни о какой диктатуре пролетариата. И если наши итальянские товарищи не имеют более убедительных аргументов, то мы должны будем позднее здесь окончательно решить вопрос на основании того, что мы знаем, и—придем к заключению, что вхождение является правильной тактикой.

Товарищи Теннер и Рамзай говорят нам, что большинство английских коммунистов не согласятся на объединение, но должны ли мы непременно соглашаться с большинством? Со всем нет. Если оно не поняло еще, какая тактика правильна, быть может, можно выждать. Даже параллельное существование двух партий на некоторое время было бы лучше, чем отказ от ответа на то, какая тактика правильна. Конечно, исходя из опыта всех членов конгресса, на основании приведенных здесь аргументов, вы не будете настаивать на том, чтобы мы здесь же вынесли постановление о немедленном создании во всех странах единой коммунистической партии. Это невозможно. Но сказать здесь откровенно наше мнение, дать директивы мы можем. Мы должны вопрос, затронутый английской делегацией, изучить в специальной комиссии и после этого сказать: правильная тактика, это—вхождение в Рабочую партию. Если большинство будет против этого, мы должны организовать меньшинство отдельно. Это будет иметь воспитательное значение. Если английские рабочие массы все еще верят в прежнюю тактику, мы проверим наши выводы на ближайшем конгрессе. Но мы не можем сказать, что этот вопрос касается лишь Англии,—это было бы подражанием самым худшим привычкам II Интернационала. Мы должны открыто высказать свое мнение. Если английские коммунисты не придут к соглашению, и если массовая партия не создана, то раскол так или иначе неизбежен.

ДОКЛАД КОМИССИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ 26 ИЮЛЯ

Товарищи, я ограничусь лишь кратким введением, а затем тов. Маринг, бывший секретарем нашей комиссии, представит вам подробный доклад о тех изменениях, которые мы сделали в тезисах. После него возьмет слово тов. Рой, формулировавший дополнительные тезисы. Комиссия наша приняла единогласно как первоначальные тезисы с изменениями, так и дополнительные. Таким образом нам удалось прийти к полному единодушию по всем важнейшим вопросам. Теперь сделаю несколько кратких замечаний.

Во-первых, что является самой важной, основной идеей наших тезисов? Различие между угнетенными и угнетающими народами. Мы подчеркиваем это различие—в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии. Для пролетариата и Коммунистического Интернационала особенно важно в эпоху империализма констатировать конкретные экономические факты и при решении всех колониальных и национальных вопросов исходить не из абстрактных положений, а из явлений конкретной действительности.

Характерная черта империализма состоит в том, что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой. Громадное большинство, насчитывающее больше миллиарда, по всей вероятности, миллиард с четвертью человек, если мы примем численность всего населения земли в один и три четверти миллиарда, т.-е. около 70% населения земли, принадлежит угнетенным народам, которые или находятся в непосредственной колониальной зависимости, или относятся к окраинным колониальным государствам, как, напр., Персия, Турция, Китай, или же, будучи побеждены армией крупной империалистской державы, по договорам оказались в зависимости от нее. Эта идея различия, разделения народов

на угнетающих и угнетенных проходит через все тезисы, не только через первые, появившиеся с моею подписью* и напечатанные ранее, но и через тезисы тов. Роя. Последние написаны главным образом с точки зрения положения Индии и других крупных народностей, угнетаемых Англией, и в этом заключается их важнейшее значение для нас.

Вторая руководящая мысль наших тезисов заключается в том, что при теперешнем мировом положении, после империалистской войны взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистских наций с советским движением и советскими государствами, во главе которых стоит Советская Россия. Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национального или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира. Только став на эту точку зрения, коммунистические партии могут правильно поставить любой политический вопрос, относящийся к цивилизованным или отсталым странам, и дать ответ на этот вопрос.

В-третьих, мне хотелось бы особенно подчеркнуть вопрос о буржуазно-демократическом движении в отсталых странах. Именно этот вопрос вызвал некоторые разногласия. Мы спорили о том, будет ли принципиально и теоретически правильным заявить, что Коммунистический Интернационал и коммунистические партии должны поддерживать буржуазно-демократическое движение в отсталых странах, или нет; в результате этой дискуссии мы пришли к единогласному решению о том, чтобы вместо «буржуазно-демократического» движения говорить о национально-революционном движении. Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое националистическое движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений. Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в таких странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах. Но тут приводились возражения, что если мы будем говорить о буржуазно-демократическом движении, то сотрется всякое различие между реформистским и революционным движением. А между тем различие это за последнее время в отсталых и колониальных странах проявилось с полной

---

* См. выше, стр. 78—84. *Ред.*

яностью, ибо империалистическая буржуазия всеми силами старается насадить реформистское движение и среди угнетенных народов. Между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто—пожалуй, даже в большинстве случаев—буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальные движения, в то же время, в согласии с империалистической буржуазией, т.-е. вместе с нею, борется против всех революционных движений и революционных классов. В комиссии это было неопровержимо доказано, и мы сочли единственно правильным принять во внимание это различие и почти всюду заменить выражение «буржуазно-демократический» выражением «националистически-революционный». Смысл этой замены тот, что мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых. Если же нет налицо и этих условий, то коммунисты должны в этих странах бороться против реформистской буржуазии, к которой принадлежат и герои II Интернационала. Реформистские партии уже существуют в колониальных странах, и иногда их представители называют себя социал-демократами и социалистами. Упомянутое различие проведено теперь во всех тезисах, и я думаю, что благодаря этому наша точка зрения формулирована теперь гораздо точнее.

Затем я хотел еще сделать замечание о крестьянских Советах. Практическая работа русских коммунистов в колониях, принадлежавших раньше царизму, в таких отсталых странах, как Туркестан и проч., поставила перед нами вопрос о том, каким образом применять коммунистическую тактику и политику в докапиталистических условиях, ибо важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения, и поэтому там не может быть и речи о чисто пролетарском движении. В этих странах почти нет промышленного пролетариата. Несмотря на это, мы и там взяли на себя и должны взять на себя роль руководителей. Наша работа показала нам, что в этих странах приходится преодолевать колоссальные трудности, но практические результаты нашей работы показали также, что, несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата. Эта работа была труднее для нас, чем для товарищей из западно-

европейских стран, так как пролетариат в России завален государственной работой. Вполне понятно, что крестьяне, находящиеся в полу-феодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле. Ясно также, что угнетенные массы, эксплуатируемые не только купеческим капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе, могут применять это оружие, этот вид организации и в своих условиях. Идея советской организации проста, и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полу-феодальным отношениям. Наш опыт в этой области пока еще не очень велик, но дебаты в комиссии, в которых принимало участие несколько представителей колониальных стран, доказали нам с полной неопровержимостью, что в тезисах Коммунистического Интернационала необходимо указать на то, что крестьянские Советы, Советы эксплуатируемых, являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями, и что безусловным долгом коммунистических партий и тех элементов, которые примыкают к ним, является пропаганда идеи крестьянских Советов, Советов трудящихся всюду и везде, и в отсталых странах и в колониях; и там они должны стараться, насколько позволяют условия, создавать Советы трудящегося народа.

Здесь перед нами открывается очень интересная и важная область практической работы. Пока еще наш общий опыт в этом отношении не особенно велик, но мало-по-малу у нас будет накапливаться все больше и больше материалов. Не может быть никаких споров о том, что пролетариат передовых стран может и должен помочь отсталым трудящимся массам, и что развитие отсталых стран может выйти из своей нынешней стадии, когда победоносный пролетариат Советских республик протянет руку этим массам и сможет оказать им поддержку.

По этому вопросу в комиссии велись довольно оживленные дебаты не только в связи с тезисами, подписанными мною, но еще более в связи с тезисами тов. Роя, которые он здесь будет защищать и к которым некоторые поправки были единогласно приняты.

Постановка вопроса была следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую

пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских Советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Какие средства для этого необходимы,—заранее указать невозможно. Нам подскажет это практический опыт. Но установлено определенно, что всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов, что эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя и что работа коммунистической партии в этом направлении должна начаться немедленно во всем мире.

Я еще хотел бы отметить значение революционной работы коммунистических партий не только в их собственной стране, но также среди войск, которыми пользуются эксплуатирующие нации, чтобы держать в подчинении народности своих колоний.

Тов. Квелч, из Британской социалистической партии, говорил об этом в нашей комиссии. Он указал, что рядовой английский рабочий счел бы за измену помогать порабощенным народам в их восстаниях против английского владычества. Верно, что настроенная джингоистски и шовинистически рабочая аристократия Англии и Америки представляет собою величайшую опасность для социализма и сильнейшую опору II Интернационала, что здесь мы имеем дело с величайшей изменой со стороны вождей и рабочих, принадлежащих к буржуазному Интернационалу. Во II Интернационале также обсуждали колониальный вопрос. Базельский манифест также говорил об этом совершенно ясно. Партии II Интернационала обещали действовать революционно, но действительной революционной работы и помощи эксплуатируемым и угнетенным народам в их восстаниях против угнетателей мы не видим у партий II Интернационала и, я полагаю, также и среди большинства партий, выступивших из II Интернационала и желающих вступить в III Интернационал. Мы должны об этом

заявить во всеуслышание, и это не может быть опровергнуто. Мы увидим, будет ли сделана попытка к опровержению.

Все эти соображения и легли в основу наших резолюций, которые, несомненно, слишком длинные, но я верю, что они все-таки будут полезны и будут способствовать развитию и организации действительно революционной работы в национальном и колониальном вопросах, в чем и состоит наша главная задача.

Соч., т. XXV, стр. 351—355.

РЕЧЬ ОБ УСЛОВИЯХ ПРИЕМА
В КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ
30 ИЮЛЯ

Товарищи, Серрати сказал: у нас еще не изобретен синсеро-метр,—это новое французское слово, обозначающее инструмент для измерения искренности: подобного инструмента еще не изобрели. Нам и слова такого не нужно, зато инструментом для определения направлений мы уже обладаем. В том и ошибка тов. Серрати, о которой буду говорить впоследствии, что он оставил этот давно известный инструмент без применения.

О тов. Криспине скажу лишь несколько слов. Весьма сожалею, что он не присутствует. (*Дитман: «Он болен!»*) Мне очень жаль. Его речь является одним из документов, и она строго выдержана в политическом направлении правого крыла партии независимых. Буду говорить не о личных обстоятельствах и отдельных случаях, но только об идеях, ясно выраженных в речи Криспина. Как я думаю, я сумею доказать, что эта речь, в общем, была решительно в духе Каутского, и что тов. Криспин имеет тот же взгляд на диктатуру пролетариата, как и Каутский. На сделанное к нему обращение, Криспин ответил: «Диктатура—не новость: она значится еще в Эрфуртской программе». В Эрфуртской программе ничего не сказано о диктатуре пролетариата; и история доказала, что это не случайность. Когда в 1902—1903 году мы вырабатывали первую программу нашей партии, то перед нами все время был пример Эрфуртской программы, причем Плеханов особенно подчеркивал то обстоятельство, что если в Эрфуртской программе нет речи о диктатуре пролетариата, то это теоретически неправильно, а практически является трусливой уступкой оппортунистам. И в нашу программу диктатура пролетариата включена с 1903 года. Тот же самый Плеханов верно сказал тогда: «Или Бернштейн похоронит социал-демократию, или социал-демократия похоронит его».

Если тов. Криспин теперь говорит, что диктатура пролетариата—не новость, и прибавляет: «мы всегда стояли за захват

политической власти», то это значит—обходить сущность вопроса. Признают захват политической власти, но не диктатуру. Вся литература, не только немецкая, но и французская и английская, доказывает, что предводители оппортунистических партий (напр., в Англии Макдональд) стоят за захват политической власти. Это все—искренние социалисты—я не шучу,—но противники диктатуры пролетариата! Коль скоро мы имеем хорошую, достойную внимания коммунистическую революционную партию, следует пропагандировать диктатуру пролетариата, в отличие от старого воззрения II Интернационала. Это затушевал и замазал тов. Криспин, в чем и состоит основная ошибка, свойственная всем сторонникам Каутского.

«Мы—предводители, избранные массами»,—так продолжает тов. Криспин. Это—формальная и неправильная точка зрения, ибо на партийном собрании немецких независимых нам очень ясно видна была борьба направлений. Нет нужды искать измерителя искренности и шутить на эту тему, как тов. Сerratи, чтобы установить тот простой факт, что борьба направлений должна существовать и существует: одному направлению следуют революционные, вновь примкнувшие к нам рабочие, противники рабочей аристократии, другому—рабочая аристократия, возглавляемая во всех цивилизованных странах старыми руководителями. Примыкает ли Криспин к направлению старых руководителей и рабочей аристократии или же к новым революционным рабочим, к массе,—именно это тов. Криспин оставил в неясности.

В каком тоне говорит тов. Криспин о расколе? Он сказал, что раскол является горькой необходимостью, которую он долго оплакивал. Это—совсем в духе Каутского. Откололись от кого? От Шейдемана? Ну, да Криспин сказал: «мы произвели раскол». Во-первых, он произведен слишком поздно. Уж если о том говорить, то приходится высказать это. А во-вторых, независимым следует не плакать о том, но сказать: интернациональный рабочий класс еще находится под гнетом рабочей аристократии и оппортунистов. Так обстоит дело и во Франции и Англии. Тов. Криспин мыслит о расколе не по-коммунистически, а совершенно в духе Каутского, который, как-будто, не имеет влияния.

Затем Криспин заговорил о высокой плате. В Германии, мол, обстоятельства таковы, что рабочие живут довольно хорошо сравнительно с русскими и рабочими остальной Европы. Революцию, по его словам, можно произвести лишь в том случае, если она «не слишком» ухудшит положение рабочих. Спрашиваю себя, допустимо ли говорить в коммунистической

партии в таком тоне? Это контр-революционно. У нас в России, без сомнения, уровень благосостояния ниже, чем в Германии, и когда мы ввели диктатуру, то последствия выразились в том, что рабочие стали голодать сильнее и уровень их благосостояния сделался еще ниже. Победа рабочих недостижима без жертв, без временного ухудшения их положения. Мы должны говорить рабочим противоположное тому, что высказал Криппин. Желая подготовить рабочих к диктатуре и говоря им о «не слишком» большом ухудшении, забывают главное. А именно: что рабочая аристократия как раз и возникла, помогая «своей» буржуазии завоевывать империалистским путем и душиТЬ целый мир, чтобы тем обеспечить себе лучший заработок. Если же теперь немецкие рабочие хотят трудиться в пользу революции, то они должны приносить жертвы и не пугаться этого.

В общем всемирно-историческом смысле верно, что в отсталой стране какой-нибудь китайский кули не в состоянии произвести революцию; но в немногих, более богатых странах, где, благодаря империалистскому грабежу, живется привольнее, говорить рабочим, что они должны бояться «слишком большого» обеднения, будет контр-революционно. Следует говорить обратное. Такая рабочая аристократия, которая боится жертв, которая опасается «слишком» обеднеть во время революционной борьбы, не может причисляться к партии. Иначе невозможна диктатура, особенно в западно-европейских странах.

Что говорит Криппин о терроре и насилии? Он сказал, что это—две вещи разные. Вероятно, такое различие возможно провести в учебнике социологии, но этого нельзя сделать в политической практике, особенно при германских обстоятельствах. Поневоле выступишь с насилием и террором против людей, поступающих как немецкие офицеры при убийстве Либкнехта и Розы Люксембург, против людей, которые, как Стиннес и Крупп, подкупают печать, и им подобных. Разумеется, нет необходимости заранее объявлять, что мы непременно прибегнем к террору; но если немецкие офицеры и капписты останутся такими же, как сейчас, если неизменными пребудут Крупп и Стиннес, то применение террора окажется неизбежным. Не только Каутский, но и Ледебур с Криппином говорят о насилии и терроре совершенно в контр-революционном духе. Партия, пробавающаяся такими идеями, не может участвовать в диктатуре, это ясно.

Затем идет аграрный вопрос. Тут Криппин особенно разгорячился и задумал уличить нас в мелкобуржуазности; сделать что-нибудь для мелкого крестьянства за счет крупных земле-

владельцев, это, мол,—мелкобуржуазно. Крупных владельцев следует экспроприировать, а землю передать коммуна. Это—воззрение педантическое. Даже в высоко-развитых странах, в том числе и в Германии, достаточно чересчур больших латифундий, и есть такие участки земли, которые обрабатываются не крупно-капиталистическим, а полу-феодальным способом; от последних можно кое-что отрезать в пользу мелких крестьян, не нарушая хозяйства. Можно сохранить крупную обработку и притом все же дать мелким крестьянам нечто, весьма для них существенное. К сожалению, об этом не думают, а на практике приходится это делать; иначе впадешь в ошибку. Это доказывается, напр., книгой Варги (бывшего народного комиссара Венгерской Советской республики), который пишет, что установление пролетарской диктатуры почти ничего не изменило в венгерской деревне, что поденщики ничего не заметили, а мелкое крестьянство ничего не получило. В Венгрии существуют крупные латифундии, в Венгрии на больших участках ведется полу-феодальное хозяйство. Всегда найдутся и должны найтись такие части больших владений, из которых можно кое-что дать мелкому крестьянству, пожалуй, не в собственность, а в аренду, чтобы и самому мелкому мужичку досталось что-нибудь из конфискованного владения. Иначе мелкий крестьянин и не заметит разницы между прежним правительством и диктатурой Советов. Если пролетарская государственная власть не будет так вести себя, то она не сможет удержаться.

Хоть Криспин и сказал: «вы не можете отказать нам в революционной убежденности», но я отвечу: я вам в ней отказываю. Отказываю не в том смысле, что вы не хотели действовать революционно, а в том, что вы не умеете революционно мыслить. Бьюсь об заклад, что можно выбрать какую-угодно комиссию из образованных людей, дать им десять книг Каутского и речь Криспина, и комиссия эта скажет: «тут все насквозь по Каутскому, весь ход мыслей как у Каутского»; а затем является Криспин и говорит: «Каутский не имеет никакого влияния на нашу партию». Может быть, это относится к позднее присоединившимся революционным рабочим; но следует считать абсолютно доказанным тот факт, что Каутский оказал и оказывает громадное влияние на Криспина, на весь ход мыслей, на все идеи тов. Криспина. Это доказывается речью последнего. Поэтому, не изобретая синсерометра или измерителя искренности, можно сказать: направление Криспина не соответствует Коммунистическому Интернационалу. Говоря это, мы определяем направление всего Коммунистического Интернационала.

Если товарищи Вайнкуп и Мюнценберг выразили неудовольствие по поводу того, что мы пригласили Независимую социалистическую партию и говорим с ее представителями, то я считаю это неправильным. Когда Каутский выступает против нас и пишет книги, то мы полемизируем с ним, как с врагом нашего класса. Но когда сюда является для переговоров партия независимых, выросшая, благодаря приливу революционных рабочих, то мы должны говорить с ее представителями, ибо они представляют собою часть революционных рабочих. С немецкими независимыми, с французами, с англичанами нам нельзя сразу столкнуться об Интернационале. Тов. Вайнкуп доказывает каждую свою речь, что разделяет почти все заблуждения тов. Паннекука. Вайнкуп заявил, что не разделяет воззрений Паннекука, но речами своими доказывает обратное. В этом основная ошибка этой левой партии. Но это ошибка пролетарского движения, которое растет. Речи гг. Крипина и Дитмана насквозь пропитаны буржуазностью, с которою не подготовишь диктатуры пролетариата. Если гг. Вайнкуп и Мюнценберг идут еще далее в вопросе о Независимой социалистической партии, то мы с ними не солидарны.

У нас, конечно, нет измерителя искренности, как выразился Серрати, для испытания доброй совести человека, и мы вполне согласны в том, что дело не в суждении о людях, а в оценке положения. Жалею, что Серрати, хоть и говорил, а не сказал ничего нового. Его речь была из тех, какие мы слышали и во II Интернационале.

Серрати был неправ, говоря: «во Франции положение не революционно, в Германии—революционно, в Италии—революционно».

Да хотя бы положение и было неревolutionным, вся история партии большевиков доказывает, что II Интернационал ошибается и берет на себя большую вину, если на самом деле не хочет и не может организовать революционной пропаганды и агитации даже и при неревolutionном положении. В этом-то и состоит разница между социалистами и коммунистами, что мы не хотим делать этого.

Серрати повторяет только то, что сказано Крипином. Мы не хотим сказать, что такого-то или такого-то числа непременно обязаны исключить Турати. Этот вопрос уже затронут Исполнительным Комитетом, и Серрати нам сказал: «никаких изгнаний, но очистка партии». Мы просто должны сказать итальянским товарищам, что направлению Коммунистического Интернационала соответствует направление членов «Ordine Nuovo», а не теперешнее большинство руководителей соци-

алистической партии и их парламентской фракции. Утверждают, будто они хотят защитить пролетариат от реакции. Чернов, меньшевики и многие другие в России тоже защищают пролетариат от реакции, что, однако, еще не довод за принятие их в нашу среду.

Поэтому мы должны сказать итальянским товарищам и всем партиям, имеющим правое крыло: эта реформистская тенденция не имеет ничего общего с коммунизмом.

Просим вас, итальянские товарищи, созвать свой съезд и прочесть ему наши тезисы. И я уверен, что итальянские рабочие пожелают остаться в Коммунистическом Интернационале.

Соч., т. XXV, стр. 356—357.

РЕЧЬ О ПАРЛАМЕНТАРИЗМЕ 2 АВГУСТА

Тов. Бордига, видимо, хотел защищать здесь точку зрения итальянских марксистов, но он тем не менее не ответил ни на один из аргументов, которые приводились другими марксистами за парламентскую деятельность.

Тов. Бордига признал, что исторический опыт не создается искусственно. Он только что сказал нам, что борьбу нужно перенести в другую область. Разве он не знает, что всякий революционный кризис сопровождался парламентским кризисом? Он, правда, говорил о том, что борьбу нужно перенести в другую область, в Советы. Но Бордига сам признал, что Советы нельзя создать искусственно. Пример России доказывает, что Советы могут быть организованы или во время революции, или непосредственно перед революцией. Еще во время Керенского Советы (именно меньшевистские Советы) были так организованы, что никак не могли образовать из себя пролетарскую власть. Парламент есть продукт исторического развития, которого мы не можем вычеркнуть из жизни, пока мы не настолько сильны, чтобы разогнать буржуазный парламент. Только являясь членом буржуазного парламента, можно, исходя из данных исторических условий, бороться против буржуазного общества и парламентаризма. То самое средство, которым буржуазия пользуется в борьбе, должно быть использовано и пролетариатом,—конечно, с совершенно иными целями. Вы не можете утверждать, что это не так; а если вы хотите это оспаривать, то должны тем самым вычеркнуть опыт всех революционных событий в мире.

Вы сказали, что профессиональные союзы также оппортунистически настроены, что и они представляют опасность; но с другой стороны вы сказали, что для профсоюзов нужно сделать исключение, так как они представляют из себя рабочую организацию. Но это правильно только до известной степени. И в профсоюзах имеются очень отсталые элементы: часть пролетаризован-

ной мелкой буржуазии, отсталые рабочие и мелкие крестьяне. Все эти элементы действительно думают, что в парламенте представлены интересы их; против этого нужно бороться работой в парламенте и на фактах показать массам правду. Отсталые массы не примешь теорией, им нужен опыт.

Это мы видели и в России. Мы были вынуждены созвать Учредительное собрание уже после победы пролетариата, чтобы доказать отсталому пролетариату, что он через него ничего не достигнет. Нам пришлось для сравнения того и другого конкретно противопоставить Советы учредилке и представить ему Советы, как единственный исход.

Тов. Суши, революционный синдикалист, защищал те же теории, но логика не на его стороне. Он сказал, что он не марксист; поэтому это само собой понятно. Но если вы, тов. Бордига, утверждаете, что вы—марксист, то от вас можно требовать больше логики. Нужно знать, каким образом можно разбить парламент. Если вы можете это сделать путем вооруженного восстания во всех странах—это очень хорошо. Вы знаете, что мы в России не только в теории, но и на практике доказали нашу волю разрушить буржуазный парламент. Но вы упустили из виду тот факт, что это невозможно без довольно длительной подготовки и что в большинстве стран еще невозможно одним ударом разрушить парламент. Мы вынуждены вести и борьбу в парламенте для разрушения парламента. Условия, которые определяют политическую линию всех классов современного общества, вы заменяете вашей революционной волей и потому забываете, что мы, чтобы разрушить буржуазный парламент в России, сперва должны были созвать Учредительное собрание даже после нашей победы. Вы сказали: «правда, что русская революция является примером, не соответствующим условиям Западной Европы». Но вы привели весьма легкомысленный аргумент, чтобы доказать нам это. Мы прошли через период диктатуры буржуазной демократии. Мы быстро прошли через нее в то время, когда мы были вынуждены агитировать за выборы в Учредительное собрание. И впоследствии, когда рабочий класс уже получил возможность захватить власть, крестьянство еще верило в необходимость буржуазного парламента. Считаюсь с этими отсталыми элементами, мы должны были объявить выборы и показать массам на примере, на фактах, что это Учредительное собрание, избранное во время величайшей всеобщей нужды, не выражает чаяний и требований эксплуатируемых классов. Тем самым конфликт между Советской и буржуазной властью стал вполне ясен не только для нас, для авангарда рабочего класса, но и для громадного большинства

крестьянства, для мелких служащих, мелкой буржуазии и т. п. Во всех капиталистических странах существуют отсталые элементы рабочего класса, которые убеждены, что парламент является истинным представителем народа, и не видят, что там применяются нечистые средства. Говорят, что это орудие, при помощи которого буржуазия обманывает массы. Но этот аргумент должен быть обращен против вас, и он обращается против ваших тезисов. Как вы обнаружите перед действительно отсталыми, обманутыми буржуазией массами истинный характер парламента? Если вы в него не войдете, как вы разоблачите тот или иной парламентский маневр, позицию той или иной партии, если вы будете вне парламента? Если вы марксисты, вы должны признать, что взаимоотношения классов в капиталистическом обществе и взаимоотношения партий тесно связаны между собой. Как, повторяю, покажете вы все это, если вы не будете членами парламента, если вы откажетесь от парламентской деятельности? История русской революции правильно показала, что широких масс рабочего класса, крестьянства, мелких служащих нельзя было бы убедить никакими аргументами, если бы они не уверились на собственном опыте.

Здесь было сказано, что мы теряем много времени, принимая участие в парламентской борьбе. Можно ли себе представить другое учреждение, в котором все классы были бы заинтересованы в такой же степени, как в парламенте? Этого нельзя создать искусственно. Если все классы втягиваются в участие в парламентской борьбе, то это происходит потому, что действительно интересы и конфликты получают свое отражение в парламенте. Если бы возможно было повсюду сразу возбудить сначала, допустим, всеобщую стачку, чтобы одним разом сбросить капитализм, тогда революция уже произошла бы в различных странах. Но нужно считаться с фактами, и пока парламент представляет собою арену классово́й борьбы. Тов. Бордига и те, кто стоят на его точке зрения, должны сказать массам правду. Германия—лучший пример тому, что коммунистическая фракция в парламенте возможна, и поэтому вы должны были бы открыто сказать массам: мы слишком слабы, чтобы создать партию с крепкой организацией. Такова была бы правда, которую нужно было бы сказать. Но, если бы вы сознались массам в своей слабости, они превратились бы не в ваших сторонников, а в ваших противников, в сторонников парламентаризма.

Если вы скажете: «товарищи рабочие, мы настолько слабы, что мы не можем создать достаточно дисциплинированную партию, которая сумела бы заставить депутатов подчиняться партии», тогда рабочие покинут вас, так как они скажут себе:

«как мы построим диктатуру пролетариата с такими слабыми людьми?».

Вы очень наивны, если думаете, что в день победы пролетариата—интеллигенция, средний класс, мелкая буржуазия станут коммунистическими.

Если у вас нет этой иллюзии, вы должны уже теперь готовить пролетариат к тому, чтобы произвести пересмотр в своей среде. Во всех областях государственной работы вы не найдете исключения из этого правила. Повсюду вы увидите оппортунистических адвокатов, называющих себя коммунистами, мелких буржуа, не признающих ни дисциплины, ни коммунистической партии, ни пролетарского государства. Если вы не подготовите рабочих к созданию действительно дисциплинированной партии, которая заставит своих членов подчиняться ее дисциплине, то вы никогда не подготовите диктатуры пролетариата. Я думаю, что вы поэтому не хотите признать, что именно слабость очень многих новых коммунистических партий заставляет их отрицать парламентскую работу. Я убежден, что громадное большинство действительно революционных рабочих последует за нами и выскажется против ваших антипарламентаристских тезисов.

Соч., т. XXV, стр. 361—364.

РЕЧЬ О ВХОЖДЕНИИ В БРИТАНСКУЮ РАБОЧУЮ ПАРТИЮ 6 АВГУСТА

Товарищи, тов. Галлакер начал свою речь с выражения сожаления по поводу того, что мы вынуждены в сотый и тысячный раз слышать фразы, которые тов. Мак-Лейн и другие английские товарищи тысячи раз повторяли в своих речах и статьях. Я полагаю, что жалеть об этом не приходится. Метод старого Интернационала заключался в том, чтобы отдавать подобные вопросы на решение отдельным партиям заинтересованных стран. Это было в корне ошибочно. Возможно, что мы не всегда ясно представляем себе взаимоотношения в тех или иных странах, но здесь идет речь об обосновании тактики коммунистической партии. Это очень важно, и мы, от имени III Интернационала, должны ясно изложить здесь действительно коммунистическую точку зрения.

Раньше всего я хотел бы отметить допущенную тов. Мак-Лейн небольшую неточность, с которой нельзя согласиться. Он называет Рабочую партию политической организацией трэджюнионистского движения. Он затем повторил это еще раз: Рабочая партия «есть политическое выражение профессионального движения». Такое мнение я несколько раз читал в газете Британской социалистической партии. Это не верно, и отчасти это вызывает оппозицию, в известной степени вполне справедливую, со стороны английских революционных рабочих. Действительно, понятия «политическая организация трэджюнионистского движения» или «политическое выражение» этого движения—являются ошибочными. Конечно, Рабочая партия большей частью состоит из рабочих, но из этого не следует, что всякая рабочая партия, состоящая из рабочих, в то же время «политическая рабочая партия»; это зависит от того, кем она руководится и какое содержание она вкладывает в свои действия и в свою политическую тактику. Только это последнее и определяет, имеем ли мы перед собою действительно политическую партию пролетариата. С этой единственно верной точки

зрения Рабочая партия, наоборот, насквозь буржуазная партия, ибо, хотя она и состоит из рабочих, но руководят ею реакционеры, притом самые худшие, совершенно в духе буржуазии, и с помощью английских Носке и Шейдеманов они систематически обманывают рабочих.

Но вот перед нами и другая точка зрения, защищаемая тов. Сильвией Панкхерст и тов. Галлакером, выявляющая их мнение по этому вопросу. В чем заключалось содержание речей Галлакера и многих его друзей? Они говорили нам о том, что мы недостаточно тесно связаны с массами. Возьмем, например, Британскую социалистическую партию; она до сих пор очень мало связана с массами и очень слаба. Тов. Галлакер рассказал нам здесь, как он и его товарищи организовали в Шотландии удачное движение и как во время войны они тактически очень хорошо маневрировали, поддерживая мелкобуржуазных пацифистов Рамзая Макдональда и Сиоудена, и с их помощью организовывали в Глазго массовое движение против войны.

Наша цель именно и состоит в том, чтобы это удачное новое революционное движение, представленное тов. Галлакером и его друзьями, ввести в коммунистическую партию с настоящей коммунистической, т.е. марксистской, тактикой. В этом сейчас наша задача. С одной стороны, мы видим, что Британская социалистическая партия слаба и не особенно хорошо приспособлена к агитации среди масс; с другой стороны, мы видим более молодые революционные элементы, так хорошо представленные здесь в лице тов. Галлакера, которые хотя и находятся в тесной связи с массами, но не совсем опытные в организации политической работы, не представляют из себя политической партии, будучи, в этом смысле, еще слабее Британской социалистической партии. При таком положении, мы должны совершенно откровенно высказать наше мнение о правильной тактике. Когда тов. Галлакер, говоря о Британской социалистической партии, сказал, что она «безнадежно реформистская» (*hopelessly reformist*), он, несомненно, преувеличил. Но общий смысл и содержание принятых нами здесь резолюций с абсолютной определенностью показывают, что мы требуем изменения тактики Британской социалистической партии в этом духе, и единственно верная тактика друзей Галлакера будет заключаться—в безотлагательном вступлении их в коммунистическую партию, с целью выровнять ее тактику в духе принятых здесь резолюций. Если у вас так много сторонников, что вы можете в Глазго устраивать массовые народные собрания, то вам нетрудно будет увеличить приток в партию новых членов больше, чем на десяток тысяч.

Последний конгресс Британской социалистической партии, происходивший в Лондоне 3—4 дня тому назад, постановил переименовать партию в коммунистическую и внес в программу пункт об участии в парламентских выборах и вхождении в Рабочую партию. На конгрессе были представлены десять тысяч организованных членов. Для шотландских товарищей было бы поэтому нетрудно в эту «Коммунистическую партию Великобритании» привлечь еще десятки тысяч революционных рабочих, которые были бы искуснее в работе среди масс и которые, на место старой тактики Британской социалистической партии, выдвинули бы более верные способы агитации, в смысле более революционного действия. Тов. Сильвия Панкхерст несколько раз указывала в комиссии на то, что Англии нужны «левые». Я, конечно, ответил, что это совершенно верно, но только не нужно пересаливать в «левизне». Она, далее, говорила, что «мы являемся хорошими пионерами, но пока больше шумим (noisy)». Я понимаю это не в худшем, а в лучшем смысле слова, и думаю, что они, значит, умеют вести хорошую революционную агитацию. Это мы ценим и должны ценить. Это мы выразили во всех своих резолюциях и подчеркнули, что мы тогда лишь будем признаны партией, в особенности рабочей партией, если, действительно, будем связаны с массами и будем бороться против старых, насквозь прогнивших вождей, как против правостоящих шовинистов, так и против тех, которые занимают среднюю позицию, вроде правых независимых Германии. Во всех наших резолюциях мы это десять и больше раз повторяли, и этим подчеркивали, что преобразование старой партии мы понимаем в смысле ее более тесной связи с массами.

Сильвия Панкхерст еще спрашивала: «допустимо ли вхождение коммунистической партии в другую политическую партию, входящую в свою очередь во II Интернационал?». И отвечала, что это невозможно. Нужно иметь в виду, что Английская рабочая партия находится в особо своеобразных условиях: это очень оригинальная партия, или, вернее, вовсе не партия в обычном смысле этого слова. Она состоит из участников всех профессиональных союзов, насчитывая сейчас около четырех миллионов членов, и дает достаточно свободы всем политическим партиям, входящим в ее состав. В нее входит большинство английской рабочей массы, находящейся на поводу у буржуазных элементов, у социал-предателей, еще худших, чем Шейдеман и Носке и им подобные господа. Но в то же время Рабочая партия допускает, чтобы Британская социалистическая партия находилась в ее рядах и чтоб эта последняя имела свои печатные органы, в которых члены той же Рабочей партии свободно и

откровенно могут заявлять, что вожди партии являются социал-предателями. Тов. Мак-Лейн точно цитировал подобные заявления Британской социалистической партии. Я также могу удостоверить, что в газете Британской социалистической партии «Колл»* я читал, что вожди Рабочей партии—социал-патриоты и социал-предатели. Это значит, что партия, входящая в Рабочую партию, имеет возможность не только резко критиковать, но открыто и точно называть по именам старых вождей, говоря о них, как о социал-предателях. Это очень оригинальное положение, когда партия, объединяя громадные массы рабочих и являясь политической партией, все же вынуждена предоставлять своим членам полную свободу. Тов. Мак-Лейн здесь указал на то, что на конгрессе Рабочей партии тамошние Шейдеманы вынуждены были открыто поставить вопрос о вхождении в III Интернационал, а все местные организации и секции этой партии вынуждены были этот вопрос обсуждать. При таких условиях было бы ошибочно не войти в эту партию.

Тов. Панкхерст в частном разговоре заявила мне: «если мы будем настоящими революционерами и войдем в Рабочую партию, то эти господа нас исключат». Но, ведь, это было бы совсем не плохо. В нашей резолюции сказано, что мы за вхождение, поскольку Рабочая партия дает достаточную свободу для критики. В этом пункте мы последовательны до конца. Тов. Мак-Лейн еще подчеркнул, что сейчас в Англии создались такие оригинальные условия, при которых политическая партия, если захочет, может остаться революционной рабочей партией, несмотря на то, что будет связана со своеобразной четырехмиллионной рабочей организацией, наполовину профессиональной, наполовину политической и руководимой буржуазными вождями. При таких условиях было бы величайшей ошибкой лучших революционных элементов не делать всего возможного, чтобы остаться в этой партии. Пусть господа Томасы и другие социал-предатели, которых вы так и называете, исключают вас. Это произведет на английскую рабочую массу великолепное действие.

Товарищи также отмечают, что рабочая аристократия в Англии сильнее, чем где-либо в других странах. Это действительно так. Она, ведь, имеет там за собой не десятилетия, а столетия. Там буржуазия—которая имеет за собой опыт—сумела подкупить рабочих и создать среди них большой слой, который в Англии больше, чем в других странах, но все же не так уже велик по сравнению с широкими рабочими массами. Этот слой насквозь пропитан буржуазными предрассудками и ведет опре-

---

* — «Призыв». *Ред.*

деленную буржуазную реформистскую политику. Так, в Ирландии мы видим двести тысяч английских солдат, которые страшным террором подавляют ирландцев. Английские социалисты не ведут среди них революционной пропаганды. А мы в наших резолюциях говорим, что признаем возможным допущение в Коммунистический Интернационал лишь тех партий, которые ведут действительную революционную пропаганду среди английских рабочих и солдат. Я подчеркиваю, что ни здесь, ни в комиссиях мы не встречали возражений против этого.

Т. Галлакер и Сильвия Панкхерст не могут этого отрицать. Они не в состоянии опровергнуть, что Британская социалистическая партия, оставаясь в рядах Рабочей партии, пользуется достаточной свободой для того, чтобы писать, что такие-то и такие-то вожди Рабочей партии являются предателями, защитниками интересов буржуазии и их агентами в рабочем движении; это совершенно верно. Когда коммунисты пользуются такой свободой, то, учитывая опыт революции во всех странах, а не только в России (ибо мы здесь не на русском, а на интернациональном конгрессе), они обязаны примкнуть к Рабочей партии. Тов. Галлакер иронизировал над тем, что мы оказались в данном случае под влиянием Британской социалистической партии. Нет, мы в этом убедились на опыте всех революций во всех странах. Мы думаем, что мы должны сказать это массам. Английская коммунистическая партия должна сохранить необходимую свободу, чтобы разоблачать и критиковать предателей рабочих, которые гораздо сильнее в Англии, чем в других странах. Это не трудно понять. Неправильно утверждение тов. Галлакера, что, высказываясь за вступление в Рабочую партию, мы тем самым оттолкнем от себя лучшие элементы английских рабочих. Мы должны это испробовать на опыте. Мы убеждены, что все наши резолюции и постановления, которые будут приняты конгрессом, будут напечатаны во всех английских революционно-социалистических газетах и что все местные организации и секции получают возможность их обсудить. Общее содержание наших резолюций говорит яснее ясного, что мы являемся представителями революционной тактики во всех странах и что целью нашей является борьба против старого реформизма и оппортунизма. События показывают, что наша тактика действительно побеждает старый реформизм. И тогда все лучшие революционные элементы рабочего класса, недовольные медленным ходом развития, которое в Англии пойдет, может быть, еще медленнее, чем в других странах, придут к нам. Медленное развитие происходит оттого, что английская буржуазия имеет возможность создавать лучшие условия для рабочей

аристократии, задерживая тем ход революции. Поэтому английские товарищи должны стремиться не только к революционизированию масс, что они великолепно делают (тов. Галлакер это доказал), но вместе с тем и к созданию настоящей политической партии рабочего класса. Ни тов. Галлакер, ни Сильвия Панкхерст, оба выступавшие здесь, не принадлежат еще к революционной коммунистической партии. Такая прекрасная пролетарская организация, как шоп-стюарты, не входит до сих пор в политическую партию. Если вы организуетесь политически, то увидите, что наша тактика основана на правильно понятом политическом развитии последнего десятилетия, и что настоящая революционная партия только тогда может быть создана, когда она впитает в себя все лучшие элементы революционного класса и использует каждую возможность для борьбы против реакционных вождей там, где они себя проявляют.

Если английская коммунистическая партия начнет с того, что будет революционно действовать в Рабочей партии, и если господа Гендерсоны вынуждены будут исключить эту партию, то это будет большой победой коммунистического и революционного рабочего движения в Англии.

ПИСЬМО К АВСТРИЙСКИМ КОММУНИСТАМ

Австрийская коммунистическая партия решила бойкотировать выборы в буржуазно-демократический парламент. Закончившийся недавно II конгресс Коммунистического Интернационала признал правильной тактикой участие коммунистов в выборах в буржуазные парламенты и в самих этих парламентах.

Я не сомневаюсь, на основании сообщений делегатов Австрийской коммунистической партии, что решение Коммунистического Интернационала будет ею поставлено выше решения одной из партий. Едва ли подлежит также сомнению, что австрийские социал-демократы, эти предатели социализма, перешедшие на сторону буржуазии, будут злорадствовать по поводу решения Коммунистического Интернационала, разошедшегося с бойкотистским решением Австрийской коммунистической партии. Но на злорадство подобных господ, как австрийские социал-демократы, соратники Шейдеманов и Носке, Альберов Тома и Гомперсов, сознательные рабочие, конечно, не обратят никакого внимания. Лакейство перед буржуазией господ Реннеров достаточно обнаружило себя, и во всех странах возмущение рабочих против героев II или желтого Интернационала растет и ширится все больше и больше.

Господа австрийские социал-демократы в буржуазном парламенте, как и на всех поприщах их «работы», вплоть до их собственной прессы, ведут себя как мелкобуржуазные демократы, способные только на бесхарактерные шатания при полной фактической зависимости их от класса капиталистов. Мы, коммунисты, идем в буржуазный парламент, чтобы и с этой трибуны насквозь прогнившего капиталистического учреждения, в котором обманывают рабочих и трудящихся, разоблачать обман.

Один довод австрийских коммунистов против участия в буржуазном парламенте заслуживает несколько более внимательного рассмотрения. Этот довод следующий:

«Парламент имеет значение для коммунистов только как трибуна для агитации. Мы в Австрии имеем Совет рабочих депутатов как трибуну для агитации. Поэтому мы отказываемся от участия в выборах в буржуазный парламент. В Германии нет Совета рабочих депутатов, который можно бы было взять всерьез. Поэтому германские коммунисты держатся иной тактики».

Я считаю этот довод неправильным. Пока мы еще не в силах разогнать буржуазный парламент, мы должны работать против него извне и изнутри. Пока сколько-нибудь значительное число трудящихся—не только пролетариев, но также и полупролетариев и мелких крестьян—доверяет еще буржуазнодемократическим орудиям обмана рабочих буржуазией, мы должны разъяснять обман *именно с той трибуны*, которую отсталые слои рабочих и в особенности непролетарской трудящейся массы считают наиболее существенной, наиболее авторитетной.

Пока мы, коммунисты, не в силах еще взять государственную власть и провести выборы только трудящимися *их* Советов против буржуазии, пока еще буржуазия распоряжается государственной властью, призывая к выборам разные классы населения, мы обязаны участвовать в выборах для агитации среди всех трудящихся, не одних лишь пролетариев. Пока в буржуазном парламенте обманывают рабочих, прикрывая фразами о «демократии» финансовые мошенничества и всякие виды подкупа (нигде подкуп особенно «тонкого» вида по отношению к писателям, депутатам, адвокатам и пр. не продельвается буржуазией так широко, как в буржуазном парламенте),—до тех пор мы, коммунисты, обязаны именно в этом учреждении, которое якобы *выражает волю народа*, а на деле прикрывает *обман народа богачами*, неуклонно разоблачать обман, разоблачать всякий и каждый случай перехода Реннеров и К^о на сторону капиталистов против рабочих. Отношения между буржуазными партиями и фракциями всего чаще именно в парламенте обнаруживают себя и отражают отношения между всеми классами буржуазного общества. Поэтому как раз в буржуазном парламенте, изнутри его, мы, коммунисты, должны разъяснять народу *правду* про отношение классов к партиям, про отношение помещиков к батракам, богатых крестьян к беднейшему крестьянству, крупного капитала к служащим и мелким хозяйчикам и т. д.

Все это *надо* знать пролетариату, чтобы научиться понимать все подлые и утонченные проделки капитала, чтобы научиться влиять на мелкобуржуазные массы, на непролетарские трудящиеся массы. Без этой «науки» пролетариат не может успешно справиться с задачами *диктатуры пролетариата*, ибо и тогда буржуазия со своей новой позиции (позиции свергнутого клас-

са) будет в иных формах, на иных поприщах продолжать свою политику одурачения крестьян, подкупа и запугивания служащих, прикрывания своих корыстных и грязных стремлений фразами о «демократии».

Нет. Австрийские коммунисты не испугаются злорадства Реннеров и подобных ему лакеев буржуазии. Австрийские коммунисты не побоятся выступить открыто и прямо с признанием международной пролетарской дисциплины. Мы гордимся тем, что великие вопросы борьбы рабочих за свое освобождение мы решаем, подчиняясь международной дисциплине революционного пролетариата, учитывая опыт рабочих разных стран, считаясь с их знаниями, с их волей, осуществляя таким способом на деле (а не на словах, как Реннеры, Фрицы Адлеры и Отто Бауэры) единство классовой борьбы рабочих за коммунизм во всем мире.

Н. Ленин.

15 августа 1920 г.

Соч., т. XXV, стр. 372—374.

ВТОРОЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

7 августа закончился II конгресс Коммунистического Интернационала. Год с небольшим прошел со времени его основания, и за этот короткий срок достигнуты громадные, решающие успехи.

Год тому назад на I конгрессе было только водружено знамя коммунизма, вокруг которого должны были собираться силы революционного пролетариата; была объявлена война Второму, желтому, Интернационалу, который объединяет социал-предателей, перешедших на сторону буржуазии против пролетариата и состоящих в союзе с капиталистами против рабочей революции.

Какой громадный успех достигнут за год, это видно, между прочим, из того, что рост сочувствия в рабочих массах к коммунизму заставил выйти из II Интернационала важнейшие из принадлежавших к нему европейских и американских партий: французскую социалистическую, немецкую и английскую «независимые» партии, американскую независимую партию.

Во всех странах мира лучшие представители революционных рабочих встали уже на сторону коммунизма, за власть Советов, за диктатуру пролетариата. Во всех передовых странах Европы и Америки есть уже коммунистические партии или многочисленные коммунистические группы. И на закончившемся 7 августа конгрессе сплотились уже не только передовые провозвестники пролетарской революции, а делегаты крепких и могучих организаций, связанных с массами пролетариев. Всемирная армия революционного пролетариата—вот что стоит теперь за коммунизм, вот что получило свою организацию, ясную, точную, подробную программу действий на закончившемся конгрессе.

Конгресс отказался принять немедленно в среду Коммунистического Интернационала те партии, которые сохранили еще в своей среде влиятельных представителей «меньшевизма», социал-предательства, оппортунизма, подобно названным выше, вышедшим из II, желтого, Интернационала, партиям.

Конгресс в целом ряде вполне определенных резолюций отверг какой бы то ни было доступ оппортунизму, потребовал безусловного разрыва с ним. И несомненные данные, сообщенные на конгрессе, показали, что рабочие массы за нас, что оппортунисты будут теперь побеждены до конца.

Конгресс исправил ошибки, допущенные в некоторых странах, желающих идти непременно «влево» коммунистов, которые отрицали необходимость работать в буржуазных парламентах, в реакционных профсоюзах, всюду, где есть миллионы рабочих, которых еще одурачивают капиталисты и их лакеи из рабочей среды, т.-е. члены Второго, желтого, Интернационала.

Конгресс создал такую сплоченность и дисциплину коммунистических партий всего мира, которые никогда не бывали раньше и которые позволят авангарду рабочей революции пойти вперед к своей великой цели, к свержению ига капитала, семимильными шагами.

Конгресс укрепит связь с женским коммунистическим движением, благодаря организованной одновременно международной конференции работниц.

Коммунистические группы и партии Востока, колониальных и отсталых стран, которых так зверски грабит, насилует и поработачивает «цивилизованный» союз грабительских наций, были представлены равным образом на конгрессе. Революционное движение в передовых странах явилось бы на деле простым обманом без полного и теснейшего объединения в борьбе рабочих против капитала в Европе и Америке и угнетенных этими капиталами сотен и сотен миллионов «колониальных» рабов.

Велики военные победы Советской республики рабочих и крестьян над помещиками и капиталистами, над Юденичами, Колчаками, Деникиными, белыми поляками, их пособниками—Францией, Англией, Америкой, Японией.

Но еще более велика наша победа над умами и сердцами рабочих, трудящихся, угнетенных капиталами масс, победа коммунистических идей и коммунистических организаций во всем мире.

Революция пролетариата, свержение ига капитализма идет и придет во всех странах земли.

Напечатано в августе—сентябре 1920 г.
в журнале «Коммунистка» № 3—4.

ОТВЕТ КОРРЕСПОНДЕНТУ ГАЗЕТЫ
«ДЕЙЛИ-НЬЮС» * Г. СЕГРЮ

По поводу вашего телеграфного запроса от 3 сентября 1920 года сообщаю вам, что нападки на большевизм со стороны правого крыла немецких независимцев, вроде Дитмана, меня не удивляют. Я доказал в своей речи и на конгрессе Коминтерна в Москве, что идеи Криспина вполне каутскианские**. Естественно, что каутскианцы, вроде Криспина и Дитмана, недовольны большевизмом. Было бы печально, если бы такие люди были довольны нами. Естественно, что такие мелкобуржуазные демократы, каковым является Дитман, вполне подобны нашим меньшевикам и в решительной борьбе между пролетариатом и буржуазией оказываются нередко на стороне последней. Дитман возмущается расстрелами, но естественно, что меньшевиков в этих случаях расстреливают революционные рабочие, и что Дитману это не может особенно нравиться. Плох был бы III Коммунистический Интернационал, если бы он допустил вхождение в его ряды Дитманов немецкого, французского или какого-угодно иного образца.

Если же вы полагаете, что большевизму отчеты французских, германских и британских рабочих делегаций принесли больше вреда, чем вся антибольшевистская пропаганда, то я с удовольствием принимаю вывод, вытекающий из этого.

Давайте заключим договор: вы от имени антибольшевистской буржуазии всех стран, я—от имени Советской республики России. Пусть по этому договору к нам в Россию посылаются из всех стран делегации из рабочих и мелких крестьян (т.е. из трудящихся, из тех, кто своим трудом создает прибыль на капитал) с тем, чтобы каждая делегация прожила в России месяца по два. Если отчеты таких делегаций полезны для дела антибольшевистской пропаганды, то все расходы по ихсылке

---

* — «Ежедневные Новости». *Ред.*

** См. выше, стр. 133—138. *Ред.*

должна бы взять на себя международная буржуазия. Однако, принимая во внимание, что эта буржуазия во всех странах мира крайне слаба и бедна, мы же в России богаты и сильны, я соглашаюсь исхлопотать от советского правительства такую льготу, чтобы $\frac{3}{4}$ расхода оно взяло на себя и только $\frac{1}{4}$ легла на миллионеров всех стран.

Надеюсь, что вы сами, называющий себя в вашей телеграмме добросовестным журналистом, не откажетесь пропагандировать везде и всегда такой договор между Советской республикой и международной буржуазией, разумеется, в интересах антибольшевистской пропаганды.

Ленин.

8 сентября 1920 г.

Соч., т. XXV, стр. 375—376.

ПИСЬМО К НЕМЕЦКИМ И ФРАНЦУЗСКИМ РАБОЧИМ

*По поводу прений о II конгрессе Коммунистического
Интернационала*

Товарищи, буржуазная пресса Германии и Франции уделяет много внимания прениям среди независимой социал-демократической партии Германии и социалистической партии Франции по поводу вступления в Коммунистический Интернационал. Буржуазная пресса с чрезвычайной энергией отстаивает взгляды правой, оппортунистической части обеих партий.

Это вполне понятно, ибо эти правые элементы по сути дела являются мелкобуржуазными демократами, которые, подобно Дитману и Криспину, не умеют мыслить революционно, неспособны помогать рабочему классу готовиться к революции и осуществлять революцию. Раскол с этими правыми, оппортунистическими элементами необходим, он является единственным средством сплотить все действительно революционные, действительно пролетарские массы.

Крики о «диктаторстве» Москвы и т. п.—простой отвод глаз. На самом деле в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала двадцать членов, из них только пять членов Российской коммунистической партии. Все речи о «диктаторстве» и т. п.—самообман или обман рабочих. Эти речи так же прикрывают крах известного числа оппортунистических вождей, как подобные речи среди К. А. Р. Д. (Коммунистической рабочей партии Германии) прикрывали крах некоторых вождей ее, сошедших с пути пролетарской революционности. Таким же самообманом или обманом являются крики, будто «московские диктаторы» в условиях приема в Коминтерн преследуют определенные личности. В условиях приема, § 20, сказано ясно, черным по белому, что *«исключение» (Ausnahmen) из суровых правил* по отношению к вождям правого крыла и по отношению к личному составу центральных учреждений *допустимо с согласия Исполнительного Комитета III Интернационала.*

Раз исключения прямо объявлены допустимыми, значит, не может быть и речи о безусловном недопущении тех или иных

отдельных личностей. Значит, есть полное признание необходимости учитывать не прошлое, а настоящее, учитывать изменение взглядов и поведения отдельных лиц, отдельных вождей. Раз исключения объявлены допустимыми в зависимости от согласия Исполкома III Интернационала,—а в этом Исполкоме только одна четверть русских,—значит, полнейшими пустяками и полнейшей неправдой являются крики о «диктаторстве» и т. п.

Все эти крики—только отвод глаз. На деле идет борьба между революционными, *пролетарскими*, и оппортунистическими, *мелкобуржуазными*, элементами. К этим последним принадлежали и принадлежат Гильфердинги, Дитманы, Криспины, многочисленные члены парламентских фракций Германии и Франции и т. п. Борьба этих двух подитических течений идет во всех странах мира без изъятия, борьба эта имеет свою длинную историю; борьба эта обострилась и обостряется повсюду во время империалистской войны и после нее. Оппортунизм представлен элементами «рабочей аристократии», старой бюрократии профессоров, кооператоров и т. п., интеллигентски-мещанскими слоями и т. д. Без очистки от этого течения, которое на самом деле своими колебаниями, своим «меньшевизмом» (Дитманы и Криспины вполне походят на наших меньшевиков) осуществляет влияние буржуазии на пролетариат *изнутри* рабочего движения, *изнутри* социалистических партий,— без очистки от этого течения, без раскола с ним, без исключения всех видных его представителей *невозможно* сплочение революционного пролетариата.

Дитманы, Криспины и т. п. своими вечными колебаниями в сторону реформизма и меньшевизма, своим неумением мыслить и действовать революционно, осуществляют на самом деле, не сознавая этого, влияние буржуазии на пролетариат *изнутри* пролетарской партии,—осуществляют *подчинение пролетариата буржуазному реформизму*. Только раскол с такими и подобными людьми осуществляет интернациональное единство революционного пролетариата против буржуазии для ее свержения.

События в Италии должны открыть глаза даже наиболее упорным из тех, кто не видит вреда «единства» и «мира» с Криспинами и Дитманами. Итальянские Криспины и Дитманы (Турати, Прамполини и Дарагона) тотчас же стали *мешать* революции в Италии, когда дело *дошло до настоящей революции*. А к этому дело идет—более или менее быстро, более или менее тяжело и мучительно—во всей Европе, во всем мире.

Пора бросить окончательно все эти вреднейшие иллюзии о возможности «единства» или «мира» с Дитманами и Криспинами, с правым крылом немецкой «независимой с.-д. партии», «Англий-

ской независимой рабочей партией», Французской социалистической партией и т. п. Пора всем революционным рабочим очистить свои партии от них и образовать действительно единые коммунистические партии пролетариата.

Ленин.

24 сентября 1920 г.

Соч., т. XXV, стр. 381—383.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА
О ТАКТИКЕ Р.К.П. НА III КОНГРЕССЕ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА *6

(Первоначальный проект)

1. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ Р.С.Ф.С.Р.

Международное положение Р.С.Ф.С.Р. характеризуется в настоящее время некоторым равновесием, которое, будучи чрезвычайно неустойчивым, создало все же своеобразную конъюнктуру всемирной политики.

Это своеобразие состоит в следующем: с одной стороны, международная буржуазия полна бешеной ненависти и вражды к Советской России и готова в каждую минуту броситься, чтобы задушить ее. С другой стороны, все попытки военного вмешательства, стоившие этой буржуазии сотни миллионов франков, кончились полной неудачей, несмотря на то, что Советская власть была тогда слабее, чем теперь, а русские помещики и капиталисты имели целые армии на территории Р.С.Ф.С.Р. Оппозиция против войны с Советской Россией во всех капиталистических странах чрезвычайно усилилась, питая революционное движение пролетариата и захватывая очень широкие массы мелкобуржуазной демократии. Рознь интересов между различными империалистскими странами обострилась и обостряется с каждым днем все глубже. Революционное движение среди сотен миллионов угнетенных народов Востока растет с замечательной силой. В результате всех этих условий международный империализм оказался не в состоянии задушить Советскую Россию, несмотря на то, что он гораздо сильнее ее, и вынужден был на время признать или полупризнать ее, вступать в торговые договоры с ней.

Получилось, хотя и крайне непрочное, крайне неустойчивое, но все же такое равновесие, что социалистическая республика может существовать, конечно, недолгое время—в капиталистическом окружении.

---

* Тезисы написаны 13 июня 1921 г. и напечатаны отдельным изданием как подготовительный материал к докладу о тактике РКП, сделанному Лениным 5 июля 1921 г. на III конгрессе Коминтерна. *Ред.*

2. СООТНОШЕНИЕ КЛАССОВЫХ СИЛ В МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ

На основе такого положения вещей, соотношение классовых сил в международном масштабе сложилось следующим образом:

Международная буржуазия, лишенная возможности вести открытую войну против Советской России, выжидает, подкарауливая момент, когда обстоятельства позволят ей возобновить эту войну.

Пролетариат передовых капиталистических стран везде уже выдвинул свой авангард, коммунистические партии, которые растут, идя неуклонно к завоеванию большинства пролетариата в каждой стране, разрушая влияние старых трэд-юнионистских бюрократов и развращенной империалистскими привилегиями верхушки рабочего класса Америки и Европы.

Мелкобуржуазная демократия капиталистических стран, представленная в передовой ее части Вторым Интернационалом и Интернационалом 2 $\frac{1}{2}$, является в данный момент главной опорой капитализма, поскольку под ее влиянием остается большинство или значительная часть промышленных и торговых рабочих и служащих, которые боятся, в случае революции, потерять свое сравнительное мещанское благополучие, созданное привилегиями империализма. Но растущий экономический кризис везде ухудшает положение широких масс, и это обстоятельство, на ряду с все более очевидной неизбежностью новых империалистских войн при сохранении капитализма, делает все более шаткою указанную опору.

Трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран, составляя огромное большинство населения земли, пробуждены к политической жизни уже с начала XX века, особенно революциями в России, Турции, Персии и Китае. Империалистская война 1914—1918 годов и Советская власть в России окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма, хотя этого не видит еще упорно образованное мещанство Европы и Америки, в том числе вожди 2 и 2 $\frac{1}{2}$ Интернационалов. Британская Индия стоит во главе этих стран, и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще и к массовым убийствам (Амритсар), и к публичным поркам и т. п.

3. СООТНОШЕНИЕ КЛАССОВЫХ СИЛ В РОССИИ

Внутреннее политическое положение Советской России определяется тем, что здесь мы видим в первый раз во всемирной истории существование, в течение целого ряда лет, только двух классов: пролетариата, который воспитан десятилетиями очень молодой, но все же современной крупной машинной промышленностью, и мелкого крестьянства, составляющего огромное большинство населения.

Крупные земельные собственники и капиталисты в России не исчезли, но они подверглись полной экспроприации, разбиты совершенно политически, как класс, остатки коего попрятались среди государственных служащих Советской власти. Классовую организацию они сохранили за границей, как эмиграция, насчитывающая, вероятно, от 1½ до 2-х миллионов человек, имеющая свыше полусотни ежедневных газет всех буржуазных и «социалистических» (т.-е. мелкобуржуазных) партий, остатки армии и многочисленные связи с международной буржуазией. Эта эмиграция всеми силами и средствами работает над разрушением Советской власти и восстановлением капитализма в России.

4. ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО РОССИИ

При таком внутреннем положении России для ее пролетариата, как господствующего класса, главной задачей момента является правильное определение и осуществление тех мер, которые необходимы для руководства крестьянством, для прочного союза с ним, для долгого ряда постепенных переходов к *крупному* обобществленному машинному земледелию. Эта задача в России особенно трудна, как в силу отсталости нашей страны, так и вследствие крайнего разорения ее империалистской и гражданской семилетней войной. Но и помимо такой особенности эта задача принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встанут перед всеми капиталистическими странами,—может быть, за исключением одной только Англии. Однако и по отношению к Англии нельзя забывать, что если в ней особенно малочисленен класс мелких земледельцев арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих вследствие фактического рабства сотен миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии.

Поэтому с точки зрения развития всемирной пролетарской революции, как единого процесса, значение переживаемой Россией эпохи состоит в том, чтобы практически испытать и проверить политику пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, по отношению к мелкобуржуазной массе.

5. ВОЕННЫЙ СОЮЗ ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА В Р.С.Ф.С.Р.

Основа для правильного взаимоотношения пролетариата и крестьянства в Советской России создана эпохой 1917—1921 годов, когда нашествие капиталистов и помещиков, поддержанных и всей мировой буржуазией и всеми партиями мелкобуржуазной демократии (эсерами и меньшевиками), создало, закрепило и оформило военный союз пролетариата и крестьянства за Советскую власть. Гражданская война есть самая острая форма классовой борьбы, а, чем острее эта борьба, тем скорее сгорают в ее огне все мелкобуржуазные иллюзии и предрассудки, тем очевиднее показывает сама практика даже наиболее отсталым слоям крестьянства, что спасти его может только диктатура пролетариата, что эсеры и меньшевики фактически являются лишь прислужниками помещиков и капиталистов.

Но если военный союз между пролетариатом и крестьянством явился—и не мог не явиться—первой формой их прочного союза, то он не мог бы держаться и несколько недель без известного экономического союза названных классов. Крестьянин получил от рабочего государства всю землю и защиту от помещика, от кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие в ссуду до восстановления крупной промышленности.

6. ПЕРЕХОД К ПРАВИЛЬНЫМ ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА

Вполне правильным и устойчивым, с социалистической точки зрения, союз мелких крестьян и пролетариата может стать лишь тогда, когда вполне восстановленные транспорт и крупная промышленность позволят пролетариату давать крестьянам в обмен на продовольствие все необходимые для них и для улучшения их хозяйства продукты. При громадном разорении страны этого никак нельзя было достигнуть сразу. Разверстка была наиболее доступной для недостаточно организованного государства мерой, чтобы продержаться в неслыханно трудной войне против помещиков. Неурожай и бескормица 1920 года особенно обострили и без того тяжелую нужду крестьян, сделав безусловно необходимым немедленный переход к продовольственному налогу.

Умеренный продналог сразу дает большое улучшение в положении крестьянства, заинтересовывая его вместе с тем в расширении посевов и улучшении земледелия.

Продналог является переходом от реквизиции всех хлебных излишков крестьянина к правильному социалистическому продуктообмену между промышленностью и земледелием.

7. ЗНАЧЕНИЕ И УСЛОВИЯ ДОПУСТИМОСТИ КАПИТАЛИЗМА И КОНЦЕССИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Продналог, естественно, означает свободу крестьянина распоряжаться излишками, остающимися после уплаты налога. Поскольку государство не сможет предоставить крестьянину продуктов социалистической фабрики в обмен на все эти излишки, постольку свобода торговли излишками неминуемо означает свободу развития капитализма.

В указанных пределах, однако, это нисколько не страшно для социализма, пока транспорт и крупная промышленность остаются в руках пролетариата. Напротив, развитие капитализма под контролем и регулированием пролетарского государства (т.-е. в *этом* смысле слова «государственного» капитализма) выгодно и необходимо в чрезвычайно разоренной и отсталой мелкокрестьянской стране (конечно, в известной лишь мере), поскольку оно в состоянии ускорить *немедленный* подъем крестьянского земледелия. Еще более относится это к концессиям: не производя никакой денационализации, рабочее государство отдает в аренду определенные рудники, лесные участки, нефтяные промыслы и прочее иностранным капиталистам, чтобы получить от них добавочное оборудование и машины, позволяющие нам ускорить восстановление советской крупной промышленности.

Плата концессионерам в виде доли высокоценных продуктов является несомненно данью рабочего государства мировой буржуазии; нисколько не затушевывая этого, мы должны ясно понять, что нам выгодно внести эту дань, лишь бы ускорить восстановление нашей крупной промышленности и серьезное улучшение положения рабочих и крестьян.

8. УСПЕХИ НАШЕЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Продовольственная политика Советской России в 1917—1921 годах, несомненно, была очень груба, несовершенна, порождала много злоупотреблений. Был ряд ошибок при ее осуществлении. Но она была единственно возможной при тех условиях, в общем и целом. И она выполнила свое историческое задание: спасла пролетарскую диктатуру в разоренной и отсталой стране. Бесспорный факт, что она постепенно совершенствова-

лась. В первый год нашей полной власти (1. VIII. 1918—1. VIII. 1919) государство собрало 110 миллионов пудов хлеба; во второй—220; в третий—более 285.

Теперь, имея уже практический опыт, мы ставим себе задачей собрать и рассчитываем собрать 400 миллионов пудов (размер продналога = 240 миллионов пудов). Лишь будучи фактически владельцем достаточного продовольственного фонда, рабочее государство в состоянии прочно стоять в экономическом отношении на собственных ногах, обеспечить хотя бы медленное, но неуклонное восстановление крупной промышленности, создать правильную финансовую систему.

9. МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА СОЦИАЛИЗМА И ПЛАН ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ РОССИИ

Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны. Научную работу выработки плана такой электрификации Р.С.Ф.С.Р. мы должны были выработать, и мы ее выполнили. При участии свыше 200 лучших научных, инженерных и агрономических сил России эта работа закончена, напечатана в виде объемистого тома и утверждена, в общем, VIII Всероссийским Съездом Советов в декабре 1920 г. Теперь уже организован созыв Всероссийского съезда электротехников, который соберется в августе 1921 г., подробно рассмотрит эту работу, и она получит тогда окончательное государственное утверждение. Работы по электрификации первой очереди рассчитаны на 10 лет; они потребуют около 370 миллионов рабочих дней.

Если в 1918 году у нас было вновь построенных электрических станций 8 (с 4.757 kw—килоуатт), то в 1919 году эта цифра поднялась до 36 (с 1.648 kw), а в 1920 году до 100 (с 8.699 kw).

Как ни скромно это начало для нашей громадной страны, а все же начало положено, работа пошла и идет все лучше и лучше. Русский крестьянин после империалистской войны, после знакомства миллиона пленных в Германии с современной передовой техникой, после тяжелого, но закаляющего опыта трехлетней гражданской войны—уже не тот, каким он был в старину. С каждым месяцем он видит все яснее и все нагляд-

нее, что руководство пролетариата одно только в состоянии вывести массу мелких земледельцев из рабства капиталу и привести к социализму.

10. РОЛЬ «ЧИСТОЙ ДЕМОКРАТИИ», 2 и 2½ ИНТЕРНАЦИОНАЛА, ЭСЕРОВ И МЕНЬШЕВИКОВ, КАК СОЮЗНИКОВ КАПИТАЛА

Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в новой форме и новыми орудиями. Пока остаются классы, пока свергнутая в одной стране буржуазия удесятеряет свои атаки на социализм в международном масштабе, до тех пор эта диктатура необходима. Класс мелких земледельцев не может не переживать в переходную эпоху ряда колебаний. Трудности переходного положения, влияние буржуазии неизбежно вызывают от времени до времени колебания в настроении этой массы. На пролетариат, ослабленный и до известной степени деклассированный разрушением его жизненной основы, крупной машинной промышленности, ложится очень трудная и самая великая историческая задача устоять вопреки этим колебаниям и довести до конца свое дело освобождения труда от ига капитала.

Политическим выражением колебаний мелкой буржуазии является политика мелкобуржуазных демократических партий, т.е. партий 2 и 2½ Интернационалов, каковыми в России состоят партии эсеров («социалистов-революционеров») и меньшевиков. Имея теперь свои главные штабы и газеты за границей, эти партии фактически идут в блоке со всей буржуазной контр-революцией и служат ей верную службу.

Умные вожди русской крупной буржуазии и во главе их Милюков, вождь партии «кадетов» («конституционных демократов»), вполне ясно, точно и прямо оценили эту роль мелкобуржуазной демократии, т.е. эсеров и меньшевиков. По поводу кронштадтского восстания, в котором оказались соединившими свои силы меньшевики, эсеры и белогвардейцы, Милюков высказался за лозунг «Советы без большевиков». Развивая эту мысль, он писал: «честь и место» эсерам и меньшевикам («Правда» № 64, 1921 г., цитата из парижских «Последних Новостей»), ибо на них ложится задача *первой передвижки* власти от большевиков. Милюков, вождь крупной буржуазии, правильно учитывает уроки всех революций, показавших, что мелкобуржуазная демократия неспособна удержать власти, служа всегда лишь прикрытием диктатуры буржуазии, лишь ступенькой к всевластию буржуазии.

Пролетарская революция в России еще и еще раз подтверждает этот опыт 1789—1794 и 1848—1849 годов, подтверждает слова Фр. Энгельса, который в письме к Бебелю от 11. XII. 1884 года писал: ...«Ей [чистой демократии] не помешает в момент революции на короткий срок приобрести временное значение... *в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства.* Точно так же в 1848 г. вся феодально-бюрократическая масса с марта по сентябрь поддерживала либералов *для того, чтобы удержать в повиновении революционные массы...* Во всяком случае, во время кризиса и на другой день после него, *нашим единственным противником явится вся реакционная масса, объединяющаяся вокруг чистой демократии,* и этого, как я полагаю, ни в каком случае упускать из виду нельзя» (опубликовано по-русски в газете «Коммунистический Труд», 1921 г., № 360, от 9. VI. 1921, в статье тов. В. Адоратского «Маркс и Энгельс о демократии». По-немецки в книге: Фридрих Энгельс: «Политическое завещание», Берлин 1920 г., № 12 «Международной Библиотеки Юношества», стр. 19).

Москва,
Кремль, 13. VI. 1921.

Избр. произв., изд. 3, т. II, стр. 617—653.

РЕЧЬ ПО ИТАЛЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ
28 ИЮНЯ

Товарищи! Я хотел бы ответить, главным образом, тов. Лаццари. Он сказал: «Приводите конкретные факты—не слова». Великолечно. Но если мы проследим развитие реформистско-оппортунистской тенденции в Италии, то что это будет—слова или факты? В ваших речах и во всей вашей политике вы упускаете из виду многозначительное для социалистического движения в Италии обстоятельство, что не только эта тенденция, но и оппортунистическо-реформистская группа существуют уже в течение долгого времени. Мне еще хорошо памятно то время, когда Бернштейн начал свою оппортунистическую пропаганду, закончившуюся социал-патриотизмом, изменой и банкротством II Интернационала. Еще с тех пор Турати известен нам не только по имени, но и по пропаганде в Итальянской партии и в итальянском рабочем движении, дезорганизатором которого он был в течение 20 лет, истекших с того времени. Недостаток времени лишает меня возможности основательно изучить материалы, касающиеся Итальянской партии, но одним из наиболее важных документов я считаю помещенный в одной из буржуазных итальянских газет—не помню уже, в «Stampa»* или в «Corriere della Sera»**—отчет о конференции Турати и его друзей в Реджио-Эмилия. Я сравнил его с тем, что было опубликовано в «Avanti»***. Не является ли это достаточным доказательством? После II конгресса Коммунистического Интернационала, мы, в споре с Серрати и его друзьями, открыто и точно сказали им, какова, по нашему убеждению, ситуация. Мы заявили им, что Итальянская партия не может сделаться коммунистической до тех пор, пока она еще терпит в своих рядах таких людей, как Турати.

Что же это—политические факты или опять одни слова? А когда мы, после II конгресса Коммунистического Интернацио-

---

* — «Пресса». *Ред.*

** — «Вечерний Курьер». *Ред.*

*** — «Вперед». *Ред.*

пала, открыто заявили итальянскому пролетариату: «Не вступайте в единение с реформистами, с Турати»,—и когда Серрати начал помещать в итальянской печати ряд статей против Коммунистического Интернационала и созвал особое совещание реформистов,—разве все это слова? Это было больше, чем расколом, это было уже созданием новой партии. Надо было быть слепым, чтобы не видеть этого. Документ этот имеет решающее значение для этого вопроса. Все, принимавшие участие в конференции в Реджио-Эмилия, должны быть исключены из партии: они меньшевики,—не русские, но итальянские меньшевики. Лаццари сказал: «Мы знаем психологию итальянского народа». Я лично не решился бы этого утверждать о русском народе,—но это не важно. «Итальянские социалисты хорошо понимают дух итальянского народа»,—сказал Лаццари. Возможно, не спорю. Но итальянский меньшевизм, если считаться с конкретными данными и с упорным нежеланием его искоренить, им не знаком. Мы вынуждены сказать: необходимо—как это ни печально—подтвердить резолюцию нашего Исполкома. В состав Коммунистического Интернационала не может входить партия, терпящая в своих рядах оппортунистов и реформистов вроде Турати.

«Зачем изменять название партии?—спрашивает тов. Лаццари.—Ведь, оно вполне удовлетворительно». Но мы не можем разделять подобный взгляд. Мы знаем историю II Интернационала, его падение и банкротство. Разве нам не известна история Германской партии? И разве мы не знаем, что величайшее несчастье рабочего движения в Германии в том, что им не был произведен разрыв еще до войны? Это стоило жизни 20.000 рабочим, выданным шейдемановцами и центристами германскому правительству, благодаря их полемике и жалобам на германских коммунистов.

И разве теперь не ту же самую картину мы видим перед собою в Италии? Итальянская партия никогда не была истинно-революционной. Величайшее несчастье ее в том, что она не порвала с меньшевиками и реформистами еще до войны и что последние продолжали оставаться в партии. Тов. Лаццари говорит:—«Мы вполне признаем необходимость разрыва с реформистами; единственное расхождение заключается только в том, что мы не считали нужным совершить его на Ливорнском съезде»⁷. Но факты говорят другое. Мы не в первый раз обсуждаем вопрос об итальянском реформизме. В прошлом году, споря об этом с Серрати, мы спросили его: «Извините, но почему раскол в Итальянской партии не может быть произведен сейчас же, почему он должен быть отложен?». Что же Серрати ответил нам на это?—Ничего. И, цитируя статью Фроссара,

в которой говорится о том, что «необходимо быть ловким и умным», тов. Лаццари, очевидно, видит здесь аргумент в свою пользу и против нас. Я думаю, что он ошибается. Наоборот, это превосходный довод в нашу пользу и против тов. Лаццари. Когда он вынужден будет объяснить итальянским рабочим свое поведение и свой уход, что скажут последние? Если они признают нашу тактику умной и ловкой по сравнению с зигзагами мнимой коммунистической левой—той левой, которая не всегда является даже просто коммунистической, напоминая гораздо чаще анархизм,—что вы им ответите?

Что значат все рассказы Серрати и его партии о том, будто русские только того и желают, чтобы им подражали? Мы требуем как раз противоположного. Недостаточно знать наизусть коммунистические резолюции и при всяком случае употреблять революционные обороты. Этого мало, и мы заранее против коммунистов, знающих наизусть ту или иную резолюцию. Первым условием истинного коммунизма является разрыв с оппортунизмом. С теми коммунистами, которые подписываются под этим, мы будем говорить вполне свободно и открыто и с полным правом и мужеством мы скажем им: «Не делайте никаких глупостей; будьте умны и искусны». Но так мы будем говорить только с теми коммунистами, которые порвали с оппортунистами, чего о вас еще нельзя сказать. И поэтому, повторяю: я надеюсь, что конгресс утвердит резолюцию Исполнительного Комитета. Тов. Лаццари сказал: «Мы находимся в подготовительном периоде». Это сущая правда. Вы находитесь в подготовительном периоде. Первым этапом этого периода является разрыв с меньшевиками, подобный тому, какой мы сами совершили в 1903 году с нашими меньшевиками. И от того факта, что Германская партия не порвала с меньшевиками, страдает весь германский рабочий класс в течение долгого и утомительного послевоенного периода в истории германской революции.

Тов. Лаццари говорит, что Итальянская партия переживает подготовительный период. Я это вполне признаю. И первым этапом является серьезный, окончательный, недвусмысленный и решительный разрыв с реформизмом. И тогда масса станет всецело за коммунизм. Второй этап отнюдь не будет заключаться в повторении революционных лозунгов. Он будет заключаться в принятии наших умных и искусных решений, которые всегда будут таковыми и всегда будут повторять: основные революционные принципы должны быть приспособлены к особенностям разных стран.

Революция в Италии будет протекать иначе, чем в России. Она начнется иным образом. Каким именно? Ни вы, ни мы не

знаем этого. Итальянские коммунисты не всегда являются в достаточной мере коммунистами. Во время занятия фабрик в Италии проявил ли себя там хоть один коммунист? Нет, коммунизма не существовало еще тогда в Италии; можно говорить об известном анархизме, но никак не о марксистском коммунизме. Последний только должен быть создан, привит рабочим массам путем опыта революционной борьбы. И первым шагом на этом пути является окончательный разрыв с меньшевиками, которые в течение более 20 лет сотрудничали и работали с буржуазным правительством. Очень может быть, что Модильяни, которого я имел случай наблюдать немного на Циммервальдской и Кинтальской конференциях, достаточно ловкий политик, чтобы не вступать в буржуазное правительство, а оставаться в центре социалистической партии, где он может приносить буржуазии гораздо больше пользы. Но уже вся теоретическая позиция, вся пропаганда, вся агитация группы Турати и его друзей является сотрудничеством с буржуазией. Не доказано ли это многочисленными цитатами, приведенными в речи Дженнари? Да, это тот единый фронт, который уже подготовил Турати. Поэтому, я должен сказать тов. Лаццари: речами, подобными вашей и той, которую держал здесь тов. Серрати, революция не подготавливается, а дезорганизуется. *(Крики: «Браво!». Аплодисменты.)*

В Ливорно у вас было значительное большинство. У вас было 98.000 голосов против 14.000 реформистских и 58.000 коммунистических. Для начала чисто-коммунистического движения в стране, подобной Италии, с ее известными традициями, без достаточной подготовки раскола, указанное число означает для коммунистов большой успех.

Это большая победа, ошутительное доказательство, иллюстрирующее тот факт, что рабочее движение в Италии будет развиваться быстрее, чем наше движение в России, потому что, если вы знаете цифры, относящиеся к нашему движению, то вам известно, что в феврале 1917 года, после падения царизма и во время буржуазной республики, мы составляли еще меньшинство по отношению к меньшевикам. Так было после 15 лет ожесточенной борьбы и расколов. У нас правое крыло не получило развития, и это было не так просто, как вы думаете, говоря о России в пренебрежительном тоне. Безусловно, в Италии развитие пойдет совершенно иначе. После 15 лет борьбы с меньшевиками и после падения царизма, мы начинали работать с гораздо меньшим числом сторонников. У вас—58 тысяч коммунистически настроенных рабочих против 98 тысяч объединенных центристов, занимающих неопределенную позицию. Это доказательство, это факт, который безусловно должен убедить всех тех, кто не хочет закры-

вать глаза на массовое движение итальянских рабочих. Все не приходит сразу. Но это уже служит доказательством, что за нами стоят рабочие массы—не старые вожди, не бюрократы, не профессора, не журналисты,—но действительно эксплуатируемый класс, авангард эксплуатируемых. И это показатель той крупной ошибки, которую вы совершили в Ливорно. Это факт. Вы располагали 98 тысячами голосов, но вы предпочли пойти с 14 тысячами реформистов против 58 тысяч коммунистов. Даже если бы эти коммунисты не были действительными коммунистами, если бы они были только сторонниками Бордиги,—что неправда, так как Бордига после II конгресса совершенно лойяльно заявил, что он отказывается от всякого анархизма и антипарламентаризма,—то вы должны были бы пойти с ними. Что вы сделали? Вы предпочли объединение с 14 тысячами реформистов и разрыв с 58 тысячами коммунистов,—и это самое лучшее доказательство, что политика Серрати была несчастьем для Италии. Мы никогда не хотели, чтобы Серрати в Италии подражал русской революции. Это было бы глупо. У нас достаточно ума и гибкости, чтобы избежать этой глупости. Но Серрати доказал, что он был неправ в своей политике в Италии. Может быть, он должен был лавировать. Это—то выражение, которое он здесь год тому назад чаще всего повторял. Он говорил: «Мы умеем лавировать, мы не хотим рабского подражания. Это было бы идиотизмом. Мы должны будем лавировать, чтобы вызвать отделение от оппортунизма. Вы, русские, вы не умеете этого делать. Мы, итальянцы, способнее в этом отношении. Мы еще посмотрим». И что же мы увидели? Серрати великолепно лавировал. Он порвал с 58 тысячами коммунистов. А теперь товарищи приезжают сюда и говорят: «Если вы нас оттолкнете, массы запутаются». Нет, товарищи, вы ошибаетесь. Рабочие массы в Италии запутались сейчас, и им пойдет на пользу, если мы им скажем: «Выбирайте, товарищи, выбирайте, итальянские рабочие, между Коммунистическим Интернационалом, который никогда не потребует, чтобы вы рабски подражали русским, и между меньшевиками, которых мы знаем в течение 20 лет и которых мы никогда не потеряем в качестве соседей в подлинном революционном Коммунистическом Интернационале». Вот что мы скажем итальянским рабочим. Результат не подлежит сомнению. Рабочие массы пойдут за нами.

ДОКЛАД О ТАКТИКЕ Р.К.П. 5 ИЮЛЯ

Товарищи, собственно говоря, я не имел возможности подготовиться, как следует, к настоящему докладу. Перевод моей брошюры о продналоге* и тезисы о тактике Российской Коммунистической Партии**—вот все, что я мог систематически подготовить. К этому материалу я хочу лишь присоединить несколько пояснений и замечаний.

Для обоснования тактики нашей партии, надо, как мне кажется, начать с освещения международного положения. Мы уже подробно обсудили экономическое положение капитализма в международном масштабе, и конгресс уже принял по этому поводу определенные резолюции. Я очень кратко касаюсь этого вопроса в моих тезисах и исключительно с политической точки зрения. Я не затрагиваю экономической основы, но я думаю, что в международном положении нашей республики политически приходится считаться с тем фактом, что теперь бесспорно наступило известное равновесие сил, которые вели между собой открытую борьбу, с оружием в руках, за господство того или другого руководящего класса,—равновесие между буржуазным обществом, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией—с другой. Но, конечно, равновесие лишь в ограниченном смысле. Только в отношении этой военной борьбы я утверждаю, что наступило известное равновесие в международном положении. Конечно, необходимо подчеркнуть, что речь идет только об относительном равновесии, о весьма неустойчивом равновесии. В капиталистических государствах накопилось много горючего материала, точно так же, как и в тех странах, которые до сих пор рассматривались лишь как объекты, а не субъекты истории,—т.-е. колониальных и полуколониальных; вполне возможно поэтому, что в этих странах, рано или поздно,

* См. Соч., т. XXVI, стр. 317—352. *Ред.*

** См. выше, стр. 159—166. *Ред.*

и совершенно неожиданно, вспыхнут восстания, великие бои и революции. За последние годы мы видели прямую борьбу международной буржуазии против первой пролетарской республики. Эта борьба была в центре всего мирового политического положения, и именно тут теперь произошло изменение. Поскольку попытка международной буржуазии удушить нашу республику не удалась, постольку наступило равновесие,—разумеется, весьма неустойчивое.

Конечно, мы прекрасно понимаем, что международная буржуазия сейчас гораздо сильнее нашей республики и что только своеобразное сочетание условий препятствует ей продолжать войну против нас. Уже в течение последних недель мы могли снова наблюдать на Дальнем Востоке попытку возобновить нашествие, и не подлежит никакому сомнению, что подобные попытки будут продолжаться и далее. На этот счет в нашей партии нет никаких сомнений. Для нас важно установить, что существует неустойчивое равновесие, и что мы должны использовать эту передышку, принимая во внимание характерные признаки настоящего положения, применяя нашу тактику к особенностям этого положения и не забывая ни на одну минуту, что внезапно снова может возникнуть необходимость вооруженной борьбы. Организация Красной армии, ее усиление остаются, попрежнему, нашей задачей. И в отношении продовольственного вопроса мы должны попрежнему и в первую очередь думать о нашей Красной армии. В данном международном положении, когда мы все еще должны ждать новых нападений и новых попыток нашествия международной буржуазии, мы не можем вступить на другой путь. В отношении же нашей практической политики, тот факт, что в международном положении наступило некоторое равновесие, имеет известное значение, но только в том смысле, что мы должны признать, что революционное движение, правда, подвинулось вперед, но что развитие международной революции в этом году не пошло так прямолинейно, как мы этого ожидали.

Когда мы начинали, в свое время, международную революцию, мы делали это не из убеждения, что можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что, в случае поражения, мы все же послужим делу революции, и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее, мы думали: или сейчас

же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, в капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть. Несмотря на это сознание, мы делали все, чтобы при всех обстоятельствах и во что бы то ни стало сохранить советскую систему, так как знали, что работаем не только для себя, но и для международной революции. Мы это знали, мы неоднократно выражали это убеждение до Октябрьской революции, точно так же как и непосредственно после нее и во время заключения Брест-Литовского мира. И это было, говоря вообще, правильно.

Но в действительности движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали. В других крупных, капиталистически наиболее развитых, странах революция еще до сих пор не наступила. Правда, революция развивается—мы с удовлетворением можем это установить—во всем мире, и только благодаря этому обстоятельству международная буржуазия, хотя она в экономическом и военном отношениях в сто раз сильнее нас, не в состоянии нас задушить.

Я рассматриваю в § 2 тезисов*, каким образом создалось такое положение и какие выводы мы должны из него сделать. Я еще прибавлю, что окончательный вывод, который я из него делаю, следующий: развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это поступательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали. С первого взгляда ясно, что в других капиталистических странах, после заключения мира, как бы плох он ни был, вызвать революцию не удалось, хотя революционные симптомы, как мы знаем, были очень значительны и многочисленны, — даже гораздо значительнее и многочисленнее, чем мы думали. Сейчас начинают появляться брошюры, которые нам рассказывают, что за последние годы и месяцы эти революционные симптомы были в Европе гораздо серьезнее, чем мы подозревали. Что же мы должны теперь делать? Сейчас необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах. Это первый урок, который мы должны вывести из международного положения. Для нашей Российской республики, мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории. Политически это равновесие очень важно, потому что мы ясно видим, что именно во многих западно-европейских странах, где широкие массы рабочего класса, а весьма вероятно и громадное большинство населения, организованы,

---

* См. выше, стр. 160. *Ред.*

главную опору буржуазии составляют как раз враждебные организации рабочего класса, примыкающие ко 2 и 2½ Интернационалам. Я говорю об этом в § 2 тезисов и думаю, что здесь мне следует коснуться только двух пунктов, которые были уже освещены в наших прениях по вопросу о тактике. Во-первых: завоевание большинства пролетариата. Чем организованнее пролетариат в капиталистически-развитой стране, тем больше основательности требует от нас история в деле подготовки революции и с тем большей основательностью мы должны завоевывать большинство рабочего класса. Во-вторых: главной опорой капитализма в промышленно-развитых капиталистических странах является как раз часть рабочего класса, организованная во 2 и 2½ Интернационалах. Если бы она не опиралась на эту часть рабочих, на эти контр-революционные элементы внутри рабочего класса, международная буржуазия была бы совершенно не в состоянии удержаться.

Я хотел бы также подчеркнуть здесь значение движения в колониях. В этом отношении мы видим во всех старых партиях, во всех буржуазных и мелкобуржуазных рабочих партиях 2 и 2½ Интернационалов остатки старых сантиментальных воззрений: глубокое сочувствие к угнетенным колониальным и полуколониальным народам. Движение в колониальных странах все еще рассматривается, как незначительное национальное и совершенно мирное движение. Но это не так. С начала XX столетия в этом отношении произошли большие изменения, а именно: миллионы и сотни миллионов,—фактически громаднейшее большинство населения земного шара,—сейчас выступают, как самостоятельные активные революционные факторы. И совершенно ясно, что в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем. Важно подчеркнуть, что мы, в первый раз в нашем Интернационале, подошли к подготовке этой борьбы. Конечно, в этой громадной области затруднений гораздо больше, но, во всяком случае, движение идет вперед, и массы трудящихся, крестьяне колониальных стран, несмотря на то, что они сейчас еще отстали, сыграют очень большую революционную роль в последующих фазисах мировой революции.

Что касается внутреннего политического положения нашей республики, то я должен начать с точного рассмотрения классовых отношений. За последние месяцы тут произошло изменение, поскольку мы наблюдаем образование новых направленных

против нас организаций эксплуатирующего класса. Задача социализма состоит в том, чтобы уничтожить классы. В первых рядах класса эксплуататоров стоят крупные землевладельцы и капиталисты-промышленники. Здесь работа разрушения довольно легка и может быть доведена до конца в несколько месяцев, а иногда даже в несколько недель или дней. Мы в России экспроприровали наших эксплуататоров, крупных землевладельцев, точно так же, как и капиталистов. Во время войны у них не было своей собственной организации, и они действовали лишь как прихвостни военных сил международной буржуазии. Теперь, после того, как мы отразили наступление международной контр-революции, образовалась заграничная организация русской буржуазии и всех русских контр-революционных партий. Можно считать число русских эмигрантов, которые рассеялись по всем заграничным странам, в полтора или два миллиона. Почти в каждой стране они выпускают ежедневные газеты, и все партии, помещичьи и мелкобуржуазные, не исключая и социалистов-революционеров и меньшевиков, имеют многочисленные связи с иностранными буржуазными элементами, т.-е. получают достаточно денег, чтобы иметь свою печать; мы можем наблюдать за границей совместную работу всех без исключения наших прежних политических партий, и мы видим, как «свободная» русская печать за границей, начиная с социалистов-революционеров и меньшевиков и кончая реакционнейшими монархистами, защищает крупное землевладение. Это, до известной степени, облегчает нашу задачу, потому что мы легче можем обозревать силы врага, его организованность и политические течения в его лагере. С другой стороны, это, конечно, затрудняет нашу работу, потому что эти русские контр-революционные эмигранты пользуются всеми средствами для подготовки борьбы против нас. Эта борьба снова доказывает, что в общем и целом классовый инстинкт и классовое сознание господствующих классов стоят все еще выше самосознания угнетенных классов, несмотря на то, что русская революция в этом отношении сделала больше, чем все прежние революции. В России нет ни одной деревни, где бы народ, где бы угнетенные не подверглись встряске. Несмотря на это, если мы хладнокровно оценим организованность и политическую ясность взглядов живущей за границей русской контр-революционной эмиграции, мы убедимся, что классовое сознание буржуазии все еще выше классового сознания эксплуатируемых и угнетенных. Эти люди делают всевозможные попытки, они ловко пользуются каждым случаем, чтобы, в той или иной форме, напасть на Советскую Россию и раздробить ее. Было бы весьма поучительно,— и я думаю, что иностранные товарищи это сделают,—система-

тически проследить за важнейшими стремлениями, за важнейшими тактическими приемами, за важнейшими течениями этой русской контр-революции. Она работает, главным образом, за границей, и иностранным товарищам будет не особенно трудно проследить за этим движением. В некоторых отношениях мы должны учиться у этого врага. Эти контр-революционные эмигранты очень осведомлены, великолепно организованы, хорошие стратеги, и я думаю, что систематическое сравнение, систематическое изучение того, как они организуются и как пользуются тем или иным случаем, может оказать сильное воздействие на рабочий класс с точки зрения пропаганды. Это не общая теория, это—практическая политика, и здесь видно, чему враг научился. Русская буржуазия за последние годы потерпела страшное поражение. Существует старое крылатое слово о том, что разбитая армия многому научается. Разбитая реакционная армия многому научилась, прекрасно научилась. Она учится с величайшей жадностью, и она действительно добилась больших успехов. В то время, когда мы одним натиском взяли власть, русская буржуазия была неорганизована, политически неразвита. Теперь, я думаю, она стоит на высоте современного западно-европейского развития. Мы должны считаться с этим, должны улучшать наши собственные организации и методы, и мы будем добиваться этого всеми силами. Нам было сравнительно легко, и я думаю, что и для других революций будет также легко справиться с этими двумя эксплуататорскими классами.

Но кроме этого класса эксплуататоров, почти во всех капиталистических странах,—может быть, за исключением Англии,—существует класс мелких производителей и мелких земледельцев. Главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух последних классов. Чтобы освободиться от них, необходимо применять другие методы, чем в борьбе против крупных землевладельцев и капиталистов. Оба последние класса мы могли просто экспроприировать и прогнать,—что мы и сделали. Но с последними капиталистическими классами, с мелкими производителями и с мелкими буржуа, которые существуют во всех странах, мы не можем поступить подобным образом. В большинстве капиталистических стран эти классы представляют очень сильное меньшинство, приблизительно от 30 до 45% населения. Если мы присоединим к ним мелкобуржуазный элемент рабочего класса, то выйдет даже больше 50%. Их нельзя экспроприировать или прогнать,—здесь борьба должна вестись иначе. Значение периода, который начинается сейчас в России, с международной точки зрения,—если рассматривать международную революцию, как единый процесс,—состоит по существу в том,

что мы практически должны разрешить вопрос об отношениях пролетариата к последнему капиталистическому классу в России. Теоретически все марксисты хорошо и легко разрешали этот вопрос; но теория и практика—две вещи разные, и разрешать этот вопрос практически или теоретически совсем не одно и то же. Мы определенно знаем, что делали большие ошибки. С международной точки зрения представляет громадный прогресс, что мы стремимся определить отношение держащего в своих руках государственную власть пролетариата к последнему капиталистическому классу, к глубочайшей основе капитализма, к мелкой собственности, к мелкому производителю. Этот вопрос сейчас практически встал перед нами. Я думаю, что мы сможем разрешить эту задачу. Во всяком случае, опыт, который мы проделываем, будет полезен для грядущих пролетарских революций, и они сумеют технически лучше подготовиться к разрешению этого вопроса.

Я пытался проанализировать в моих тезисах вопрос об отношениях пролетариата к крестьянству*. Впервые в истории существует государство, в котором есть только эти два класса, только пролетариат и крестьянство. Последнее образует громадное большинство населения. Оно, конечно, очень отстало. Как выражается практически в развитии революции отношение пролетариата, держащего в своих руках власть, к крестьянству? Первая форма—союз, тесный союз. Это очень трудная задача, но, во всяком случае, экономически и политически возможная.

Как практически подошли мы к этому вопросу? Мы заключили союз с крестьянством. Мы понимаем этот союз так: пролетариат освобождает крестьянство от эксплуатации буржуазии, от ее руководства и влияния и привлекает его к себе, чтобы совместно победить эксплуататоров.

Меньшевики рассуждают так: крестьянство составляет большинство, мы—чистые демократы, а потому большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означает не что иное, как восстановление капитализма. Лозунг тот же самый: союз с крестьянами. Когда мы об этом говорим, мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата. Мы пытались осуществить этот союз между пролетариатом и крестьянством, причем первым этапом был военный союз. Трехлетняя гражданская война создала огромные затруднения, но она, в известном отношении, облегчила нашу задачу. Это, может быть, звучит странно, но это так.

---

* См. выше, стр. 161—163. *Ред.*

Война не явилась чем-то новым для крестьян; война против эксплуататоров, против крупных землевладельцев была им вполне понятна. Громадные массы крестьян были за нас. Несмотря на огромные расстояния, несмотря на то, что большинство наших крестьян не умеет ни читать, ни писать, наша пропаганда воспринималась ими очень легко. Это является доказательством того, что широкие массы—как и в наиболее передовых странах—гораздо легче учатся на своем собственном практическом опыте, чем из книг. У нас же практический опыт для крестьянства был облегчен еще тем, что Россия так исключительно велика и что различные части ее могли в одно и то же время переживать различные стадии развития.

В Сибири и на Украине контр-революция могла временно побеждать, потому что буржуазия имела там за собой крестьянство, потому что крестьяне были против нас. Крестьяне нередко заявляли: «Мы большевики, но не коммунисты. Мы—за большевиков, потому что они прогнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против индивидуального хозяйства». И некоторое время контр-революция могла побеждать в Сибири и на Украине, потому что буржуазия имела успех в борьбе за влияние среди крестьян; но достаточно было очень непродолжительного периода, чтобы открыть крестьянам глаза. В короткое время они накопили практический опыт и вскоре сказали: «Да, большевики довольно неприятные люди; мы их не любим, но все же они лучше, чем белогвардейцы и Учредительное собрание». Учредилка у них ругательное слово. Не только у развитых коммунистов, но и у крестьян. Они знают из практической жизни, что Учредительное собрание и белая гвардия означают одно и то же, что вслед за первым неминуемо приходит вторая. Меньшевики также пользуются военным союзом с крестьянством, но не думают о том, что одного этого союза недостаточно. Военный союз не может существовать без экономического. Мы живем, ведь, не одним воздухом; наш союз с крестьянами никоним образом не мог бы продержаться продолжительное время без экономического фундамента, явившегося основой нашей победы в войне против нашей буржуазии: ведь, наша буржуазия объединилась со всей международной.

Основа этого экономического союза между нами и крестьянством была, конечно, очень простой, даже грубой. Крестьянин получил от нас всю землю и поддержку против крупного землевладения. Мы должны были получить за это продовольствие. Этот союз был чем-то совершенно новым и покоился не на обычных взаимоотношениях между товаропроизводителями и

потребителями. Наши крестьяне понимали это гораздо лучше, чем герои 2 и 2½ Интернационалов. Они говорили себе: «Эти большевики—суровые вожди, но все же это наши люди». Как бы то ни было, мы создали, таким образом, основы нового экономического союза. Крестьяне давали Красной армии свои продукты и получали от нее поддержку при защите своих владений. Это всегда забывают герои 2 Интернационала, которые, подобно Отто Бауэру, совершенно не понимают настоящей обстановки. Мы сознаем, что первоначальная форма союза была очень примитивна, и что мы допустили очень много ошибок. Но мы должны были действовать возможно скорее, мы должны были во что бы то ни стало организовать снабжение армии. Во время гражданской войны мы были отрезаны от всех хлебных местностей России. Наше положение было ужасно, и только чудом могли русский народ и рабочий класс перенести столько страданий, нужды и лишений, не имея ничего, кроме неустанныго стремления к победе.

По окончании гражданской войны наша задача стала, во всяком случае, иною. Если бы страна не была до такой степени разорена, как это было после семи лет непрерывной войны, то был бы, пожалуй, возможен более легкий переход к новой форме союза между пролетариатом и крестьянством. Но и без того тяжелые условия в стране осложнились еще неурожаем, недостатком фуража и т. д. Лишения крестьян стали вследствие этого невыносимыми. Мы должны были немедленно показать широким массам крестьянства, что мы готовы изменить революционным путем нашу политику в том смысле, что крестьяне смогут сказать себе: большевики хотят немедленно и во что бы то ни стало улучшить наше невыносимое положение.

Таким образом, произошло изменение нашей экономической политики; на место реквизиции явился натуральный налог. Это было придумано не сразу. В большевистской печати вы можете найти, на протяжении месяцев, ряд предложений, но проект, действительно обещавший успех, не был придуман. Но это не важно. Важен факт, что изменение нашей экономической политики мы провели, повинувшись исключительно практическим обстоятельствам и вытекавшей из положения необходимости. Неурожай, недостаток фуража, нехватка топлива,—все это имеет, разумеется, решающее влияние на хозяйство в целом, в том числе и на крестьянское. Если крестьянство забастует, то мы не получим дров. А если мы не получим дров, то фабрики вынуждены будут встать. Экономический кризис, вследствие огромного неурожая и недостатка фуража, принял, таким обра-

зом, весной 1921 года гигантские размеры. Все это было последствием трехлетней гражданской войны. Надлежало показать крестьянству, что мы можем и хотим быстро изменить нашу политику, чтобы немедленно облегчить его нужду. Мы постоянно говорим,—на II конгрессе об этом то же говорилось,—что революция требует жертв. Есть товарищи, аргументирующие в своей пропаганде следующим образом: мы готовы произвести революцию, но она не должна быть слишком тяжелой. Если не ошибаюсь, это положение было высказано тов. Шмералем в его речи на чехо-словацком партийном съезде. Я прочел об этом в отчете рейхенбергского «Vorwärts'a»*. Там есть, по-видимому, слегка левое крыло. Этот источник, стало быть, не может считаться совершенно беспристрастным. Во всяком случае, я должен заявить, что если Шмераль это сказал, то он неправ. Некоторые ораторы, выступившие на упомянутом съезде после Шмералья, сказали: «Да, мы пойдем со Шмералем, так как мы избавимся этим от гражданской войны». Если все это правда, то я должен заявить, что такая агитация не коммунистична и не революционна. Естественно, что каждая революция влечет за собою огромные жертвы для класса, который ее производит. Революция отличается от обыкновенной борьбы тем, что в движении принимают участие в десять, в сто раз больше людей, и в этом отношении каждая революция означает жертвы не только для отдельных лиц, но и для целого класса. Диктатура пролетариата в России повлекла за собою такие жертвы, такую нужду и такие лишения для господствующего класса, для пролетариата, каких никогда не знала история, и весьма вероятно, что и во всякой иной стране дело пойдет точно так же.

Возникает вопрос, как мы распределим эти лишения? Мы являемся государственной властью. Мы, до известной степени, в состоянии распределить лишения, возложить их на несколько классов и, таким образом, относительно облегчить положение отдельных слоев населения. По какому принципу должны мы действовать? По принципу справедливости или большинства? Нет. Мы должны действовать практично. Мы должны произвести распределение таким образом, чтобы сохранить власть пролетариата. Это является нашим единственным принципом. В начале революции рабочий класс был вынужден терпеть невероятную нужду. Я констатирую теперь, что наша продовольственная политика достигает из года в год все больших успехов. И в общем положение, несомненно, улучшилось. Но крестьяне безусловно выиграли в России от революции больше, чем рабочий

* — «Вперед». Ред.

класс. В этом не может быть никакого сомнения. С теоретической точки зрения, это, разумеется, показывает, что наша революция, в известной степени, была буржуазной. Когда Каутский выдвигал против нас этот аргумент, мы смеялись. Естественно, что без экспроприации крупного землевладения, без изгнания крупных землевладельцев и без раздела земли бывает только буржуазная, а не социалистическая революция. Однако, мы были единственной партией, сумевшей довести буржуазную революцию до конца и облегчить борьбу за социалистическую революцию. Советская власть и советская система являются институтами нашего государства. Мы уже осуществили эти институты, но задача экономического взаимоотношения между крестьянством и пролетариатом еще не разрешена. Остается еще много сделать, и результат этой борьбы будет зависеть от того, сможем ли мы разрешить эту задачу или нет. Итак, практическое распределение лишений является одним из труднейших вопросов. В общем, произошло улучшение в положении крестьянства, а на долю рабочего класса выпали тяжелые страдания—и именно потому, что он осуществляет свою диктатуру.

Я уже говорил о том, что недостаток фуража и неурожай породили весной 1921 года страшнейшую нужду в крестьянстве, которое является у нас большинством. Без хороших отношений с крестьянскими массами мы не можем существовать. Поэтому, нашей задачей была немедленная им помощь. Положение рабочего класса—чрезвычайно тяжелое. Он страдает ужасно. Однако, наиболее развитые политически элементы понимают, что мы должны, в интересах диктатуры рабочего класса, сделать величайшее усилие, чтобы помочь крестьянству какой угодно ценой. Авангард рабочего класса понял это, но есть еще в нем, в этом авангарде, люди, которые не могут это уразуметь, которые слишком утомлены, чтобы понять это. Они увидели в этом ошибку, стали употреблять слово оппортунизм. Говорили, что большевики-де помогают крестьянам. Крестьянин, который эксплуатирует нас, получает, мол, все, что ему угодно, а рабочий голодает... Но разве это оппортунизм? Мы помогаем крестьянам по той причине, что без союза с ними невозможна политическая власть пролетариата, немислимо сохранение ее. Именно этот мотив целесообразности был для нас решающим, а не мотив справедливого распределения. Мы помогаем крестьянам, так как это безусловно необходимо для сохранения нами политической власти. Высший принцип диктатуры—это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть.

Единственное средство, которое мы для этого нашли, был переход к натуральному налогу, явившийся неизбежным следствием борьбы. В ближайший год мы впервые применим этот налог. Практически этот принцип еще не испробован. От военного союза мы должны перейти к экономическому, и теоретически единственной основой последнего может явиться введение натурального налога. В этом заключается единственная теоретическая возможность придти к действительно солидной экономической базе социалистического общества. Социализованная фабрика дает крестьянину свои продукты, а крестьянин дает за это хлеб. Это единственная возможная форма существования социалистического общества, единственная форма социалистического строительства в стране, где мелкий крестьянин составляет большинство или, по крайней мере, очень значительное меньшинство. Одну часть крестьянин даст в виде налога, а другую в обмен на продукты социалистической фабрики или через товарообмен.

Здесь мы подходим к самому трудному вопросу. Натуральный налог означает, само собою разумеется, свободу торговли. Крестьянин в праве, после выполнения натурального налога, свободно выменивать остаток своего хлеба. Эта свобода обмена означает свободу капитализма. Мы говорим это открыто и подчеркиваем это. Мы этого отнюдь не скрываем. Дела наши были бы плохи, если бы мы вздумали это скрывать. Свобода торговли означает свободу капитализма, но, вместе с тем, новую его форму. Это значит, что мы, до известной степени, заново создаем капитализм. Мы делаем это совершенно открыто. Это — государственный капитализм. Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве — это два различных понятия. В капиталистическом государстве государственный капитализм означает, что он признается государством и контролируется им на пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса, с целью устоять против все еще сильной буржуазии и бороться против нее. Само собой понятно, что мы должны предоставить чужеземной буржуазии, иностранному капиталу, концессии. Без малейшей денационализации, мы передаем рудники, леса, нефтяные источники иностранным капиталистам, чтобы получить от них продукты промышленности, машины и т. д. и, таким образом, восстановить нашу собственную промышленность.

В вопросе о государственном капитализме мы, разумеется, не все сразу были согласны. Но по этому поводу мы могли

с большой радостью констатировать, что наше крестьянство развивается, что оно вполне поняло историческое значение борьбы, которую мы в настоящее время ведем. Совсем простые крестьяне из отдаленнейших мест приходили к нам и говорили: «Как? наших капиталистов, которые говорят по-русски, прогнали, а теперь придут к нам иностранные капиталисты?». Разве это не указывает на развитие наших крестьян? Экономически образованному рабочему не надо объяснять, почему это необходимо. Семилетней войной мы так разорены, что восстановление нашей промышленности требует многих лет. Мы должны заплатить за нашу отсталость, за нашу слабость, за то, чему мы сейчас учимся, чему должны учиться. Кто хочет учиться, должен платить за учебу. Мы должны всем и каждому разъяснить это, и если мы практически докажем это, то огромные массы крестьян и рабочих будут с нами согласны, так как таким путем немедленно улучшится их положение, так как это обеспечит возможность восстановления нашей промышленности. Что вынуждает нас к этому? Мы не одни на свете. Мы существуем в цепи капиталистических государств, как звено мирового хозяйства. На одной стороне колониальные страны, но они еще не могут нам помочь, а на другой—капиталистические страны, но они наши враги. Получается известное равновесие, правда, очень плохое. Но мы все же должны считаться с этим фактом. Мы не должны закрывать глаза на этот факт, если хотим существовать. Либо немедленная победа над всей буржуазией, либо выплата дани.

Мы совершенно открыто признаем, мы не скрываем, что концессии в системе государственного капитализма означают дань капитализму. Но мы выигрываем время, а выиграть время значит выиграть все, особенно в эпоху равновесия, когда наши иностранные товарищи основательно готовят их революцию. А чем основательнее она будет подготовлена, тем вернее будет победа. Ну, а до тех пор мы будем вынуждены платить дань.

Несколько слов о нашей продовольственной политике. Она была, несомненно, и примитивной и плохой. Но мы можем указать и на успехи. В связи с этим, я еще раз должен подчеркнуть, что единственной возможной экономической основой социализма является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист. Мы должны конкретно разработать этот вопрос. Мы не можем ставить вопросы так, как это делают теоретики старого социализма. Мы должны ставить их практически. Что значит современная крупная промышленность? Это значит электрификация всей России. Швеция, Германия и

Америка уже близки к ее осуществлению, хотя это страны еще буржуазные. Один товарищ из Швеции рассказывал мне, что значительная часть промышленности там электрифицирована, а также 30% сельского хозяйства. В Германии и в Америке, как в странах еще более развитых капиталистически, мы встречаемся с этим в еще большем масштабе. Крупная машинная индустрия означает не что иное, как электрификацию всей страны. Мы уже назначили специальную комиссию из лучших экономистов и технических сил. Почти все они, правда, настроены против Советской власти. Все эти специалисты придут к коммунизму, но не так, как мы, не через двадцатилетнюю подпольную работу, во время которой мы непрерывно изучали, повторяли и пережевывали азбуку коммунизма.

Почти все органы Советской власти были за то, чтобы мы пошли к специалистам. Специалисты-инженеры придут к нам, когда мы им практически докажем, что таким путем повышаются производительные силы страны. Недостаточно доказывать им это теоретически. Мы должны им доказать это практически. И мы привлечем этих людей на нашу сторону, если мы поставим вопрос иначе, не на почву теоретической пропаганды коммунизма. Мы говорим: крупная промышленность—единственное средство спасти крестьянство от нужды и голода. С этим все согласны. Но как сделать это? Восстановление промышленности на старой основе требует слишком много труда и времени. Мы должны придать промышленности более современные формы, а именно—перейти к электрификации. Она требует значительно меньшего времени. Планы электрификации нами уже выработаны. Более 200 специалистов—почти все, без исключения, противники Советской власти—с интересом работали над этим, хотя они и не коммунисты. Но, с точки зрения технической науки, они должны были признать, что это единственно правильный путь. Конечно, от плана до его осуществления еще очень далеко. Осторожные специалисты говорят, что первый ряд работ требует не менее 10 лет. Профессор Баллод высчитал, что для электрификации Германии достаточно трех-четырёх лет. Для нас же и десяти лет слишком мало. В моих тезисах я привожу фактические цифровые данные, чтобы вы видели, как мало мы до сих пор могли сделать в этой области*. Приводимые мною цифры до такой степени скромны, что сразу уясняется их более пропагандистское, чем научное значение. Однако, мы должны начать с пропаганды. Русский крестьянин, принимавший участие в мировой войне и проживший несколько

---

* См. выше, стр. 164—165. *Ред.*

лет в Германии, видел там, как нужно вести хозяйство по-современному, чтобы победить голод. Мы должны вести широкую пропаганду в этом направлении. Эти планы, сами по себе, имеют небольшое практическое значение, но зато их агитационное значение очень велико.

Крестьянин видит, что должно быть создано нечто новое. Крестьянин понимает, что над этим должен работать не каждый сам за себя, но все государство в целом. В германском плену крестьянин увидел и узнал, в чем реальная основа жизни, культурной жизни. 12 тысяч килоуатт—очень скромное начало. Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Да, пусть это скромное начало. Но крестьянство начинает понимать, что надо произвести в огромном масштабе новые работы, и они уже начинаются. Предстоит преодолеть громадные трудности. Мы попытаемся войти в сношения с капиталистическими странами. Не следует жалеть о том, что мы предоставим капиталистам несколько сот миллионов килограммов нефти, под условием, чтобы они помогли нам электрифицировать нашу страну.

А теперь, под конец, несколько слов о «чистой демократии». Я цитирую то, что Энгельс писал 11 декабря 1884 года в письме к Бебелю:

«Чистая демократия приобретает значение в момент революции в качестве последней буржуазной партии, каковой она явилась уже во Франкфурте, став якорем спасения всего буржуазного, даже феодального хозяйства... Так, вся феодально-бюрократическая масса в 1848 году, от марта до сентября, поддерживала либералов с целью подавления революционных масс... Во всяком случае, в день кризиса и на завтра, нашим единственным противником будет *группирующаяся вокруг чистой демократии реакция*, и это обстоятельство, думается мне, не следует упускать из виду».

Мы не можем ставить наши вопросы так, как это делают теоретики. Вся реакция целиком, не только буржуазная, но и феодальная, группируется вокруг «чистой демократии». Германские товарищи знают лучше других, что обозначает «чистая демократия», так как Каутский и прочие вожди 2 и 21½ Интернационалов защищают эту «чистую демократию» против злых большевиков. Если мы будем судить о русских социалистах-революционерах и меньшевиках не по их словам, а на основании их дел, то они окажутся не чем иным, как представителями мелкобуржуазной «чистой демократии». В нашей революции они показали с классической чистотой, и во время последнего кризиса, и в дни кронштадтского восстания, что означает чистая демократия. Брожение в крестьянстве шло очень сильное, среди

рабочих также господствовало недовольство. Они были утомлены и изнурены. Ведь существуют же границы для человеческих сил. Три года они голодали, но нельзя голодать четыре или пять лет. Голод, естественно, оказывает огромное влияние на политическую активность. Как поступили социалисты-революционеры и меньшевики? Все время они колебались и этим усиливали буржуазию. Организация всех русских партий за границей показала, как обстоит сейчас дело. Умнейшие вожди русской крупной буржуазии сказали себе: «Мы не можем победить в России немедленно. Поэтому, нашим лозунгом должно стать: «Советы без большевиков»». Лидер кадетов, Милюков, защищал Советскую власть против социалистов-революционеров. Это звучит очень странно. Но такова практическая диалектика, которую в нашей революции мы изучаем своеобразным путем: на практике нашей борьбы и борьбы наших противников. Кадеты защищают «Советы без большевиков», так как они хорошо понимают положение и так как они надеются поймать на эту удочку часть населения. Так говорят умные кадеты. Не все кадеты, конечно, умны, но часть их умна и почерпнула некоторый опыт из Французской революции. Лозунг сейчас таков: борьба против большевиков какой угодно ценой, во что бы то ни стало. Вся буржуазия помогает теперь меньшевикам и социалистам-революционерам. Эс-эры и меньшевики являются сейчас авангардом всей реакции. Нынешней весной мы имели случай ознакомиться с плодами этого контр-революционного содружества.

Поэтому, мы должны продолжать беспощадную борьбу против этих элементов. Диктатура есть состояние обостренной войны. Мы находимся именно в таком состоянии. Военного нашествия в настоящий момент нет. Однако, мы изолированы. Но, с другой стороны, мы и не вполне изолированы, поскольку вся международная буржуазия мира не в состоянии сейчас открыто вести против нас войну, ибо весь рабочий класс,—хотя большинство его еще не коммунистично,—все же настолько сознателен, что не допускает интервенции. Буржуазии приходится считаться с этим настроением масс, хотя они еще и не дошли до полного коммунизма. Поэтому буржуазия не может сейчас перейти в наступление против нас, хотя это и не исключено. Пока нет общего окончательного результата, будет продолжаться состояние ужасной войны. И мы говорим: «На войне мы поступаем по-военному: мы не обещаем никакой свободы и никакой демократии». Мы объявляем крестьянам совершенно открыто, что они должны выбирать: или власть большевиков,—и мы сделаем тогда всевозможные уступки до тех

пределов, в которых возможно удержание власти, а затем поведем их к социализму,—или же буржуазную власть. Все остальное—обман, чистейшая демагогия. Самая ожесточенная борьба должна быть объявлена этому обману, этой демагогии. Наша точка зрения такова: пока—большие уступки и величайшая осторожность, и именно потому, что налицо некоторое равновесие, именно потому, что мы слабее наших объединенных противников, потому что наша экономическая база слишком слаба, и мы нуждаемся в более сильной хозяйственной основе.

Вот то, что я хотел сказать товарищам о нашей тактике, о тактике Российской Коммунистической Партии.

Соч., т. XXVI, стр. 450—465.

ИЗ ПИСЬМА «К НЕМЕЦКИМ КОММУНИСТАМ»

Тактическая и организационная резолюции III конгресса Коммунистического Интернационала знаменуют, по-моему, большой шаг движения вперед. Все силы надо напредь, чтобы на деле провести обе эти резолюции в жизнь. Это трудно. Но это можно и должно сделать.

Сначала коммунисты должны были на весь мир провозгласить свои принципы. Это сделано на I конгрессе. Это первый шаг.

Вторым шагом было организационное оформление Коммунистического Интернационала и выработка условий приема в него,—условий отделения на деле от центристов, от прямых и косвенных агентов буржуазии внутри рабочего движения. Это сделано на II конгрессе.

На III конгрессе надо было начать деловую, положительную работу, определить конкретно, учитывая практический опыт начатой уже коммунистической борьбы, определить, *как именно* работать дальше, в отношении тактическом и в отношении организационном. Этот третий шаг мы и сделали. Мы имеем армию коммунистов во всем мире. Она еще плохо обучена, плохо организована. Величайшим вредом для дела было бы забвение этой истины или боязнь признать ее. Эту армию надо деловым образом, с величайшей осторожностью и строгостью проверяя себя, изучая опыт своего собственного движения, как следует обучить, как следует организовать, испытать на всяческих маневрах, на разнообразных сражениях, на операциях наступления и отступления. Без этой долгой и тяжелой школы победить нельзя.

«Гвоздем» положения в международном коммунистическом движении летом 1921 года было то, что некоторые из лучших и влиятельнейших частей Коммунистического Интернационала не совсем правильно поняли эту задачу, *чутьочку преувеличили* «борьбу с центризмом», *чутьочку перешли* ту грань, за которой

эта борьба превращается в спорт, за которой начинается компрометация революционного марксизма.

В этом был «гвоздь» III конгресса.

Преувеличение было небольшое. Но опасность его была громадная. Бороться с ним было трудно, ибо преувеличение совершали действительно лучшие, преданнейшие элементы, без которых, пожалуй, и вовсе не было бы Коммунистического Интернационала. В тактических поправках, напечатанных в газете «Москва» на немецком, французском и английском языках за подписью делегаций немецкой, венгерской и итальянской, это преувеличение сказалось вполне определенно,—тем более определенно, что поправки внесены были к законченному уже (после долгой и всесторонней подготовительной работы) проекту резолюции. Отклонение этих поправок было *выпрямлением* линии Коммунистического Интернационала, было победой над опасностью преувеличения.

А преувеличение, если бы его не исправить, погубило бы Коммунистический Интернационал наверняка. Ибо «никто в мире не сможет скомпрометировать революционных марксистов, если они сами себя не скомпрометируют». Никто в мире не сможет помешать победе коммунистов над 2 и 2½ Интернационалами (а это значит, в условиях Западной Европы и Америки XX века, после первой империалистской войны,—победе над буржуазией), *если* сами коммунисты не помешают ей.

А преувеличить, хотя бы чуточку, это и значит помешать победе.

Преувеличить борьбу с центризмом значит *спасти* центризм, *укрепить* его положение, его влияние на рабочих.

Вести победоносную борьбу с центризмом мы, в интернациональном масштабе, научились за период с II до III конгресса. Это доказано делом. Эту борьбу мы продолжим (исключение Леви и партии Серрати) до конца.

Но вести борьбу против неправильных преувеличений в борьбе с центризмом мы *еще не* научились в интернациональном масштабе. Но мы этот свой недостаток поняли, как доказал ход и исход III конгресса. И именно потому, что мы свой недостаток сознали, *мы от него избавимся*.

А тогда мы будем непобедимы, ибо без опоры внутри пролетариата (через буржуазных агентов 2 и 2½ Интернационала) буржуазия в Западной Европе и Америке удержать власть *не в состоянии*.

Более тщательная, более солидная подготовка к новым, все более решающим битвам как оборонительным, так и наступательным,—вот в чем основное и главное в решениях III конгресса.

...«Коммунизм станет в Италии активной массовой силой, если Итальянская коммунистическая партия беспрестанно и неуклонно будет бороться против оппортунистической политики Серрати, и в то же время поддерживать тесную связь с пролетарскими массами в профсоюзах, при забастовках, в борьбе против контр-революционного движения фашистов, если она объединит массовые действия рабочего класса и его стихийные вспышки обратит в тщательно подготовляемые бои»...

...«Объединенная коммунистическая партия Германии будет в состоянии тем успешнее проводить массовые выступления, чем лучше она будет приспособлять свои боевые лозунги к действительному положению вещей, чем тщательнее она будет изучать это положение, и чем более согласованы будут эти выступления»...

Таковы существеннейшие места тактической резолюции III конгресса.

Завоевание на нашу сторону большинства пролетариата — вот «главнейшая задача» (заглавие § 3 в тактической резолюции).

Это завоевание большинства мы, конечно, не понимаем формально, как понимают рыцари мещанской «демократии» из 2½ Интернационала. Когда в Риме в июле 1921 года весь пролетариат пошел за коммунистами против фашистов, и реформистский пролетариат из профсоюзов, и центристский из партии Серрати, это было *завоевание большинства* рабочего класса на нашу сторону.

Это было еще далеко, далеко не решающее, только частичное, только мимолетное, только локальное завоевание. Но это было завоевание большинства. Такое завоевание возможно — даже тогда, когда большинство пролетариата формально идет за вождями из буржуазии или за вождями, проводящими буржуазную политику (каковы все вожди 2 и 2½ Интернационалов), или когда большинство пролетариата колеблется. Такое завоевание неуклонно во всем мире подвигается всюду и всячески вперед. Будем солиднее и тщательнее готовить его, не упустим ни одного серьезного случая, когда буржуазия заставляет пролетариат подниматься на борьбу, научимся правильно определять моменты, когда *массы* пролетариата *не могут не подняться* вместе с нами.

Тогда победа обеспечена, как бы ни были еще тяжелы отдельные поражения и отдельные переходы в нашем великом походе.

Наши тактические и стратегические приемы отстали еще (если судить в интернациональном масштабе) от превосходной стратегии буржуазии, которая научилась на примере России и не даст себя «взять врасплох». Но сил больше, неизмеримо больше за нами, тактике и стратегии мы учимся, мы подвинули

вперед эту «науку» на опыте ошибок мартовского выступления 1921 года. Мы одолеем эту «науку» целиком.

Наши партии еще в громадном большинстве (стран далеко, далеко не таковы, каковыми должны быть настоящие коммунистические партии, настоящие авангарды действительно революционного и единственно революционного класса, с поголовным участием всех членов партии в борьбе, в движении, в повседневной жизни масс. Но мы знаем этот наш недостаток, мы его вскрыли с наибольшей наглядностью в резолюции III конгресса о работе партии. И мы этот недостаток преодолеем.

Товарищи немецкие коммунисты! Позвольте мне закончить пожеланием, чтобы ваш партийный съезд 22 августа покончил твердой рукой и навсегда с мелкой борьбой с отколовшимися влево и вправо. Довольно внутрипартийной борьбы! Долой всякого, кто пожелает еще прямо или косвенно затягивать ее. Мы знаем теперь свои задачи много яснее, конкретнее, нагляднее, чем вчера; мы не боимся указывать открыто на свои ошибки, чтобы исправлять их. Мы отдадим теперь все силы партии на ее лучшую организацию, на повышение качества и содержания ее работы, на создание более тесной связи с массами, на выработку все более и более правильной и точной тактики и стратегии рабочего класса.

С коммунистическим приветом *Н. Ленин.*

14 августа 1921.

Соч., т. XXVI, стр. 491—494.

О ТЕЗИСАХ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

По поводу тезисов по аграрному вопросу, напечатанных за подписью «Цека (Le comité directeur) Французской Коммунистической Партии» в № 95 «Крестьянского Голоса» (La Voix Paysanne), от 19. XI. 1921, я могу сказать следующее:

Мне представляются вполне правильными, соответствующими решениям конгрессов Коминтерна и очень удачно выраженными основные мысли этих тезисов, именно: (1) необходимость революции для того, чтобы избежать новых империалистских войн; (2) крах пацифистской и вильсоновской идеологии; (3) безусловную необходимость создать, по аграрному вопросу, «программу переходных мер» (un programme transitoire) к коммунизму, приспособленных к добровольному переходу крестьян к обобществлению сельского хозяйства и дающих в то же время немедленное улучшение положения громадного большинства сельского населения, наемных рабочих и мелких крестьян; (4) немедленную конфискацию, т. е. экспроприацию без вознаграждения (sans indemnité) как земель необрабатываемых (les terres arables en friche), так и земель обрабатываемых трудом колонов, арендаторов или наемных рабочих (les terres mises en valeur par les colons, fermiers ou salariés); (5) передачу этих земель совокупности рабочих, кои их теперь обрабатывают, с тем, чтобы эти рабочие составили «производительные кооперативы» (coopérative de production), в соответствии с постановлениями нового аграрного законодательства; (6) безусловное обеспечение за «мелкими собственниками, которые сами обрабатывают свои земли» (les petits propriétaires exploitant eux-mêmes), права постоянного (и наследственного) пользования их землями; (7) необходимость обеспечить «непрерывность и увеличение производства» в сельском хозяйстве («continuité et augmentation de la production»); (8) необходимость целого ряда мер, систематически проводящих «коммунистическое воспитание крестьянства» («éducation communiste de la classe paysanne»).

Будучи вполне согласен с этими основными мыслями тезисов, я могу сделать лишь следующие отдельные замечания по поводу этих тезисов вообще:

1. Первая часть тезисов посвящена вопросу: «Война или революция». Здесь говорится, между прочим, и вполне справедливо, что «последние события убили пацифистскую и вильсоновскую идеологию» (*des événements des dernières années ont tué l'idéologie pacifiste et wilsonienne*).

Чтобы довести до конца разрушение этих пацифистских иллюзий, следовало бы, по моему мнению, говорить не только о войне вообще, но также и о специально империалистском характере как войны 1914—1918 г.г., так и подготовляемой теперь войны между Америкой и Японией, при вероятном участии Англии и Франции.

Нет сомнения, что революция пролетариата одна только может положить конец и несомненно положит конец всяким войнам вообще. Но было бы пацифистской иллюзией думать, что победоносная революция пролетариата в одной стране, например, во Франции, сразу и наверняка уничтожит всякие войны.

Опыт России наглядно опроверг эту иллюзию. Этот опыт показал, что только революцией можно было выйти из империалистской войны и что русские рабочие и крестьяне безмерно выиграли от своей революции, *несмотря* на навязанную им капиталистами всех стран *гражданскую войну*. Насколько преступны и губительны реакционные войны и в частности империалистские войны (к каковым принадлежит, и со стороны Франции, война 1914—1918 г.г.: Версальский мир особенно наглядно показал это), настолько же законны и справедливы революционные войны, т.-е. войны в защиту угнетенных классов против капиталистов, в защиту угнетенных империалистами маленькой горстки стран народов против угнетателей, в защиту социалистической революции от иностранных нашествий. Чем яснее будет сознавать это масса рабочих и крестьян Франции, тем менее вероятны и тем менее продолжительны будут неизбежные попытки французских, английских и других капиталистов подавить войной революцию рабочих и крестьян во Франции. В современной Европе, после победы Советской России над *всеми* капиталистическими странами, поддержавшими Деникина, Колчака, Врангеля, Юденича и Пилсудского,—в современной Европе, при безмерном и бесстыдном удушении Германии Версальским миром, гражданская война французских капиталистов против победоносной социалистической революции во Франции может быть лишь весьма непродолжительна и в тысячу раз легче для французских рабочих и крестьян, чем для русских.

Но ясно различать империалистские войны, войны ради дележа капиталистической добычи, войны ради удушения малых и слабых наций, и войны революционные, войны ради защиты от контр-революционных капиталистов, ради свержения их ига, безусловно необходимо.

На основании изложенных соображений я бы считал более правильным, вместо того, что́ сказано в тезисах по вопросу: «война или революция», сказать примерно следующее:

События последних лет разоблачили всю ложь, весь обман идеологии пацифистской и вильсоновской. Надо окончательно разрушить эту ложь. Война 1914—1918 г.г. была империалистской, грабительской, реакционной не только со стороны Германии, но и со стороны Франции; это особенно наглядно показал Версальский мир, еще более зверский и подлый, чем мир Брест-Литовский. Новая война, которая готовится между Америкой и Японией (или Англией) и которая неизбежна при условии сохранения капитализма, неминуемо втянет и капиталистическую Францию, ибо она запутана во всех империалистических преступлениях, зверствах и подлостях нашей империалистской эпохи. Либо новая война и ряд войн ради «защиты» французского империализма, либо социалистическая революция,—никого выбора нет для рабочих и крестьян Франции. И их не запугают ссылки контр-революционеров капиталистов на тяжесть гражданской войны, которую они навязали Советской России. Рабочие и крестьяне Франции умели вести законную, справедливую, революционную войну против своих феодалов, когда они душили великую французскую революцию XVIII века. Французские рабочие и крестьяне сумеют провести такую же законную, справедливую и революционную войну против французских капиталистов, когда они превратятся в эмигрантов, организующих иностранное нашествие против социалистической французской республики. Французским рабочим и крестьянам тем легче будет раздавить своих эксплуататоров, что *вся* Европа, растерзанная, измученная, балканизированная подлым Версальским миром, будет и прямо и косвенно на их стороне.

2. Я считаю неверным, в следующей части тезисов, утверждение: «Предстоящая революция во Франции (*cette révolution que nous devons faire*)... будет в некотором роде революцией преждевременной» (*sera en quelque sorte une révolution avant terme*), равно как и следующее утверждение:

«Концентрация собственности, провозглашенная теоретиками марксизма, не происходила правильно в сельском хозяйстве» (*La concentration de la propriété annoncée par les théoriciens du marxisme ne s'est pas produite avec régularité dans l'agriculture*).

Это неверно. И это не взгляды Маркса, не взгляды марксизма, а взгляды тех «теоретиков» *квази-«марксизма»*, которые довели второй Интернационал до позорного банкротства в 1914 году. Это—взгляды тех псевдо-марксистов, которые с 1914 г. перешли на сторону «своей» национальной буржуазии и над которыми так хорошо издевался в давнипрошедшие времена не кто иной, как Жюль Гэд, когда он писал против Мильерана, что будущие Мильераны будут на стороне «своих» капиталистов в грядущей войне за раздел капиталистической добычи.

Маркс не смотрел упрощенно и прямолинейно на формы процесса концентрации в земледелии. Доказательство—третий том «Капитала». Доказательство—статья Энгельса в 90 г.г. прошлого века против тогдашней французской аграрной программы. Маркс не считал революцию пролетариата «своевременной» лишь при условии экспроприации последнего крестьянина. Предоставим такое толкование взглядов Маркса Гайндманам, Ренделям, Вандервельдам, Зюдекумам, господам Турати и Сerratи.

Я бы советовал выкинуть вон эти неверные, ненужные и компрометирующие французских коммунистов утверждения. Они не нужны для доказательства их практически и теоретически важной и верной основной мысли, именно, что непосредственное применение (*l'application immédiate*) *целостного коммунизма* к условиям *мелкого крестьянского хозяйства* (далеко не в одной Франции, а во всех странах, где есть мелкое крестьянское хозяйство) было бы *глубоко* ошибочно.

Вместо этих неверных утверждений лучше бы поподробнее сказать, почему непрочно обогащение французских крестьян за время войны; почему обесцениваются денежки, нажитые этими крестьянами во время войны; почему усиливается гнет крупных банков и над рабочими и над крестьянами Франции; в чем выражается это усиление, и так далее и тому подобное.

3. В тезисах говорится, далее, что довоенная статистика считала во Франции 5.700.000 сельских хозяйств (*exploitations rurales*); из них 4.850.000 мелких (до 10 гектаров) и 850.000 размером выше 10 гектаров. Эти цифры показывают,—говорится в тезисах,—как неравномерно распределена земля во Франции. «Но эти цифры не дают—говорится в тезисах—никакого точного представления (*«mais ils (ces chiffres) ne fournissent aucune précision»*...) о том отношении, какое существует между размером земель, обрабатываемых их собственниками, и землями, служащими источником капиталистической прибыли» (*«sur le rapport qui existe entre l'étendue des terres travaillées par leur propriétaire et des terres source de profit capitaliste»*).

Во-первых, и те земли, которые обрабатываются своими собственниками, служат во Франции (как и во всякой другой капиталистической стране) «источником капиталистической прибыли». О формах этой прибыли было бы теоретически правильное и практически полезнее поговорить в тезисах Французской Коммунистической Партии, чем о том, будто концентрация собственности не происходит «правильно» («avec régularité») в сельском хозяйстве.

Во-вторых. Справедливо, что французская аграрная статистика плоха, хуже и немецкой, и американской, и швейцарской, и датской, и что *точного* определения *размеров* земельной площади, на которой ведется капиталистическое хозяйство, она не дает. Справедливо и то, указываемое дальше в тезисах, обстоятельство, что наемные рабочие иногда обрабатывают фермы меньше 10 гектаров, а крестьяне собственники иногда обрабатывают «фермы в 20, 30 гектаров и выше» («des fermes de 20, 30 hectares et au-dessus»).

Но если не вполне точное, то все же *приблизительное* представление о размерах земельной площади, находящейся в капиталистической эксплуатации, можно составить и по французской аграрной статистике. У меня нет под руками ни книги Компера-Морея ни других источников, но я помню, что французская статистика выделяет хозяйства, имеющие 40 и более гектаров. Было бы очень полезно привести эти данные, чтобы нагляднее показать французским мелким крестьянам, какую массу земель захватили (у рабочих и у них) французские капиталисты и помещики. Можно (и, на мой взгляд, должно) в аграрных тезисах показать нагляднее, на цифрах французской же аграрной статистики (и на цифрах Компера-Морея, когда он был еще социалистом, а не защитником капиталистов и их грабительской войны 1914—1918 г.г. и их грабительского Версальского мира), какое громадное большинство сельского населения во Франции выиграло бы тотчас, немедленно и очень значительно от пролетарской революции.

4. Мое последнее замечание относится к тем отделам тезисов, где говорится о необходимости повысить производство сельскохозяйственных продуктов, о значении современных машин (*des machines modernes*), в частности о таких машинах, как молотилки (*les batteuses*), моторные плуги (*les charrues à tracteur*) и т. д.

Все эти указания тезисов безусловно справедливы и практически необходимы. Мне бы казалось только, что не следует оставаться в пределах вполне обычного для капиталистической техники, что следовало бы сделать шаг дальше. Следовало бы

сказать несколько слов о необходимости планомерной и полной электрификации всей Франции, о безусловной невозможности провести эту работу *в пользу рабочих и крестьян* без свержения власти буржуазии, без завоевания власти пролетариатом. Во французской литературе есть не мало данных о значении электрификации для Франции. Мне известно лишь, что небольшая часть этих данных приводилась в работе, произведенной по поручению нашего правительства, о плане электрификации России и что после войны техническая подготовка вопроса об электрификации сильно подвинулась во Франции.

Крайне важно, по моему мнению, и с теоретической и с практически-агитационной точки зрения, сказать в тезисах (и вообще побольше говорить в коммунистической литературе) о том, что современная передовая техника настоятельно требует *электрификации всей страны—и ряда соседних стран—по одному плану*; что такая работа вполне осуществима в настоящее время; что больше всего выиграло бы от нее сельское хозяйство и в особенности крестьянство; что, пока остается капитализм и частная собственность на средства производства, электрификация целой страны и ряда стран, во-первых, не может быть быстрой и планомерной; во-вторых, *не может быть произведена в пользу рабочих и крестьян*. При капитализме электрификация неминуемо поведет к усилению *гнета крупных банков* и над рабочими и *над крестьянами*. Еще до войны не какой-либо «узкий марксист», а сам ныне патристически лакействующий перед капиталистами Лизис (Lysis) доказал, что Франция есть на деле *финансовая олигархия*.

Франция обладает великолепными возможностями электрификации. При победе пролетариата во Франции, от электрификации, произведенной планомерно и не считаясь с частной собственностью крупных землевладельцев и капиталистов, *гигантски* выиграет особенно *мелкое крестьянство*. При сохранении власти капиталистов неизбежно, что электрификация не будет планомерной и быстрой, а поскольку она вообще будет, она будет новой кабалой для крестьян, новым рабством крестьян, ограбляемых «финансовой олигархией».

Вот те немногие замечания, которые я могу сделать по поводу французских аграрных тезисов, в общем и целом, по-моему, вполне правильных.

11. XII. 1921.

Соч., т. XXVII, стр. 104—106.

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.

I

ВРОДЕ ПРИМЕРА

Представим себе человека, совершающего восхождение на очень высокую, крутую и неисследованную еще гору. Допустим, что ему удалось, преодолевая неслыханные трудности и опасности, подняться гораздо выше, чем его предшественники, но что вершины все же он не достиг. Он оказался в положении, когда двигаться вперед по избранному направлению и пути оказалось уже не только трудно и опасно, но прямо невозможно. Ему пришлось повернуть назад, спускаться вниз, искать других путей, хотя бы более длинных, но все же обещающих возможность добраться до вершины. Спуск вниз на той невиданной еще в мире высоте, на которой оказался наш воображаемый путешественник, представляет опасности и трудности, пожалуй, даже большие, чем подъем: легче оступиться; не так удобно осмотреть то место, куда ставишь ногу; нет того особо приподнятого настроения, которое создавалось непосредственным движением вверх, прямо к цели, и т. д. Приходится обвязывать себя веревкой, тратить целые часы, чтобы киркой вырубать уступы или места, где бы можно было крепко привязать веревку, приходится двигаться с черепашей медленностью и притом двигаться назад, вниз, дальше от цели, и все еще не видать, кончается ли этот отчаянно опасный, мучительный спуск, находится ли сколько-нибудь надежный обход, по которому можно бы опять, смелее, быстрее, прямее двинуться вперед, вверх, к вершине.

Едва ли не будет естественным предположить, что у человека, оказавшегося в таком положении, являются—несмотря на то, что он поднялся неслыханно высоко,—минуты уныния. И, вероятно, эти минуты были бы многочисленнее, чаще, тяжелее, если бы он мог слышать некоторые голоса снизу, наблюдающие из безопасного далека, в подзорную трубу, этот опаснейший спуск, который нельзя даже назвать (по образцу «сменовеховцев») «спуском на тормозах», ибо тормоз предполагает хорошо

рассчитанный, уже испробованный экипаж, заранее подготовленную дорогу, испытанные уже ранее механизмы. А тут ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее!

Голоса же снизу несутся злорадные. Одни злорадствуют открыто, улюлюкают, кричат: сейчас сорвется, так ему и надо, не сумасшествуй! Другие стараются скрыть свое злорадство, действуя преимущественно по образцу Иудушки Головлева; они скорбят, вознося очи горе. К прискорбию, наши опасения оправдываются! Не мы ли, потратившие всю жизнь на подготовку разумного плана восхождения на эту гору, требовали отсрочки восхождения, пока наш план не кончен разработкой? И если мы так страстно боролись против пути, оставляемого теперь и самим безумцем (смотрите, смотрите, он пошел назад, он спускается вниз, он целыми часами подготавливает себе возможность подвинуться на какой-нибудь аршин! а нас поносил подлейшими словами, когда мы систематически требовали умеренности и аккуратности!),—если мы так горячо осуждали безумца и предостерегали всех от подражания и помощи ему, то мы делали это исключительно из любви к великому плану восхождения на данную гору, чтобы не скомпрометировать этот великий план вообще!

К счастью, наш воображаемый путешественник, в условиях взятого нами примера, не может слышать голосов этих «истинных друзей» идеи восхождения, а то бы его, пожалуй, стошнило. Тошнота же, говорят, не способствует свежести головы и твердости ног, особенно на очень больших высотах.

II

БЕЗ МЕТАФОР

Пример—не доказательство. Всякое сравнение хромает. Это—истины бесспорные и общеизвестные, но их не мешает напомнить, чтобы нагляднее представить границы значимости всякого сравнения вообще.

Российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту, не только по сравнению с 1789 и 1793 г.г., но и по сравнению с 1871 годом. Надо как можно трезвее, яснее, нагляднее дать себе отчет в том, что именно мы «доделали», и чего не доделали: тогда голова останется свежее, не будет ни тошноты, ни иллюзий, ни уныния.

Мы «доделали» буржуазно-демократическую революцию так «чисто», как никогда еще в мире. Это—величайшее завоевание, которого никакая сила назад не возьмет.

Мы доделали выход из реакционнейшей империалистской войны революционным путем. Это—тоже такое завоевание, которого никакая сила в мире назад не вернет, и завоевание тем более ценное, что реакционные империалистские бои неизбежны в недалеком будущем, если сохранится капитализм; а люди XX века не очень легко удовлетворятся второй раз «базельскими манифестами», которым в 1912 и 1914—1918 г.г. одурачили себя и рабочих ренегаты, герои II и II½ Интернационалов.

Мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирно-историческую эпоху, эпоху политического господства пролетариата, пришедшую на смену эпохе господства буржуазии. Этого тоже назад взять уже нельзя, хотя «доделать» советский тип государства удастся лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран.

Но мы не доделали даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные нам силы умирающего капитализма. Надо отчетливо сознать и открыто признать это, ибо нет ничего опаснее иллюзий (и головокружения, особенно на больших высотах). И нет решительно ничего «страшного», ничего дающего законный повод хотя бы к малейшему унынию в признании этой горькой истины, ибо мы всегда исповедывали и повторяли ту азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран. А мы все еще пока одни, и в стране отсталой, в стране более других разоренной, сделали невероятно много. Мало того: мы сохранили «армию» революционных пролетарских сил, мы сохранили ее «маневренную способность», мы сохранили ясность головы, позволяющую нам трезво учесть, где, когда и насколько надо отступить (чтобы сильнее прыгнуть);—где, когда и как именно надо приняться за переделку недоделанного. Погибшими наверняка надо бы признать тех коммунистов, которые бы вообразили, что можно без ошибок, без отступлений, без многократных переделываний недоделанного и неправильно сделанного закончить такое всемирно-историческое «предприятие», как завершение фундамента социалистической экономики (особенно в стране мелкого крестьянства). Не погибли (и, вероятнее всего, не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного «начинания сначала» в подходе к труднейшей задаче.

И нам тем менее позволительно впасть хоть в малейшее уныние, тем менее есть оснований для этого, что кое в чем мы, при всем нашем разорении, нищете, отсталости, голоде,

начали двигаться вперед в области подготовительной к социализму экономики, тогда как рядом с нами, во всем мире, страны более передовые, в тысячу раз более нас богатые и военномогущественные, *продолжают двигаться назад* в области «ихней», ими прославленной, им знакомой, сотни лет уже испытанной, капиталистической экономики.

III

ОБ ОХОТЕ НА ЛИС; О ЛЕВИ; О СЕРРАТИ

Говорят, самым надежным способом охоты на лис является следующий: прослеженных лис окружают на известном расстоянии веревкой с красными флажками на небольшой высоте от снега; боясь явно искусственного, «человеческого» сооружения, лиса выходит только тогда и только там, где эта «ограда» из флажков приоткрывается; а там ее и ждет охотник. Казалось бы, осторожность для такого зверя, которого все травят, качество самое положительное. Но и тут «продолжение достоинства» оказывается недостатком. Лису ловят именно на ее чрезмерной осторожности.

Должен покаяться в одной ошибке, которую мне довелось сделать на III съезде Коминтерна тоже из-за чрезмерной осторожности. На этом съезде я стоял на крайнем правом фланге. Убежден, что это была единственно правильная позиция, ибо весьма многочисленная (и «влиятельная») группа делегатов, со многими немецкими, венгерскими и итальянскими товарищами во главе, занимала неумеренно «левую» и неправильно левую позицию, слишком часто заменяя трезвый учет не очень благоприятной для немедленного и непосредственного революционного действия обстановки усиленным маханьем красными флажками. Из осторожности, в заботе о том, чтобы этот несомненно неправильный уклон в левизну не дал ложного направления всей тактике Коминтерна, я защищал Леви всячески, высказывая предположение, что он потерял голову (я не отрицал, что он потерял голову) может быть из чрезмерного испуга перед ошибками левых, и что бывали случаи, когда потерявшие голову коммунисты потом опять «находили» ее. Допуская даже—перед натиском «левых»,—что Леви меньшевик, я указывал, что даже такое допущение не решает еще дела. Например, вся история 15-тилетней борьбы меньшевиков с большевиками в России (1903—1917) доказывает, как доказывают это и три русских революции, что меньшевики в общем были безусловно неправы и что они были на деле агентами буржуазии в рабочем движении. Это факт бесспорный. Но этот бесспорный факт не устра-

няет того факта, что в *отдельных* случаях меньшевики бывали правы против большевиков, например, в вопросе о бойкоте Столыпинской Думы в 1907 году.

Со времени III съезда Коминтерна прошло уже 8 месяцев. Видимо, наш тогдашний спор с «левыми» уже устарел, уже решен жизнью. Я оказался неправ насчет Леви, ибо он с успехом доказал, что попал на меньшевистскую дорожку не случайно, не временно, не только «перегибая палку» против опаснейшей ошибки «левых», а надолго, прочно, по всему своему естеству. Вместо того, чтобы после III конгресса Коминтерна честно признать необходимость снова попроситься в партию, как должен был поступить человек, временно потерявший голову, в раздражении на некоторые ошибки левых, Леви принялся мелко пакостить партии и из-за угла ставить подножки ей, т. е. оказывать фактические услуги агентам буржуазии из II и III^{1/2} Интернационалов. Разумеется, вполне правы были немецкие коммунисты, которые ответили на это, исключив недавно из своей партии еще несколько господ, оказавших тайно поддержку Павлу Леви в этом благородном занятии.

Развитие германской и итальянской коммунистических партий после III конгресса Коминтерна доказывает, что ошибка левых на этом конгрессе ими учтена и исправляется—понемногу, медленно, но неуклонно; решения III конгресса Коммунистического Интернационала проводятся лояльно в жизнь. Преобразование старого типа европейской парламентской, на деле реформистской и лишь слегка подкрашенной в революционный цвет партии в новый *тип* партии, в действительно революционную, действительно коммунистическую партию, это—вещь чрезвычайно трудная. Пример Франции показывает эту трудность, пожалуй, всего нагляднее. В повседневной жизни переделать *тип* партийной работы, преобразовать обыденщину, добиться того, чтобы партия стала авангардом революционного пролетариата, не отходя от масс, а все более и более сближаясь с ними, поднимая их к революционному сознанию и революционной борьбе, это—самое трудное, но и самое важное дело. Если европейские коммунисты не используют для этого коренного, внутреннего, глубокого переделывания всей постройки и всей работы своих партий того (вероятно, очень короткого) промежутка между периодами особого обострения революционных битв, которые переживали многие капиталистические страны Европы и Америки в 1921 г. и в начале 1922 г., то это будет с их стороны величайшим преступлением. К счастью, опасаться этого нет оснований. Нешумная, неяркая, некрикливая, небыстрая, но глубокая работа создания в Европе и Аме-

рике настоящих коммунистических партий, настоящих революционных авангардов пролетариата начата и эта работа идет.

Политические уроки даже из наблюдения такой тривиальной вещи, как охота на лис, оказываются небесполезными: с одной стороны, чрезмерная осторожность приводит к ошибкам. С другой, нельзя забывать, что если заменить трезвый учет обстановки одним «настроением» или маханьем красными флажками, то можно сделать ошибку уже непоправимую; можно погибнуть при таких условиях, когда хоть трудности и велики, но гибель ничуть, ни чуточки еще не обязательна.

Павел Леви желает теперь особо выслужиться перед буржуазией—и, следовательно, перед II и III^{1/2} Интернационалами, ее агентами,—переиздавая как раз те сочинения Розы Люксембург, в которых она была неправа. Мы ответим на это двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в 1903 г. в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 г., рядом с Плехановым, Вандервельдом, Каутским и др., объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 г. (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 г.г. исправила большую часть своих ошибок). Но несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память об ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и полное собрание ее сочинений (с которым невозможно опаздывают немецкие коммунисты, извиняемые лишь отчасти неслыханным количеством жертв в их тяжелой борьбе) будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира. «Немецкая социал-демократия после 4 августа 1914 г.—смердящий труп»—вот с каким изречением Розы Люксембург войдет ее имя в историю всемирного рабочего движения. «А на заднем дворе рабочего движения, среди навозных куч, куры вроде Павла Леви, Шейдемана, Каутского и всей этой братии, разумеется, будут особенно восторгаться ошибками великой коммунистки. Каждому свое.

Что касается до Сerratи, то его приходится сравнить с гнилым яйцом, которое лопается и шумно и с особенно... пикантным ароматом. Провести на «своем» съезде резолюцию о готовности подчиниться решению конгресса Коминтерна, затем послать на этот конгресс старика Лаццари и в заключение надуть рабочих с грубостью лошадиного барышника, это—перл. Italianские коммунисты, воспитывая настоящую партию рево-

люционного пролетариата в Италии, будут иметь теперь наглядный образец политического мошенничества и меньшевизма перед глазами рабочих масс. Не сразу, не без многих повторных наглядных уроков скажется полезное, *отталкивающее* действие этого образца, но скажется оно непременно. Не отрываться от масс, не терять терпения в тяжелой работе практического разоблачения перед рядовым рабочим всех жульничеств Серрати; не поддаваться на слишком легкое и самое опасное решение: там, где Серрати говорит: «а», говорить: «минус а»; воспитывать массы неуклонно к революционному мирозерцанию и революционному действию; пользоваться практически и практично великолепными (хотя и дорого стоящими) наглядными уроками фашизма—и победа за итальянским коммунизмом обеспечена.

Левин и Серрати характерны не сами по себе, а как современный образец крайнего левого крыла мелко-буржуазной демократии, «ихнего» лагеря, лагеря международных капиталистов, против нашего лагеря. «Ихний» лагерь злорадствует, ликует или проливает крокодиловы слезы весь, целиком, от Гомперса до Серрати, по поводу нашего отступления, нашего «спуска вниз», нашей новой экономической политики. Пусть злорадствуют. Пусть выделывают свои клоунские упражнения. Каждому свое. А мы не дадим себя во власть ни иллюзиям, ни унынию. Не бояться признавать своих ошибок, не бояться многократного, повторного труда исправления их—и мы будем на самой вершине. Дело международного блока от Гомперса до Серрати—дело погибшее.

Написано в марте 1922 г.

Соч., т. XXVII, стр. 197—206

IV ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ КОМИНТЕРНА.
ПЕТРОГРАДСКОМУ СОВЕТУ Р. и К. ДЕПУТАТОВ ⁸

Крайне сожалею, что не смогу быть на первом заседании конгресса и должен ограничиться письменным приветствием.

Несмотря на гигантские трудности, стоящие на пути коммунистических партий, Коминтерн растет и крепнет. Главная задача попрежнему состоит в завоевании большинства рабочих. И эту задачу мы, несмотря ни на что, выполним.

Объединение II и III½ Интернационалов принесет пользу революционному движению пролетариата: меньше фикций, меньше обмана—это всегда полезно для рабочего класса.

Петроградским рабочим и их новому совету, принимающим в своем городе IV конгресс Коминтерна, лучшие пожелания и горячий привет.

Питерские рабочие должны быть и на хозяйственном фронте одними из первых. С радостью слышим мы о начале хозяйственного возрождения Петрограда. На ваше приглашение побывать в Петрограде надеюсь ответить приездом в скором будущем.

Советская власть в России празднует первое пятилетие. Она более прочна, чем когда бы то ни было. Гражданская война кончена. Первые хозяйственные успехи налицо. Советская Россия считает величайшей гордостью помогать рабочим всего мира в их трудной борьбе за низвержение капитализма. Победа будет за нами.

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

В. Ульянов (Ленин).

4/XI 1922 г.

Соч., т. XXVII, стр. 337.

ПЛАН РЕЧИ НА IV КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА

1. Не докладчик, а лишь *короткое введение* в прения (болезнь и т. д.)
2. Тема: *нэл* проверен опытом? за (опыт) или против?
3. Затронут вопрос о «государственном капитализме» еще 1918.
4. Цитата из брошюры⁹. Seite* 5. «Государственный капитализм был бы прогресс».
5. Цитата: «5 элементов» экономики России.
6. Цитата: какой элемент преобладает?
7. В чем план или идея или суть *нэл'а*?
  - α) сохранение земли в руках государства
  - β) *тоже* все командные высоты в области *средств* производства (**транспорт** и т. д.)
  - γ) свобода торговли в области мелкого производства
  - δ) государственный капитализм в смысле привлечения *частного капитала* (и концессии и *смешанные общества*).
8. В итоге это дает: 1918 было обеспечено отступление.
9. 5 лет мы одни; революции в других странах еще нет; война и голод. Гибнуть?
10. Нет. *Отступить*. Отступили. *Итог?*
11. 1921** весной—до 1922 осени. Каковы итоги?
12. Рубль. Его стабилизация < 3 мес. 1921
> 5 » 1922
Мы вылезаем, одни, без помощи.
(квадриллион? Да, но вычеркнуть не долго)
13. Крестьянство? *Продналог* (успешный сбор; сотни миллионов)
14. Легкая индустрия? *Общий подъем!*
15. Тяжелая индустрия?
очень тяжелое положение.
Перелом 1921—22 к лучшему, но очень малый.
(доходы Госбанка: 20 м. зол. возможность помочь).

* — страница. Ред.

** В рукописи описка: «1911». Ред.

16. Итог: значит, успех возможен, успех
есть налицо.
 Система не произвольна, не путаная,
 практически испытана.
Мы одни, без чужой помощи вылезаем.
17. Трудности *очень велики, еще несколько лет.*
 Глупостей масса. Да. Новость пути.
 Никакой помощи, напротив.
Аппарат чужой.
- Глупости наши $2 \times 2 = 5$.
 глупости «их» $2 \times 2 =$ стеариновая свеча.
- 1) Колчак
 2) Версальский мир.
18. Поэтому
 перспективы превосходны.
И будут еще лучше, если и
 мы следующее пятилетие возьмем *главным образом*
 на учение.
 и *Коммунистический Интернационал*, ибо
 резолюция об *организационном строении*
 партий (1921) *не исполнена*
- перспективы
 ...Будут еще лучше.

Речь 13. XI. 22
 на Коминтерне.

Название:
 «об организационном строитель-
 стве коммунистических партий»
 «о методах и содержании их работы»
 Organisatorischer Aufbau der kom-
 munistischen Parteien, Methoden und
 Inhalt ihrer Arbeit.

Написано в первой половине ноября
 (до 13-го) 1922 г.

Соч., т. XXVII, стр. 338—341.

ПЯТЬ ЛЕТ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г.*

Товарищи! Я числюсь в списке ораторов главным докладчиком, но вы поймете, что после моей долгой болезни сделать большого доклада я не могу. Я могу дать лишь введение к важнейшим вопросам. Моя тема будет весьма ограниченной. Тема «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» слишком обширна и велика, чтобы ее вообще мог исчерпать один оратор в одной речи. Поэтому я беру себе только небольшую часть этой темы, именно—вопрос о «новой экономической политике». Я умышленно беру только эту малую часть, чтобы ознакомить вас с этим важнейшим теперь вопросом,—важнейшим, по крайней мере, для меня, ибо я над ним сейчас работаю.

Итак, я буду говорить о том, как мы начали новую экономическую политику, и каких результатов мы достигли с помощью этой политики. Если я ограничусь этим вопросом, то, может быть, мне удастся сделать общий обзор и дать общее представление о данном вопросе.

Если начать с того, как мы пришли к новой экономической политике, то я должен обратиться к одной статье, написанной мною в 1918 году**. В начале 1918 г. я как раз в краткой полемике коснулся вопроса, какое положение должны мы занять по отношению к государственному капитализму. Я писал тогда:

«Государственный капитализм был бы *шагом вперед* против теперешнего (т. е. против тогдашнего) положения дел в нашей советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм».

* Доклад был сделан на немецком языке и в русском переводе впервые напечатан 16 ноября 1922 г. в «Бюллетене IV конгресса Коммунистического Интернационала» (русское издание), № 8. *Ред.*

** Речь идет о статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». См. Соч., т. XXII, стр. 503—528. *Ред.*

Это было сказано, конечно, в то время, когда мы были глупее, чем сейчас, но не настолько уж глупы, чтобы не уметь рассматривать такие вопросы.

Я держался, таким образом, в 1918 г. того мнения, что по отношению к тогдашнему хозяйственному состоянию советской республики государственный капитализм представлял собой шаг вперед. Это звучит очень странно и, быть может, даже нелепо, ибо уже и тогда наша республика была социалистической республикой; тогда мы предпринимали каждый день с величайшей поспешностью—вероятно, с излишней поспешностью,—различные новые хозяйственные мероприятия, которые нельзя назвать иначе, как социалистическими. И все же я тогда полагал, что государственный капитализм по сравнению с тогдашним хозяйственным положением советской республики представляет собой шаг вперед, и я пояснял эту мысль дальше тем, что просто перечислил основные элементы хозяйственного строя России. Эти элементы были, по-моему, следующие: «1) патриархальная, т.-е. наиболее примитивная форма сельского хозяйства; 2) мелкое товарное производство (сюда относится и большинство крестьянства, торгующее хлебом); 3) частный капитализм; 4) государственный капитализм и 5) социализм». Все эти хозяйственные элементы были представлены в тогдашней России. Я поставил себе тогда задачу разъяснить, в каком отношении друг к другу находятся эти элементы, и не следует ли один из несоциалистических элементов, именно государственный капитализм, расценивать выше, чем социализм. Я повторяю: это всем кажется весьма странным, что несоциалистический элемент расценивается выше, признается вышестоящим, чем социализм, в республике, которая объявляет себя социалистической. Но дело становится понятным, если вы вспомните, что мы не рассматривали хозяйственный строй России, как нечто однородное и высокоразвитое, а в полной мере сознавали, что имеем в России патриархальное земледелие, т.-е. наиболее примитивную форму земледелия на ряду с формой социалистической. Какую же роль мог бы играть государственный капитализм в такой обстановке?

Я далее спрашиваю себя: какой из этих элементов является преобладающим? Ясно, что в мелко-буржуазной среде господствует мелко-буржуазный элемент. Я тогда сознавал, что мелко-буржуазный элемент преобладает; думать иначе было невозможно. Вопрос, который я тогда ставил себе—это было в специальной полемике, не относящейся к нынешнему вопросу,—был: как мы относимся к государственному капитализму? И я ответил себе: государственный капитализм, хотя он и не является

социалистической формой, был бы для нас и для России формой более благоприятной, чем теперешняя. Что это означает? Это означает, что мы не переоценивали ни зародышей, ни начал социалистического хозяйства, хотя мы уже совершили социальную революцию; напротив того, мы уже тогда в известной степени сознавали: да, было бы лучше, если бы мы раньше пришли к государственному капитализму, а уже затем—к социализму.

Я должен особенно подчеркнуть эту часть потому, что, полагая, только исходя из этого, во-первых, можно объяснить, что представляет собой теперешняя экономическая политика, и, во-вторых, из этого можно сделать важные практические выводы и для Коммунистического Интернационала. Я не хочу сказать, что у нас уже был заранее готовый план отступления. Этого не было. Эти краткие полемические строки не были в то время ни в коем случае планом отступления. Об одном очень важном пункте, например, о свободе торговли, который имеет основное значение для государственного капитализма, здесь нет ни слова. Все же общая, неопределенная идея отступления этим была уже дана. Я полагаю, что мы должны обратить внимание на это не только с точки зрения страны, которая по своему хозяйственному строю была и до сих пор остается очень отсталой, но и с точки зрения Коммунистического Интернационала и западно-европейских передовых стран. Теперь, например, мы заняты выработкой программы. Я лично полагаю, что лучше всего мы поступили бы, если бы мы сейчас обсуждали все программы лишь в общем, так сказать, в первом чтении, и дали бы их отпечатать, но окончательно решение вынесли бы не сейчас, не в настоящем году. Почему? Я думаю, прежде всего, конечно, потому, что мы едва ли все их хорошо продумали. А затем, еще и потому, что мы почти совершенно не продумали вопроса о возможном отступлении и об обеспечении этого отступления. А это такой вопрос, на который при столь коренных изменениях во всем мире, как свержение капитализма и строительство социализма с его огромными трудностями, нам безусловно необходимо обратить внимание. Мы не только должны знать, как нам действовать, когда мы непосредственно переходим в наступление и при этом побеждаем. В революционное время это уж не так трудно, но и не так важно, по крайней мере, это не есть самое решающее. Во время революции всегда бывают такие моменты, когда противник теряет голову, и если мы на него в такой момент нападём, то можем легко победить. Но это еще ничего не означает, так как наш противник, если он имеет достаточную выдержку, может заранее собрать силы и пр.

Он легко может спровоцировать нас тогда на нападение и затем отбросить на многие годы назад. Вот почему я полагаю, что мысль о том, что мы должны подготовить себе возможность отступления, имеет очень важное значение, и не только с теоретической точки зрения. И с практической точки зрения все партии, которые в ближайшем будущем готовятся перейти в прямое наступление против капитализма, должны сейчас подумать также, как обеспечить себе отступление. Я думаю, если мы учтем этот урок, на ряду со всеми другими уроками из опыта нашей революции, то это нам не только не принесет никакого вреда, но, весьма вероятно, принесет нам во многих случаях пользу.

После того как я подчеркнул, что мы уже в 1918 г. рассматривали государственный капитализм, как возможную линию отступления, я перехожу к результатам нашей новой экономической политики. Я повторяю: тогда это была еще очень смутная идея, но в 1921 г., после того как мы преодолели важнейший этап гражданской войны, и преодолели победоносно, мы наткнулись на большой—я полагаю, на самый большой—внутренний политический кризис Советской России, который привел к недовольству не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Это было в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, хотя и несознательно, но инстинктивно, по настроению были против нас. Чем было вызвано это своеобразное, и для нас, разумеется, очень неприятное, положение? Причина была та, что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, что мы не обеспечили себе достаточной базы, что массы почувствовали то, чего мы тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель, признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши силы, и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление так, чтобы ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель. Кризис начался, мне кажется, в феврале 1921 года. Уже весной того же года мы единогласно решили—больших разногласий по этому поводу я у нас не видел—перейти к новой экономической политике. Теперь, по истечении полутора лет, в конце 1922 г., мы уже в состоянии сделать некоторые сравнения. Что же произошло? Как мы пережили эти более чем полтора года? Каков результат? Принесло ли нам пользу это отступление, и действительно ли спасло оно нас, или результат еще неопределенный? Это—главный вопрос, который я себе ставлю,

и я полагаю, что этот главный вопрос имеет первостепенное значение и для всех коммунистических партий, ибо, если ответ получился бы отрицательный, мы все были бы обречены на гибель. Я полагаю, что мы со спокойной совестью можем утвердительно ответить на этот вопрос, а именно—в том смысле, что прошедшие полтора года положительно и абсолютно доказывают, что мы этот экзамен выдержали.

Я попытаюсь теперь доказать это. Я должен для этого кратко перечислить все составные части нашего хозяйства.

Прежде всего остановлюсь на нашей финансовой системе и знаменитом русском рубле. Я думаю, что можно русский рубль считать знаменитым, хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион. Это уже кое-что. Это—астрономическая цифра. Я уверен, что здесь не все знают даже, что эта цифра означает. Но мы не считаем, и притом с точки зрения экономической науки, эти числа чересчур важными, ибо нули можно ведь зачеркнуть. Мы уже в этом искусстве, которое с экономической точки зрения тоже совершенно неважно, кое-чего достигли, и я уверен, что в дальнейшем ходе вещей мы достигнем в этом искусстве еще гораздо большего. Что действительно важно, это—вопрос о стабилизации рубля. Над этим вопросом мы работаем, работают лучшие наши силы, и этой задаче мы приписываем решающее значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль—значит, мы выиграли. Тогда все эти астрономические цифры,—все эти триллионы и квадриллионы—ничто. Тогда мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать. По этому вопросу я думаю, что смогу привести вам довольно важные и решающие факты. В 1921 г. период устойчивости курса бумажного рубля продолжался менее трех месяцев. В текущем 1922 г., хотя он еще и не закончился, этот период продолжался свыше пяти месяцев. Я полагаю, что этого уже достаточно. Конечно, этого недостаточно, если вы хотите от нас научного доказательства, что мы в будущем полностью разрешим эту задачу. Но доказать это целиком и полностью, по-моему мнению, вообще невозможно. Сообщенные данные доказывают, что с прошлого года, когда мы начали нашу новую экономическую политику, до сегодняшнего дня мы уже научились идти вперед. Если мы этому научились, то я уверен, что мы научимся и впредь добиваться на этом пути дальнейших успехов, если только не сделаем какой-нибудь особенной глупости. Самое важное, однако, это—торговля, именно товарный оборот, который нам необходим. И если мы справились с ней в течение двух лет, несмотря

на то, что находились в состоянии войны (ибо, как вам известно, Владивосток занят всего несколько недель тому назад)*, несмотря на то, что мы только теперь можем начать вести вполне систематически нашу хозяйственную деятельность,—если мы все же добились того, что период устойчивости бумажного рубля поднялся с трех месяцев до пяти, то я полагаю, что смею сказать, что мы этим можем быть довольны. Ведь мы стоим одиноко. Мы не получили и не получаем никаких займов. Ни одно из тех мощных капиталистических государств, которые так «блестяще» организуют свое капиталистическое хозяйство, что и поныне не знают, куда идут, нам не помогло. Версальским миром они создали такую финансовую систему, в которой они сами не разбираются. Если эти великие капиталистические государства так хозяйничают, то я полагаю, что мы, отсталые и необразованные, можем быть довольны уже тем, что мы достигли важнейшее: достигли условия стабилизации рубля. Это доказывается не каким-нибудь теоретическим анализом, а практикой, а она, я считаю, важнее, чем все теоретические дискуссии на свете. Практика же показывает, что мы здесь добились решающих результатов, именно—начинаем двигать хозяйство в направлении стабилизации рубля, что имеет величайшее значение для торговли, для свободного товарооборота, для крестьян и громадной массы мелких производителей.

Теперь я перехожу к нашим социальным целям. Самое главное, это—конечно, крестьянство. В 1921 г. мы безусловно имели налицо недовольство громадной части крестьянства. Затем мы имели голод. И это означало для крестьянства самое тяжелое испытание. И вполне естественно, что вся заграница закричала тогда: «Вот, смотрите, вот результаты социалистической экономики». Вполне естественно, конечно, они промолчали о том, что на самом деле голод явился чудовищным результатом гражданской войны. Все помещики и капиталисты, начавшие наступление на нас в 1918 г., представляли дело так, будто голод является результатом социалистической экономики. Голод был действительно большим и серьезным несчастьем, таким несчастьем, которое грозило уничтожить всю нашу организационную и революционную работу.

Итак, я спрашиваю теперь: после этого небывалого и неожиданного бедствия, как обстоит дело сейчас, после того, как мы ввели новую экономическую политику, после того, как мы

---

* 25 октября 1922 г. в результате успешного наступления войск Дальневосточной республики, Владивосток был очищен от белогвардейских банд и японских интервентов. *Ред.*

предоставили крестьянам свободу торговли? Ответ ясен и у всех на глазах, а именно: крестьянство за один год не только справилось с голодом, но и сдало продналог в таком объеме, что мы уже теперь получили сотни миллионов пудов, и притом почти без применения каких-либо мер принуждения. Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 г., так сказать, определяли общую картину России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением. Это мы спокойно можем утверждать. Мы считаем, что эти доказательства более важны, чем какие-нибудь статистические доказательства. Что крестьянство является у нас решающим фактором,—в этом никто не сомневается. Это крестьянство находится теперь в таком состоянии, что нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас. Мы говорим это с полным сознанием, без преувеличения. Это уже достигнуто. Крестьянство может быть недовольно той или другой стороной работы нашей власти, оно может жаловаться. Это, конечно, возможно и неизбежно, так как наш аппарат и наше государственное хозяйство еще слишком плохи, чтобы это предотвратить, но какое бы то ни было серьезное недовольство нами со стороны всего крестьянства, во всяком случае, совершенно исключено. Это достигнуто в течение одного года. Я полагаю, что это уже очень много.

Перехожу дальше к легкой индустрии. Мы именно должны в промышленности делать различие между тяжелой и легкой, так как они находятся в разных положениях. Что касается легкой промышленности, то я могу спокойно сказать: здесь наблюдается общий подъем. Я не буду вдаваться в детали. В мою задачу не входит приводить статистические данные. Но это общее впечатление основано на фактах, и я могу гарантировать, что в основе его нет ничего неверного или неточного. Мы можем отметить общий подъем легкой промышленности и в связи с этим определенное улучшение положения рабочих как Петрограда, так и Москвы. В других районах это наблюдается в меньшей степени, потому что там преобладает тяжелая промышленность, так что этого не надо обобщать. Все-таки, я повторяю, легкая промышленность находится в безусловном подъеме, и улучшение положения рабочих Петрограда и Москвы—несомненно. В обоих этих городах весной 1921 г. господствовало недовольство среди рабочих. Теперь этого нет. Мы, которые изо дня в день следим за положением и настроением рабочих, не ошибаемся в этом вопросе.

Третий вопрос касается тяжелой промышленности. Здесь я должен сказать, что положение все еще остается тяжелым.

Известный поворот в этом положении наступил в 1921 году. Мы можем таким образом надеяться, что положение в ближайшем будущем улучшится. Мы отчасти собрали уже для этого необходимые средства. В капиталистической стране для улучшения положения тяжелой промышленности потребовался бы заем в сотни миллионов, без которых улучшение было бы невозможно. Экономическая история капиталистических стран доказывает, что в отсталых странах только долгосрочные стомиллионные займы в долларах или в золотых рублях могли бы быть средством для поднятия тяжелой промышленности. У нас этих займов не было, и мы до сих пор ничего не получили. То, что теперь пишут о концессиях и прочем, ничего почти не составляет, кроме бумаги. Писали мы об этом в последнее время много, в особенности также и об Уркартовской концессии. Однако, наша концессионная политика кажется мне очень хорошей. Но, несмотря на это, сносной концессии мы еще не имеем. Этого я прошу не забывать. Таким образом, положение тяжелой промышленности представляет действительно очень тяжелый вопрос для нашей отсталой страны, так как мы не могли рассчитывать на займы в богатых странах. Несмотря на это, мы наблюдаем уже заметное улучшение и мы видим далее, что наша торговая деятельность принесла нам уже некоторый капитал. Правда, пока очень скромный, немногим превышающий двадцать миллионов золотых рублей. Во всяком случае, начало положено: наша торговля дает нам средства, которые мы можем использовать для улучшения положения тяжелой промышленности. В настоящее время наша тяжелая промышленность находится во всяком случае еще в очень трудном положении. Но я полагаю, что мы уже в состоянии кое-что сберечь. Это мы будем делать и впредь. Хотя это часто делается за счет населения, мы должны теперь все же экономить. Мы работаем теперь над тем, чтобы сократить наш государственный бюджет, сократить наш государственный аппарат. Я скажу еще в дальнейшем несколько слов о нашем государственном аппарате. Мы должны, во всяком случае, сократить наш государственный аппарат, мы должны экономить, сколько только возможно. Мы экономим на всем, даже на школах. Это должно быть, потому что мы знаем, что без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна. Это мы хорошо знаем.

Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве—этого еще мало,—и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей кре-

стьянству предметы потребления,—этого тоже еще мало,—нам необходима также *тяжелая* индустрия. А для того, чтобы привести ее в хорошее состояние, потребуется много лет работы.

Тяжелая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство—я уже не говорю, как социалистическое,—погибли. Итак, в этом отношении мы сделали решительный шаг. Мы добыли средства, необходимые для того, чтобы поставить тяжелую индустрию на собственные ноги. Сумма, которую мы до сих пор добыли, правда, едва превышает двадцать миллионов золотых рублей, но, во всяком случае, эта сумма имеется, и она предназначается только для того, чтобы поднять нашу тяжелую индустрию.

Я думаю, что в общем я вкратце, как это и обещал, изложил вам главные элементы нашего народного хозяйства и думаю, что из всего этого можно сделать вывод, что новая экономическая политика уже теперь дала плюс. Уже теперь мы имеем доказательство того, что мы, как государство, в состоянии вести торговлю, сохранить за собою прочные позиции сельского хозяйства и индустрии и идти вперед. Практическая деятельность это доказала. Я думаю, что этого для нас пока достаточно. Нам придется еще многому учиться, и мы поняли, что нам еще необходимо учиться. Пять лет мы держим власть и притом в течение всех этих пяти лет мы находились в состоянии войны. Мы, стало быть, имели успех.

Это понятно, потому что крестьянство было за нас. Трудно быть более за нас, чем было крестьянство. Оно понимало, что за белыми стоят помещики, которых оно ненавидит больше всего на свете. И поэтому крестьянство со всем энтузиазмом, со всей преданностью стояло за нас. Не трудно было достигнуть того, чтобы крестьянство нас защищало от белых. Крестьяне, ненавидевшие ранее войну, делали все возможное для войны против белых, для гражданской войны против помещиков. Тем не менее, это было еще не все, потому что в сущности здесь дело шло только о том, останется ли власть в руках помещиков или в руках крестьян. Для нас это было недостаточно. Крестьяне понимают, что мы захватили власть для рабочих и имеем перед собой цель—создать социалистический порядок при помощи этой власти. Поэтому важнее всего была для нас экономическая подготовка социалистического хозяйства. Мы не могли подготовить его прямым путем. Мы принуждены были сделать это окольными путями. Государственный капитализм, как мы его установили у нас, является своеобразным государственным капитализмом. Он не соответствует обычному

понятию государственного капитализма. Мы имеем в своих руках все командные высоты, мы имеем в своих руках землю, она принадлежит государству. Это очень важно, хотя наши противники и представляют дело так, будто это ничего не значит. Это неверно. То обстоятельство, что земля принадлежит государству, чрезвычайно важно и имеет также большое практическое значение в экономическом отношении. Этого мы добились, и я должен сказать, что и вся наша дальнейшая деятельность должна развиваться только в этих рамках. Мы уже достигли того, что наше крестьянство довольно, что промышленность оживает и что торговля оживает. Я уже сказал, что наш государственный капитализм отличается от буквально понятого государственного капитализма тем, что мы имеем в руках пролетарского государства не только землю, но и все важнейшие части промышленности. Прежде всего мы сдали в аренду известную часть мелкой и средней индустрии, все же остальное остается в наших руках. Что касается торговли, я хочу еще подчеркнуть, что мы стараемся основывать смешанные общества, что мы уже основываем их, т.-е. общества, где часть капитала принадлежит частным капиталистам, и притом иностранным, а другая часть—нам. Во-первых, мы таким путем учимся торговать, а это нам необходимо, и, во-вторых, мы всегда имеем возможность, в случае если мы сочтем это необходимым, ликвидировать такое общество, так что мы, так сказать, ничем не рискуем. У частного же капиталиста мы учимся и приглядываемся к тому, как мы можем подняться, и какие ошибки мы совершаем. Мне кажется, что этим я могу ограничиться.

Я хотел бы коснуться еще некоторых незначительных пунктов. Несомненно, что мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей. Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я.

Почему же мы делаем глупости? Это понятно: во-первых, мы—отсталая страна, во-вторых, образование в нашей стране минимальное, в-третьих, мы не получаем помощи. Ни одно цивилизованное государство нам не помогает. Напротив, они все работают против нас. В-четвертых, по вине нашего государственного аппарата. Мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашим несчастьем. Государственный аппарат очень часто работает против нас. Дело было так, что в 1917 г., после того, как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: «Пожалуйста, вернитесь к нам назад». И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем. У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил,

чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, но что там, внизу, где они распоряжаются, они так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу—сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас. Здесь в короткий срок ничего не поделаешь, это—несомненно. Здесь мы должны работать в течение многих лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы. Мы это делаем довольно быстрым, может быть, слишком быстрым темпом. Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат.

Я сказал, что мы совершили огромное количество глупостей, но я должен сказать также кое-что в этом отношении и о наших противниках. Если наши противники нам ставят на вид и указывают, что, дескать, Ленин сам признает, что большевики совершили огромное количество глупостей, я хочу ответить на это: да, но знаете ли, наши глупости все-таки совсем другого рода, чем ваши. Мы только начали учиться, но учимся с такой систематичностью, что мы уверены, что добьемся хороших результатов. Но если наши противники, т.-е. капиталисты и герои II Интернационала, подчеркивают совершенные нами глупости, то я позволю себе привести здесь для сравнения слова одного знаменитого русского писателя, которые я несколько изменю, тогда они получатся в таком виде: если большевики делают глупости, то большевик говорит: «Дважды два—пять»; а если его противники, т.-е. капиталисты и герои II Интернационала, делают глупости, то у них выходит: «Дважды два—стеариновая свечка»¹⁰. Это нетрудно доказать. Возьмите, например, договор с Колчаком, заключенный Америкой, Англией, Францией, Японией. Я спрашиваю вас: имеются ли более просвещенные и могущественные державы в мире? И что же получилось? Они обещали Колчаку помощь, не сделав подсчета, не размышляя, не наблюдая. Это было фиаско, которое, по моему, трудно даже понять с точки зрения человеческого рас-судка.

Или другой пример, еще более близкий и более важный: Версальский мир. Я спрашиваю вас: что сделали здесь «великие», «покрытые славой» державы? Как могут они теперь найти выход из этого хаоса и бессмыслицы? Я думаю, что это не будет преувеличением, если я повторю, что наши глупости еще ничто по сравнению с теми глупостями, которые совершают вкупе капиталистические государства, капиталистический мир и II Интернационал. Поэтому я полагаю, что перспективы мировой революции—тема, которой я должен вкратце коснуться,—благоприятны. И при одном определенном условии, я полагаю, они станут еще лучшими. Об этих условиях я хотел бы сказать несколько слов.

В 1921 г. на III конгрессе мы приняли одну резолюцию об организационном построении коммунистических партий и о методах и содержании их работы. Резолюция прекрасна, но она почти насквозь русская, т.е. все взято из русских условий. В этом ее хорошая сторона, но также и плохая. Плохая потому, что я убежден, что почти ни один иностранец прочесть ее не может—я эту резолюцию вновь перечитал перед тем, как это сказать. Во-первых, она слишком длинна, в ней 50 или больше параграфов. Таких вещей обыкновенно иностранцы не могут прочитать. Во-вторых, если ее даже прочтут, то никто из иностранцев ее не поймет, именно потому, что она слишком русская. Не потому, что она написана по-русски,—она прекрасно переведена на все языки,—но она насквозь проникнута русским духом. И, в-третьих, если в виде исключения какой-нибудь иностранец ее поймет, то он не сможет ее выполнить. Это третий ее недостаток. Я беседовал с некоторыми прибывшими сюда делегатами и надеюсь в дальнейшем ходе конгресса хотя и не лично участвовать в нем—это, к сожалению, для меня невозможно—но подробно поговорить с большим числом делегатов из различных стран. У меня создалось впечатление, что мы совершили этой резолюцией большую ошибку, а именно, что мы сами отрезали себе путь к дальнейшему успеху. Как я уже говорил, резолюция составлена прекрасно, я подписываюсь под всеми ее 50 или больше параграфами. Но мы не поняли, как следует подходить к иностранцам с нашим русским опытом. Все сказанное в резолюции осталось мертвой буквой. Но если мы этого не поймем, мы не сможем продвинуться дальше. Я полагаю, что самое важное для нас всех, как для русских, так и для иностранных товарищей, то, что мы после пяти лет российской революции должны учиться. Мы теперь только получили возможность учиться. Я не знаю, как долго эта возможность будет продолжаться. Я не знаю, как долго капи-

талистические державы предоставят нам возможность спокойно учиться. Но каждый момент, свободный от боевой деятельности, от войны, мы должны использовать для учебы и притом сначала.

Вся партия и все слои России доказывают это своей жадной знания. Это стремление к учению показывает, что важнейшей задачей для нас является сейчас: учиться и учиться. Но учиться должны также и иностранные товарищи, не в том смысле, как учимся мы—читать, писать и понимать прочитанное, в чем мы еще нуждаемся. Спорят о том, относится ли это к пролетарской или буржуазной культуре? Я оставляю этот вопрос открытым. Во всяком случае, несомненно: нам необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное. Иностранцам этого не нужно. Им нужно уже нечто более высокое: сюда относится прежде всего и то, чтобы также поняли, что мы писали об организационном построении коммунистических партий, и что иностранные товарищи подписали, не читая и не понимая: Это должно стать их первой задачей. Необходимо привести эту резолюцию в исполнение. Этого нельзя сделать за одну ночь, это абсолютно невозможно. Резолюция слишком русская: она отражает российский опыт, поэтому она иностранцам совершенно непонятна, и они не могут удовлетвориться тем, что повесят ее, как икону, в угол и будут на нее молиться. Этим ничего достигнуть нельзя. Они должны переварить добрый кусок русского опыта. Как это произойдет, этого я не знаю. Может быть, нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены, и что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть, это будет очень полезно. Мы, русские, должны тоже искать путей к разъяснению иностранцам основ этой резолюции. Иначе они абсолютно не в состоянии эту резолюцию выполнить. Я убежден в том, что мы должны в этом отношении сказать не только русским, но и иностранным товарищам, что важнейшее в наступающий теперь период, это—учеба. Мы учимся в общем смысле. Они же должны учиться в специальном смысле, чтобы действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы. Если это совершится, тогда, я убежден, перспективы мировой революции будут не только хорошими, но и превосходными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ I конгресс Коммунистического Интернационала происходил в Москве 2—6 марта 1919 г. На конгрессе присутствовало 52 делегата: с решающим голосом—34, с совещательным голосом—18. Были представлены следующие коммунистические и лево-социалистические партии, группы и организации с решающим голосом: 1) Российская Коммунистическая партия (большевиков), 2) Коммунистическая партия Германии, 3) Американская социалистическая рабочая партия, 4) Циммервальдское левое крыло Франции, 5) Коммунистическая партия немецкой Австрии, 6) Коммунистическая партия Венгрии, 7) Шведская левая социал-демократическая партия, 8) Швейцарская социал-демократическая партия (оппозиция), 9) Норвежская социал-демократическая партия, 10) Балканская революционная федерация (болгарские тесняки и Румынская коммунистическая партия), 11) Коммунистическая партия Польши, 12) Коммунистическая партия Финляндии, 13) Коммунистическая партия Украины, 14) Коммунистическая партия Латвии, 15) Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии, 16) Коммунистическая партия Эстонии, 17) Коммунистическая партия Армении, 18) Коммунистическая партия немецких колоний в России, 19) Объединенная группа восточных народов России. С совещательным голосом: Английская, Французская, Швейцарская, Чешская, Болгарская и Югославская коммунистические группы, Голландская социал-демократическая группа, Американская лига социалистической пропаганды, Турецкая, Туркестанская, Грузинская, Азербайджанская и Персидская секции Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока, Китайская социалистическая рабочая партия, Корейский рабочий союз и Циммервальдская комиссия.

В порядке дня I конгресса стояли следующие вопросы: 1) Конституирование III Интернационала; 2) Доклады; 3) Платформа международного Коммунистического конгресса; 4) Буржуазная демократия и пролетарская диктатура (докладчик Ленин); 5) Бернская конференция и отношение к социалистическим течениям; 6) Международное положение и политика Антанты; 7) Манифест; 8) Белый террор; 9) Выборы бюро и различные организационные вопросы. Заслушав основной доклад В. И. Ленина, конгресс принял решение об основании III Интернационала.—3.

² Бернская международная социалистическая конференция—первая послевоенная конференция социал-шовинистических и центристских партий, происходившая 3—10 февраля 1919 г. в Берне (Швейцария). Конференция явилась попыткой восстановить II Интернационал на

старых основаниях и целиком стояла на позиции служения интересам буржуазии и борьбы с пролетарской революцией, борьбы против советской власти.—5.

³ «*L'Humanité*» («Человечество») — газета социалистической партии Франции, основанная Жоресом в 1904 г. В 1914 г., после убийства Жореса, газета перешла в руки крайних оппортунистов, стала рупором воинствующего социал-шовинизма. В 1920 г. газета перешла в руки коммунистов. В настоящее время является центральным органом Французской коммунистической партии.—24.

⁴ «*Фабрианское общество*» — было основано в 1884 г. группой английской буржуазной интеллигенции — супругами С. и Б. Вебб, Б. Шоу, Г. Уэллсом и др. Энгельс в письме к Зорге от 18 января 1893 г. дал следующую характеристику фабрианцам: «...шайка карьеристов, достаточно рассудительных, чтобы понимать неизбежность социального переворота, но ни в коем случае не желающих доверить эту исполинскую работу исключительно незрелому пролетариату... Их основной принцип — страх перед революцией... Они «интеллигентны» *par excellence* (по преимуществу).—*Ред.*) Их социализм есть муниципальный социализм: коммуна, а не нация, должна, по крайней мере, на первых порах, сделаться собственницей средств производства». Название общества происходит от имени римского полководца Фабия Кунктатора (медлитель), прославившегося медлительностью и тактикой уклонения от решительных боев.—44.

⁵ II конгресс Коммунистического Интернационала происходил с 19 июля по 7 августа 1920 г. Первое заседание состоялось в Петрограде, дальнейшие работы конгресса происходили в Москве. На конгрессе присутствовало 218 делегатов, из них с решающим голосом 169, с совещательным — 49. Кроме Российской коммунистической партии (большевиков) были представлены коммунистические и левосоциалистические партии и организации Австрии, Австралии, Азербайджана, Америки, Англии, Армении, Бельгии, Болгарии, Бухары, Венгрии, Восточной Галиции, Германии, Голландии, Голландской Индии, Грузии, Дании, Индии, Ирландии, Испании, Италии, Кореи, Китая, Латвии, Литвы, Мексики, Норвегии, Персии, Польши, Турции, Финляндии, Франции, Чехо-Словакии, Швейцарии, Швеции, Югославии и Эстонии. В работах II конгресса принимали участие также представители «центристских» партий, вышедших из II Интернационала: от «Независимой социал-демократической партии Германии» присутствовали Криспин, Дитман, Деймиг, Штеккер и от Французской социалистической партии — Фроссар и М. Кашен. Последний перешел вскоре целиком на платформу Коммунистического Интернационала.

В порядке дня II конгресса стояли следующие вопросы: 1) Международное положение и основные задачи Коммунистического Интернационала; 2) Роль и структура коммунистической партии до и после завоевания власти пролетариатом; 3) Профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты; 4) Вопрос о парламентаризме; 5) Национальный и колониальный вопросы; 6) Аграрный вопрос; 7) Позиция по отношению к новым течениям «центра» и условия вступления в Коммунистический Интернационал; 8) Устав Коммунистического Интернационала; 9) Организационные вопросы (легальные и нелегальные организации, женские организации и т. д.); 10) Коммунистическое движение молодежи; 11) Выборы; 12) Разное. Центральным пунктом, определившим работу конгресса, был доклад В. И. Ленина о международном положении и основных задачах Коммунистического

Интернационала. II конгресс рассмотрел важнейшие вопросы в области организации и тактики Коминтерна. Еще до II конгресса в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», написанной Лениным в апреле—мае 1920 г., Ленин подверг острой критике «левацкие» тенденции некоторой части коммунистов и социалистов, примыкавших к III Интернационалу, не желавших вести работу в массовых рабочих организациях, отрицавших необходимость работать в буржуазных парламентах и т. д. На II конгрессе Ленин в своих выступлениях дал основные положения, в дальнейшем легшие в основу тактики Коминтерна. Конгресс принял «21 условие» приема в Коминтерн и утвердил устав Коммунистического Интернационала.—61.

⁶ III конгресс Коммунистического Интернационала происходил в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 г. На конгрессе присутствовало 509 делегатов, из них 291 с решающим голосом и 218—с совещательным. Общее число делегатов III конгресса потом пополнилось до 603 человек. На конгрессе были представлены коммунистические, лево-социалистические партии и революционные синдикалисты 48 стран.

В порядке дня III конгресса стояли следующие вопросы: 1) Доклад Исполкома Коминтерна; 2) Мировой экономический кризис и новые задачи Коминтерна; 3) Тактика Коминтерна во время революции; 4) Переходный период (частичные требования, частичные выступления и окончательная революционная борьба); 5) Борьба с амстердамским желтым объединением профсоюзов; 6) Международный совет красных профсоюзов и Коминтерн; 7) Организационное строительство коммунистических партий, методы и содержание их работы; 8) Организационное строительство Коммунистического Интернационала и его отношение к входящим в его состав партиям; 9) Восточный вопрос; 10) Итальянская социалистическая партия и Коминтерн; 11) Германская коммунистическая рабочая партия и Коминтерн; 12) Женское движение; 13) Движение молодежи; 14) Выборы Исполкома Коминтерна; 15) Разные вопросы. С докладом о тактике РКП(б) на конгрессе выступил В. И. Ленин.—159.

⁷ Ливорнский съезд—XVII национальный съезд итальянской социалистической партии, происходил 15—21 января 1921 г. в Ливорно. Главным вопросом, вызвавшим горячие дебаты, был вопрос о «21 условии» приема в Коминтерн и об исключении из партии, согласно требованиям «21 условия», реформистов во главе с Турати. На съезде образовались три фракции: ярые оппортунисты во главе с Турати, высказавшиеся против присоединения к Коминтерну; центристская фракция во главе с Серрати, высказавшаяся за принятие «21 условия», но с оговорками, которые выражали ее примиренческие позиции по отношению к реформистам; небольшая группа сторонников коммунистов, настаивавших на безоговорочном присоединении к III Интернационалу и на разрыве с реформистами. Подавляющим большинством прошла резолюция серратинцев. На III конгрессе итальянская социалистическая партия была исключена из Коминтерна.—168.

⁸ IV конгресс Коммунистического Интернационала происходил с 5 ноября по 5 декабря 1922 г. Открытие конгресса состоялось в Петрограде, дальнейшие работы конгресса происходили в Москве. На конгрессе присутствовало 408 делегатов, из них с правом решающего голоса 343. На конгрессе были представлены 58 коммунистических организаций, 3 других партий и 5 прочих организаций.

В порядке дня IV конгресса стояли следующие вопросы: 1) Отчет ИККИ и о дальнейшей работе Коминтерна; 2) Пять лет российской

революции и перспективы мировой революции (докладчик Ленин); 3) О нэпе; 4) Наступление капитала; 5) Программный вопрос; 6) Задачи коммунистов в профсоюзах; 7) Восточный вопрос; 8) Аграрный вопрос; 9) КИМ (Коммунистический интернационал молодежи); 10) Негритянский вопрос; 11) Кооперативный вопрос; 12) Работа среди женщин; 13) Воспитательная работа; 14) Версальский договор; 15) Реорганизация ИККИ; 16) Французский вопрос; 17) Итальянский вопрос; 18) Чехо-словацкий вопрос; 19) Норвежский вопрос; 20) Вопросы других партий (Турции, «Поалей-Цион» (еврейская мелкобуржуазная националистическая организация), Дании, Югославии); 21) Межрабпом; 22) МОПР; 23) Доклад мандатной комиссии; 24) Выборы. IV конгресс был последним конгрессом, в работах которого принимал участие Ленин.—206.

⁹ Ленин имеет в виду здесь цитату из своей статьи «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности».—207.

¹⁰ Выражение «Дважды два—стеариновая свечка» принадлежит одному из персонажей романа И. С. Тургенева «Рудин»—Пигасову.—219.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адлер Ф. (р. 1879)—один из лидеров австрийской социал-демократической партии и II Интернационала, противник пролетарской революции.—89, 151.

Адоратский В. (р. 1878)—член ВКП(б), литератор; действительный член Академии наук СССР.—166.

Бабушкин И. (1873—1906)—революционер-большевик, рабочий, активный участник революции 1905 г. В декабре 1905 г. в Забайкалье вместе с пятью товарищами вез транспорт оружия. Попав в руки карательной экспедиции, Бабушкин и его товарищи были расстреляны. «И. В. Бабушкин—один из тех рабочих-передовиков, которые за 10 лет до революции начали создавать рабочую социал-демократическую партию» (*Ленин*, т. XIV, стр. 398).—45, 46.

Баллод К. (р. 1864)—немецкий буржуазный статистик, профессор политической экономии, автор книги «Государство будущего, производство и потребление в социалистическом государстве».—185.

Барбюс А. (1873—1935)—французский революционный писатель, друг СССР, автор антимилитаристических романов «В огне», «Ясность». Последняя книга, написанная Барбюсом,—«Сталин».—50.

Бауэр О. (1882—1938)—один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала, видный представитель так называемой «австро-марксистской школы». Один из организаторов 2½ Интернационала в 1920 г. Выпустил ряд книг, направленных против Советского Союза и Коммунистического Интернационала. О. Бауэр является одним из тех «героев и вождей II Интернационала, которые либо прямо изменяли, вступая в союз со своей буржуазией, либо старались отделяться фразами, выдумывая... отговорки от революции, выступая против всякого смелого, великого революционного действия...» (*Ленин*, т. XXIII, стр. 216).—117, 118, 151, 180.

Бебель А. (1840—1913)—один из основателей и руководителей германской социал-демократии и II Интернационала. В течение многих лет избирался как представитель немецких рабочих в парламент (рейхстаг). Бебель, по словам Ленина, «сделался самым даровитым парламентарием Европы» (*Ленин*, т. XVI, стр. 546). Был самым влиятельным и популярным вождем II Интернационала. По ряду вопросов Бебель совершал оппортунистические ошибки, за которые его критиковали Маркс и Энгельс, а впоследствии—Ленин.—166, 186.

Бернштейн Э. (1850—1932)—немецкий социал-демократ, оппортунист, требовавший ревизии (пересмотра) философских, экономических и политических основ марксизма в духе буржуазного реформизма. Бернштейн выбрасывал из марксизма его революционное содержание,

им «отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о «конечной цели» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата» (Ленин, т. IV, стр. 367). В России взгляды Бернштейна разделяли «экономисты», а позднее — меньшевики.—133, 187.

Бордига А. (р. 1869)—итальянский социалист. В 1921 г. вступил в итальянскую коммунистическую партию. На II конгрессе Коминтерна выступал против участия коммунистов в буржуазных парламентах. Вел борьбу против линии Коммунистического Интернационала. В 1930 г. исключен из итальянской коммунистической партии, как троцкист.—139, 141, 171.

Брантинг К. (1860—1925)—лидер шведской социал-демократии и один из вождей II Интернационала. В 1917 г. вошел в качестве министра финансов в правительство, оказавшее вооруженную помощь белофинским палачам рабочего класса Финляндии в 1918 г.—13, 23, 40, 45, 50.

Вандервельде Э. (1866—1938)—лидер бельгийской социалистической партии, оппортунист. В 1914 г., во время империалистической войны, вошел в буржуазное министерство. По характеристике Ленина, Вандервельде—изменник социализма, желавший среди рабочих сохранить репутацию социалиста и марксиста. Враг СССР.—40, 45, 50, 52, 196, 204.

Варга Е. (р. 1879)—член ВКП(б), экономист. В 1919 г., во время советской власти в Венгрии, был народным комиссаром земледелия. Позже приехал в СССР. Автор ряда работ по экономике капиталистических стран, действительный член Академии наук СССР.—136.

Вильсон В. (1856—1924)—президент США в 1913—1921 гг. Проводил политику вовлечения США в первую мировую империалистическую войну на стороне Антанты (в апреле 1917 г. США объявили войну Германии). Вильсон—один из инициаторов создания Лиги наций.—23, 30, 113, 115.

Врангель П. (1878—1928)—белогвардейский генерал, активный участник контрреволюционной борьбы против советской власти в годы гражданской войны. После разгрома врангелевских войск в 1920 г. Красной Армией Врангель бежал в Турцию.—194.

Гайндман Г. (1842—1921)—один из основателей социал-демократической федерации Англии, затем лидер британской социалистической партии. Оппортунист и социал-шовинист, еще задолго до войны 1914—1918 гг. защищавший империалистическую политику английского правительства.—45, 196.

Галлаккер В. (р. 1876)—английский коммунист, активный участник революционного рабочего движения в Англии, член ЦК английской коммунистической партии.

Гендерсон А. (1863—1935)—один из лидеров рабочей партии Англии и II Интернационала, оппортунист. Во время империалистической войны 1914—1918 гг. входил в коалиционное министерство Ллойд-Джорджа. По окончании войны также неоднократно был министром.—23, 124, 125, 148.

Гильбо А. (р. 1885)—французский поэт и публицист, анархо-синдикалист. На I конгрессе Коминтерна присутствовал от левого циммер-

вальдского крыла Франции. Впоследствии разоблачен как агент буржуазии.—25.

Гильфердинг Р. (р. 1877)—немецкий социал-демократ, оппортунист, был одним из лидеров немецкой «независимой» социал-демократической партии, которая образовалась в 1917 г., а в 1922 г. снова вошла в состав социал-демократической партии.—15, 17, 36, 157.

Гомперс С. (1850—1924)—реакционный лидер американских профсоюзов, в течение 40 лет состоял президентом «Американской федерации труда», крайний оппортунист. Яркий враг коммунизма и СССР.—124, 149, 205.

Гэд Ж. (1845—1922)—основатель социалистической партии во Франции. В первое время возглавлял борьбу с оппортунизмом во французском рабочем движении и отстаивал принципы революционного марксизма. Когда началась империалистическая война 1914—1918 гг., изменил прслетариату, стал социал-шовинистом и вошел в буржуазное правительство Франции.—196.

Давид Э. (1863—1930)—немецкий социал-демократ, оппортунист, сторонник Бернштейна. Во время империалистической войны 1914—1918 гг.—крайний социал-шовинист. После ноябрьской революции 1918 г. вошел в первое коалиционное правительство Германской республики. «Давид—оппортунист насквозь... субъект, вся жизнь которого посвящена буржуазному развращению рабочего движения» (*Ленин*, т. XVIII, стр. 161).—33.

Даргагона Л. (р. 1867)—один из лидеров оппортунистического крыла итальянской социалистической партии. С приходом к власти Муссолини целиком поддерживал установившийся режим.—157.

Деникин А. (р. 1872)—белогвардейский генерал, возглавлявший контрреволюционное движение на юге России в годы гражданской войны. Осенью 1919 г., после того как белогвардейские части были разбиты Красной Армией, сдал командование генералу Врангелю и эмигрировал в Англию.—58, 153, 194.

Дженнари Э.—деятель итальянского рабочего движения, участник III и IV конгрессов Коминтерна, член ЦК итальянской компартии.—170.

Дрейфус А. (1859—1935)—офицер французского генерального штаба, еврей; военным судом был невинно осужден в 1894 г. (и вторично при пересмотре его дела в 1899 г.) на пожизненную каторгу по ложному обвинению в шпионаже. «Дело Дрейфуса» было сфабриковано реакционной военщиной, монархистами и клерикалами. Вокруг «дела Дрейфуса» разгорелась ожесточенная, продолжавшаяся много лет политическая борьба между реакционными партиями, с одной стороны, и демократическими кругами Франции—с другой. Только в 1906 г. под давлением общественного мнения Дрейфус был оправдан и восстановлен на военной службе.—9.

Жорес Ж. (1859—1914)—известный французский социалист, возглавлявший оппортунистическое крыло французской социалистической партии. В 1904 г. основал газету «Юманите». Жорес был противником милитаризма и надвигавшейся империалистической войны. 31 июля 1914 г., перед самым началом империалистической войны, был убит одним из агентов французского правительства.—37.

Зорге Ф. (1828—1906)—немецкий революционер, социалист. После германской революции 1848—1849 гг. эмигрировал в Америку. Был секретарем Генерального совета I Интернационала (1872), боролся за линию Маркса в американских секциях I Интернационала. Друг Маркса и Энгельса, с которыми вел деятельную переписку.—44.

Зубатов С. (1864—1917)—с 90-х годов—начальник Московского

охранного отделения, организатор так называемой «зубатовщины» — «полицейской борьбы с царизмом путем создания фальшивых рабочих организаций, находившихся под опекой полиции.—45.

Карл I (1887—1922)—австрийский император и венгерский король (под именем Карла IV) с 1916 по 1918 г.—59.

Каутский К. (1854—1938)—один из идеологов германской социал-демократии и II Интернационала. В первых своих работах Каутский выступал как марксист, хотя и не вполне последовательно. Был «центристом»—скрытым, а потому наиболее опасным для рабочего движения оппортунистом. Во время империалистической войны 1914—1918 гг.—центрист, лицемерно прикрывший свой оппортунизм интернационалистской фразой. «...Каутский проявил себя первоклассным лицемером и виртуозом в деле протитуирования марксизма» (*Ленин*, т. XVIII, стр. 279). После установления диктатуры пролетариата в СССР Каутский выпустил ряд книг, полных клеветы на большевиков и советскую власть, призывавших к войне против Советского Союза.—14, 17, 33, 35, 36, 40, 41, 49—53, 70, 100, 133—137, 182, 186, 204.

Квелч Т.—английский социалист, принадлежал к левому крылу британской социалистической партии. В 1920 г.—делегат II конгресса Коминтерна.—131.

Квелч Х. (1856—1913)—один из вождей английской социал-демократии, боролся против оппортунизма и либеральной рабочей политики в английском рабочем движении (см. некролог «Гарри Квелч», написанный Лениным, т. XVI, стр. 607—609).—51.

Кейнс Д. (р. 1883)—английский экономист, профессор Кембриджского университета, в 1919 г. был членом британской делегации на мирной конференции в Париже по разработке основных положений Версальского договора.—109—111, 113, 114.

Керенский А. (р. 1881)—эсер, в 1917 г.—министр буржуазного Временного правительства, а затем и его премьер. Проводил контрреволюционную политику, был одним из организаторов корниловского мятежа. После Октябрьской революции выступил с офицерскими и казачьими частями против советской власти; разбитый под Гатчиной, бежал за границу. Злейший враг СССР.—18, 36—38, 40, 41, 55, 56, 117, 119, 139.

Клемансо Ж. (1841—1929)—видный политический деятель Франции, идеолог французской буржуазии. Неоднократно был министром и премьер-министром. Глава французского правительства в 1917—1920 гг.—30, 45, 113, 115.

Колчак А. (1873—1920)—царский адмирал. В 1918—1919 гг. возглавлял контрреволюцию в Сибири. Ставленник английского и французского правительств, объявленный «верховным правителем России». К концу 1919 г. армия Колчака была разгромлена Красной Армией. Сам Колчак был арестован и расстрелян по приговору Иркутского ревкома.—58, 153, 194, 208, 219.

Компер-Морель А. (1872—1935)—французский социал-шовинист во время империалистической войны 1914—1918 гг. Враг Советского Союза.—197.

Красин Л. (1870—1926)—член ВКП(б); в 1920 г. в качестве представителя советского правительства в Англии вел переговоры об урегулировании военных долгов и взаимоотношений между Англией и Советской Россией.—110.

Крупн—фамилия крупных германских капиталистов, владельцев сталелитейных заводов в Эссене (Рейнская область).—135.

Лаццари К. (1857—1927)—итальянский социалист, центрист, участник Циммервальдской конференции, принадлежал к группе сторонников Коминтерна; участвовал на III конгрессе, но к Коминтерну не примкнул. Впоследствии отошел от политической деятельности.—167—170, 204.

Леви П. (1883—1930)—немецкий социал-демократ. Состоял одно время в коммунистической партии Германии. В 1921 г. после III конгресса Коминтерна, осудившего оппортунизм Леви, организовал свою группу, но вскоре примкнул к «независимым» и вместе с ними вернулся в социал-демократическую партию.—109, 112, 190, 202—205.

Легин К. (1861—1926)—немецкий социал-демократ; в течение многих лет—руководитель германских профессиональных союзов, мажоритарный оппортунист, «вернейший сторожевой пес буржуазии», по характеристике Ленина.—33.

Либкнехт К. (1871—1919)—один из вождей левого крыла германской социал-демократии. Во время империалистической войны 1914—1918 г. занимал интернационалистскую позицию; выступил против голосования кредитов на войну. В числе первых стал на сторону Октябрьской социалистической революции, призывая немецких рабочих последовать русскому примеру. Вместе с Р. Люксембург основал коммунистическую партию Германии в 1918 г. После подавления восстания берлинских рабочих в январе 1919 г. был арестован и убит агентами правительства социал-предателя Шейдемана.—3, 9, 10, 27, 50, 57, 135.

Ллойд-Джордж Д. (р. 1863)—известный буржуазный политический деятель Англии, лидер партии либералов. Премьер-министр Англии в 1916—1922 гг. Один из авторов Версальского договора.—23, 30, 37, 110, 113, 115.

Лорю Ф. (1870—1930)—французский социалист; во время войны примыкал к интернационалистам; позже стал троцкистом.—45, 46.

Люксембург Р. (1871—1919)—известная деятельница польского и германского рабочего движения; вела борьбу с оппортунизмом и ревизионизмом в международной социал-демократии. В течение многих лет возглавляла левое крыло германской социал-демократии. Ленин, высоко ценивший Р. Люксембург, критиковал ряд ее теоретических и политических ошибок (боязнь итти на раскол с оппортунистами, ошибки по национально-колониальному вопросу, о роли партии, об империализме, меньшевистскую схему перманентной революции и др.). С начала империалистической войны 1914 г. Р. Люксембург выступила против социал-шовинизма, заявив, что «немецкая социал-демократия после 4 августа 1914 г.—смердящий труп». В декабре 1918 г. вместе с Карлом Либкнехтом основала коммунистическую партию Германии. В январе 1919 г. убита агентами правительства социал-предателя Шейдемана.—3, 9, 10, 27, 50, 135, 204.

Макдональд Р. (1866—1937)—один из лидеров английской «Рабочей партии» и II Интернационала, крайний оппортунист, социал-шовинист, был английским премьер-министром (в 1924, 1929, 1931—1935 гг.), позже стал реакционным консервативом.—37, 40—44, 46, 49—52, 116, 117, 118, 134, 144.

Мак-Лейн В. (р. 1891)—английский социалист, один из активных деятелей левого крыла британской коммунистической партии, из которого впоследствии образовалась коммунистическая партия Англии. В настоящее время член компартии.—123—125, 143, 146.

Маринг Х.—делегат на II конгрессе Коминтерна от компартии Голландской Индии.—127.

Маркс К. (1818—1883)—см. его биографию, написанную Ф. Энгельсом в 1878 г. (*К. Маркс*, Избранные произведения в двух томах, т. I, стр. 1—10) и В. И. Лениным в 1914 г. (Соч., т. XVIII, стр. 1—43).—6, 13, 29, 32, 34, 36, 43, 44, 166, 196.

Мартов Л. (1873—1923)—один из лидеров меньшевиков. Во время империалистической войны 1914—1918 гг.—центрист, прикрывавший свой оппортунизм интернационалистской фразой. После Октябрьской социалистической революции—белоземigrant, враг советской власти.—45.

Маршлевский Ю. (1866—1925)—коммунист, один из крупных деятелей рабочего движения Польши, Германии и России. В 1918 г. был освобожден в обмен на немецких военнопленных в России. Принимал активное участие в работе Коминтерна и в государственных советских органах.—61.

Мергейм А. (1881—1925)—французский синдикалист, руководитель союза металлистов; в начале войны 1914—1918 гг. занимал пацифистскую позицию, потом перешел на сторону буржуазии, активно помогая ей в ведении войны.—45.

Миллеран А. (р. 1859)—первый из «социалистов», вошедший в буржуазное правительство Франции в 1899 г. В годы первой империалистической войны (1914—1918)—один из идеологов французского империализма; после Октябрьской социалистической революции—инициатор интервенции против СССР. Сыграл большую роль в организации войны белополяков против Советской России; в 1920—1924 гг.—президент Французской республики.—196.

Миллюков П. (р. 1859)—лидер партии кадетов, идеолог русской империалистической буржуазии. Был министром иностранных дел контрреволюционного Временного правительства в 1917 г. После Октябрьской социалистической революции—один из руководителей и организаторов контрреволюции и вооруженной борьбы против советской власти. Белоземigrant.—165, 187.

Модильяни Э. (р. 1868)—итальянский социалист, оппортунист, один из лидеров II Интернационала, ярый враг коммунистов и Советского Союза.—74, 170.

Носке Г. (1868—1933)—немецкий социал-демократ, ярый оппортунист. После свержения Вильгельма II (1918 г.) вместе с другими предателями из социал-демократии вошел в буржуазное правительство Германии. С крайней жестокостью подавил восстание германских рабочих в январе 1919 г. За зверские расправы с революционными рабочими получил кличку «кровавая собака Носке». Один из организаторов злодейского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург.—33, 89, 144, 145, 149.

Орландо В. (р. 1860)—итальянский политический деятель. В 1914—1916 гг.—министр юстиции, был сторонником участия Италии в мировой войне на стороне Англии и Франции. В 1919 г. возглавлял итальянскую делегацию на Версальской мирной конференции. Впоследствии отошел от политической деятельности.—115.

Панкхерст С. (1882—1928)—одна из руководительниц женского суфражистского движения в Англии. Во время войны 1914—1918 гг. вела антимилитаристическую пропаганду. В 1920 г. участвовала в работе II конгресса Коминтерна. Впоследствии была исключена из коммунистической партии.—144—148.

Паннекук А. (р. 1873)—левый голландский социалист. Впоследствии отошел от политической деятельности.—137.

Пилсудский П. (1867—1935)—в годы первой империалистической

войны (1914—1918)—начальник польских легионов, действовавших против России. В 1920 г.—глава польского правительства.—194.

Плеганов Г. (1856—1918)—основатель первой марксистской группы «Освобождение труда» в России в 1883 г., выдающийся пропагандист марксизма, нанесший основной удар народнической системе взглядов. После II съезда партии (1903 г.) перешел к меньшевикам и стал одним из руководителей меньшевизма.—133, 204.

Платтен Ф. (р. 1883)—швейцарский социалист, участник Циммервальдской и Кинтальской конференций.—18.

Ренненкампф П. (1854—1919)—царский генерал, в 1905 г. возглавлял карательную экспедицию, жестоко подавлявшую революционное движение в Забайкалье.—45.

Реннер К. (р. 1870)—австрийский социал-демократ, ревизионист, социал-предатель. В своих работах по национальному вопросу защищал реакционную идею «культурно-национальной автономии». Во время империалистической войны 1914—1918 гг.—ярый социал-шовинист. В 1918 г.—канцлер австрийской республики, организатор разгрома революционного движения.—31, 149—151.

Ренодель П. (1871—1935)—представитель крайне правого оппортунистического крыла французской социалистической партии.—23, 25, 196.

Рой М. (р. 1890)—участвовал на II конгрессе Коминтерна от Британской Индии. В 1929 г. исключен из Коминтерна, как ренегат.—127, 130.

Серрати Д. (1872—1926)—итальянский социалист, лидер центристского крыла итальянской социалистической партии. В период империалистической войны 1914—1918 гг. занимал интернационалистическую позицию. Во время переговоров с Коминтерном отказался подчиниться одному из условий Коминтерна, требовавшему безоговорочного разрыва с реформистами типа Турати, Тревес и др. Серрати и его единомышленники были исключены из Коминтерна. Впоследствии, после признания своих ошибок, член компартии.—125, 133, 134, 137, 168—171, 190, 196, 202, 204, 205.

Сноуден Ф. (1864—1937)—английский социалист, оппортунист. В 1924 г. входил в качестве министра финансов в так называемое «рабочее правительство» Макдональда.—144.

Стиннес Г. (1870—1925)—крупный германский капиталист, разбогатевший на казенных заказах во время империалистической войны 1914—1918 гг.—135.

Тома А. (1878—1932)—один из продажных лидеров французской социалистической партии, социал-шовинист, с первых дней империалистической войны 1914—1918 гг. вошел в буржуазное правительство Франции.—59, 60, 120, 149.

Томас Д. (р. 1873)—английский профсоюзный деятель. В 1924 г. в «рабочем правительстве» Макдональда занимал пост министра колоний.—146.

Трубуской Е.—профессор Московского университета; в годы гражданской войны—деникинec. Белоэмигрант.—58.

Трульстра П. (1860—1930)—один из основателей и лидеров голландской социал-демократической партии, социал-шовинист.—54.

Турати Ф. (1857—1932)—один из основателей итальянской социалистической партии, оппортунист, проповедывавший сотрудничество классов.—50, 74, 100, 125, 137, 157, 167, 168, 170, 196.

Чернов В. (р. 1873)—один из лидеров партии эсеров, оборонц-соглашатель, министр земледелия в контрреволюционном Временном правительстве в 1917 г., боролся против захвата помещичьих земель

крестьянами. После Октябрьской социалистической революции—организатор борьбы против советской власти. Белоэмигрант.—138.

Чириков Е.—буржуазный литератор. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу, вел ожесточенную борьбу против Советского Союза.—58.

Шейдеман Ф. (1865—1939)—немецкий социал-демократ, крайний оппортунист и социал-шовинист, поддерживавший империалистическую политику императора Вильгельма II. Встав во главе правительства после ноябрьской революции 1918 г. в Германии, стал палачом революционного германского пролетариата и организатором убийства Р. Люксембург и К. Либкнехта. Шейдеман, по характеристике Ленина, «отвратительный лакей империалистской буржуазии».—13, 14, 18, 31, 33, 36, 40, 50, 89, 118, 134, 144—146, 149, 204.

Шлераль Б. (1880—1941)—один из основателей коммунистической партии Чехо-Словакии, делегат III конгресса Коминтерна. Член ЦК компартии Чехо-Словакии.—181.

Энгельс Ф. (1820—1895)—см. его биографию, написанную В. И. Лениным в 1895 г. (Соч., т. 2, стр. 1—13, изд. 4-е).—6, 33, 43, 44, 45, 166, 186, 196.

Юденич Н. (1862—1933)—царский генерал. В годы гражданской войны командовал контрреволюционными войсками на северо-западном фронте. Осенью 1919 г. после разгрома его войск Красной Армией бежал с остатками своей армии в Эстонию, а затем в Англию.—153, 194.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	2
Речь при открытии конгресса 2 марта	3
Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта	5
Резолюция по докладу о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата	20
Заключительная речь при закрытии конгресса 6 марта	21
Завоеванное и записанное	22
Об основании Коммунистического Интернационала. <i>Речь на торжественном соединенном заседании В.Ц.И.К., Московского Совета Р. и Кр. Д., М.К.Р.К.П.(б), В.Ц.С.П.С., профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы в день чествования открытия Коммунистического Интернационала 6 марта 1919 г.</i>	24
III Коммунистический Интернационал. <i>Речь, записанная на граммофонной пластинке</i>	29
Третий Интернационал и его место в истории	30
О задачах III Интернационала. <i>Рамсэй Макдональд о III Интернационале</i>	37
Речь на торжественном заседании Московского Совета, посвященном годовщине III Интернационала, 6 марта 1920 г.	54
Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу. <i>Для второго съезда Коммунистического Интернационала</i>	61
Условия приема в Коммунистический Интернационал	72
Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. <i>Для второго съезда Коммунистического Интернационала</i>	78
Тезисы ответа германским «независимым» на предложение переговоров	85
Тезисы об основных задачах второго конгресса Коммунистического Интернационала	91
Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля	106
Речь о роли коммунистической партии 23 июля	123
Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля	127
Речь об условиях приема в Коммунистический Интернационал 30 июля	133
Речь о парламентаризме 2 августа	139
Речь о вхождении в британскую рабочую партию 6 августа	143

Письмо к австрийским коммунистам	149
Второй конгресс Коммунистического Интернационала	152
Ответ корреспонденту газеты «Дейли-Ньюс» г. Сегрю	154
Письмо к немецким и французским рабочим. <i>По поводу прений о II конгрессе Коммунистического Интернационала</i>	156
Тезисы доклада о тактике Р.К.П. на III конгрессе Коммунистиче- ского Интернационала (<i>Первоначальный проект</i>)	159
Речь по итальянскому вопросу 28 июня	167
Доклад о тактике Р.К.П. 5 июля	172
Из письма «К немецким коммунистам»	189
О тезисах по аграрному вопросу французской коммунистической партии	193
Заметки публициста. <i>О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п.</i>	199
IV Всемирному конгрессу Коминтерна. Петроградскому Совету Р. и К. Депутатов	206
План речи на IV конгрессе Коминтерна	207
Пять лет российской революции и перспективы мировой револю- ции. <i>Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г.</i>	209
Примечания	222
Указатель имен	226

Под наблюдением редактора М. Рабиновича.

Тираж 25 тыс. Подписано в печать 7 июня 1941 г. А 39684. 14³/₄ п. л. 12,75 авт. л.
38 000 зн. в 1 п. л. Заказ 217. Цена 2 руб.

3-я типография книги «Красный пролетарий»
Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.